

interaction

интеракция

interview

интервью

interpretation

интерпретация

INTER

INTER, 11'2016

Институт социологии Российской академии наук
Российское общество социологов
Международная социологическая ассоциация
Комитет «Биографии и общество»

11'2016

© 2016 Журнал «ИНТЕРАкция.
ИНТЕРвью. ИНТЕРпретация»

Соредакторы номера:

Александрина Ваньке (Москва, Россия)
Елена Рождественская (Москва, Россия)
Виктория Семенова (Москва, Россия)

Редакционная коллегия:

Розвита Брекнер (Австрия)
Том Венграф (Великобритания)
Леокадия Дробижева (Россия)
Кэти Дэвис (Нидерланды)
Лена Иновлоки (Франкфурт-на-Майне, Германия)
Ирина Козина (Россия)
Кшиштоф Косела (Польша)
Елена Омельченко (Россия)
Анна Роткирх (Финляндия)
Елена Ярская-Смирнова (Россия)

Журнал рецензируемый
Индексируется РИНЦ

Номер подготовлен при финансовой поддержке
Российского научного фонда. Грант № 14-28-00217

*На обложке использован фрагмент картины Сальвадора Дали
«Явление лица Афродиты Книдской на фоне пейзажа»*

Адрес редакции:

117259, Москва
Ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5
Тел.: (499) 128-86-18
Факс: (495) 719-07-40
e-mail: rusica@isras.ru

Содержание

<i>Петр Иванов</i> Городские жители и производство пространства (на примере российских городов).....	5
<i>Анатолий Жвитиашвили</i> Нестабильная занятость и социальное неравенство: западный опыт	16
<i>Екатерина Бессчётнова</i> Социальные коннотации запаха	27
<i>Алиса Толстокорова</i> Украинские «золотые рыбки»: стратегии сопротивления неравенству и доминированию во взаимоотношениях мигранток-домработниц и их работодателей.....	44
Биография номера	61
Интервью с руководителем сети дистрибьютеров в компании сетевого маркетинга.....	61
Размышления над книгой	76
<i>Oleg Yanitsky</i> The Urry's global mobilities concept: some comments and considerations.....	76
Обзоры конференций	85
<i>Евгения Гольман</i> Международная трансдисциплинарная конференция «Doing the Body in the 21 st Century». Питтсбург, Университет Питтсбурга, 31 марта — 2 апреля 2016 г.	85
<i>Надежда Васильева</i> Новые проблемы в исследованиях социальной мобильности. Российско-польская конференция. Варшава, Варшавский университет, 11–12 апреля 2016 г.	89
<i>Павел Сушко</i> Дискуссии социологов о настоящем России. XVII Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. Москва, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 19–22 апреля 2016 г.	93
Авторы номера	97
Abstracts and key words	98

Contents

<i>Pert Ivanov</i> Urban dwellers and production of urban space (on the example of Russian cities)	5
<i>Anatoly Zhvitiashvili</i> Instable employment and social inequality: Western case.....	16
<i>Ekaterina Besschetnova</i> Social connotations of smell	27
<i>Alissa Tolstokorova</i> «Ukrainian goldfishes»: strategies of resistance to inequality and domination in the relationship between migrant women domestics and their employers	44
Biography of the issue	61
Reflections on the book	76
<i>Oleg Yanitsky</i> The Urry's global mobilities concept: some comments and considerations	76
Reviews	85
<i>Evgeniya Golman</i> International transdisciplinary conference «Doing the Body in the 21 st Century». Pittsburgh, The University of Pittsburgh, 31 March — 2 April 2016	85
<i>Nadezhda Vasylieva</i> New issues in social mobility studies. Russian-Polish conference. Warsaw, The University of Warsaw, 11–12 April 2016	89
<i>Pavel Sushko</i> Discussions on contemporary Russia by sociologists. XVII April International Academic Conference on Economic and Social Development. Moscow, National Research University — Higher School of Economics, 19–22 April 2016	93
About the authors	97
Abstracts and key words	98

Городские жители и производство пространства (на примере российских городов)¹

Петр Иванов*

В данной статье представлено основанное на ряде исследований, проведенных автором в разное время в 2012–2015 гг., концептуальное построение, описывающее структуры производства пространства в российских городах с акцентом на роли городских жителей в этих структурах. Для создания этого построения решается ряд таких задач, как различение горожан (citizens) и городских жителей (urban dwellers), описание паттернов пространственного поведения и участия городских жителей в производстве пространства, а также описание шести ключевых структур отчуждения городских жителей в России от участия в производстве пространства. В статье даются предложения по развитию исследовательской повестки и направлений дальнейших исследований в области производства пространства в российских городах, а также в области исследований городских жителей и городских активистов.

Ключевые слова: социология города, производство пространства, городские жители, метаисследование, отчуждение, городской активизм, кризисное мышление

Введение

Исследовательская повестка гуманитарных наук в нашей стране долгое время обходила вопросы городских исследований стороной. «Поворот к городу» в социологии, культурологии и других дисциплинах наметился только в последние несколько лет, до этого городская проблематика поднималась в основном в области социальной географии, экономики и правоведения. Главный вызов «поворота к городу» заключается в том, что, с одной стороны, он заземлен в прикладной научной деятельности, т.е. от результатов работы исследователя ожидается практическая применимость, как это происходит, например, в маркетинге, а сама по себе работа вынуждена быть оперативной, но, с другой стороны, «поворот к городу» происходит в ситуации отсутствующей языковой традиции городских исследований и, как следствие, оперирует заимствованными языками. Помимо того, что благодаря этому мы вынуждены иметь дело с крайне дисперсным дискурсом, мы еще и производим огромное количество феноменов, не имеющих внятного размещения в этом дискурсе друг относительно друга, а, как следствие, оперируем не столько понятиями, сколько идеологемами. Когда идеологемы, такие как

---

¹ Автор выражает благодарность коллегам, принимавшим участие в исследованиях, послуживших материалом для данной статьи: **А. А. Высоковскому**, Т. Е. Шваревой, К. А. Поповой, А. Ю. Стрепетову, Л. В. Жвирблис, Ю. А. Милевскому, Г. А. Виткову, А. В. Чепурной, А. В. Ваньке, Д. Р. Кодзоковой, Е. В. Фефеловой и др.

* Иванов Петр, магистр социологии, куратор Лаборатории полевых исследований города, Высшая школа урбанистики им. А. А. Высоковского НИУ ВШЭ. pivanov@hse.ru.

«мнение жителей», «креативный класс», «партиципаторное планирование», используются политиками, городскими чиновниками или активистами — это ожидаемо, но когда они звучат из уст гуманитариев, это закономерно вызывает критику в их адрес. Эту статью следует считать в том числе призывом к критической рефлексии идеологом в языке городских исследований. Собственно, на примере понятий «горожанин» и «участие жителей в принятии решений» (применительно к производству пространства (Лефевр, 2002, с. 27–22)) мы хотим показать, каким образом подобного рода рефлексия, опирающаяся на полевые данные, может осуществляться. Побочным продуктом такого рода рефлексии, безусловно, должны стать исследовательские вопросы разного порядка, которые и будут представлены в заключении статьи. Пока же нужно заострить внимание на том, что, несмотря на то что нами используется марксистская терминология («производство пространства», «отчуждение»), мы осторожны в применении марксистской оптики в городских исследованиях в России, как, впрочем, и многих других интеллектуальных традиций, описывающих город. О ряде институциональных причин такого положения дел пойдет речь далее, но здесь важно уточнить, что для описания различных процессов и феноменов мы будем прибегать к различным языковым и теоретическим ресурсам.

Понимание пространства как продукта производства необходимо нам для того, чтобы представить себе город как процесс, в который вовлечены различные акторы, будь то городские чиновники или башенные краны. Городское пространство является отражением общественных отношений, и, изучая вовлеченных в процесс производства пространства акторов и их проведение в этом процессе, мы можем понять работу структур общественных отношений. Городское пространство, будучи по своей природе физико-социальным (Карпов, 2001, с. 59–72), обладает гораздо меньшей гибкостью, нежели метафорическое пространство социальных отношений, а, следовательно, возможность схватить слепок той или иной структуры отношений через то, какого качества пространство производят акторы, гораздо шире и надежнее. Однако одним из важных вопросов является то, а какое, собственно, пространство мы именуем городским. На каком основании мы производим различие города и не-города? Является ли, скажем, дихотомия urban-rural пространственной, или же это пространственная метафора, которая не имеет явного географического выражения? Вслед за этим следует вопрос — а кого мы считаем горожанами? Горожанин — это пространственная категория, описывающая человека через его место проживания (Вирт, 2005, с. 93–118), или же это категория, описывающая человека через его практики?

Когда мы говорим о «горожанине», то зачастую имеем дело с идеологически, ценностно нагруженной конструкцией. Вячеслав Глазычев писал, что в России не сформировалось горожан (Глазычев, 2002), и для того чтобы описывать жителей большинства российских городов он предлагает термин «слобожане», а термин «слобода» для описания городов. Т.е. речь идет о том, что горожане, в отличие от слобожан, сами выбирают свое место поселения, осознают свои политические права, активно включены в процесс производства пространства. Слобожане же пассивны как в своей резидентной мобильности (где разместили, там и живут), так и в своей политической активности, а, следовательно, выключены из процесса производства пространства. Несмотря на эвристичность метафоры «слобода», нам сам термин видится не до конца релевантным и, как это бывает с объясняющими метафорами, не до конца объясняющим то, что призван объяснить. Подобного рода метафоры важны для начала разговора о городском, как, например, для начала разговора о городах Европы и Америки начала XX в. важнейшими метафорами стали *Gesellschaft* и *Gemeinschaft* Фердинанда Тенниса (Теннис, 2002) и постулированное Робертом Парком в 1915 г. принципиальное отличие социального в Большом Городе (Park, 1915, p. 577–612) от всех других форм человеческих сообществ. Тем не менее, возвращаясь к горожанам, нам видится необходимым

использовать более удачный с точки зрения идеологического нейтралитета термин «городские жители» (urban dwellers).

Прилагательное «городской» здесь требует дополнительных оговорок, с тем чтобы не создать неловкой ситуации, подобно той, в которой оказался Герберт Ганс (Gans, 1962), автор типологии «городских жителей», вычеркнувший из типологии обитателей субурбии, сочтя их «негородскими жителями». В целях фундирования прилагательного «городской» я бы обратился к третьей экологии, описанной Вахсмутом (Wachsmuth, 2012, р. 506–523), которая рассматривает город как городской регион в сложных экосистемных отношениях с прилегающими территориями. Таким образом, мы решаем проблему территориальности через достаточно расплывчатую географически, но достаточно легко описываемую в категориях энвайроментального подхода привязку: «городской» — значит имеющий экосистемную связь с городом, будь то дыхание городским воздухом, строительство жилища из городского мусора или ежедневное пользование городским метрополитеном. А вот с «жителем» все несколько сложнее, потому что «житель» комфортно себя чувствует только в достаточно гибком пространстве энвайроментального подхода. Как только речь начнет идти о градостроительстве, в особенности о юридическом его измерении, проблем не миновать. Однако пока я воздержусь от рассуждений о юридической субъектности городского жителя и перейду к описанию его таким, каким он предстал в различных исследованиях, которые осуществляли мы с моими коллегами в разное время с 2012 по 2015 г.

Данные исследовательских проектов

Статья основывается на материалах нескольких исследовательских проектов.

1) Исследование «Борьба за горожанина», массовый панельный опрос, проведенный в 2013 г. Высшей школой урбанистики им. А. А. Высоковского совместно с маркетинговым агентством «Профи-исследования». Выбор городов для опроса строился на основании Индекса развития человеческого потенциала региональных столиц России, составленного в рамках того же исследования. В первую линию опроса попали 6 региональных столиц, характеризующихся высоким и средним уровнями развития человеческого потенциала, — Екатеринбург, Тюмень, Краснодар, Томск, Воронеж, Новосибирск. Во вторую линию опроса попали города, характеризующиеся низким уровнем развития человеческого потенциала, — Омск и Волгоград. Выборка первой линии составила 5400 респондентов, второй — 1200 респондентов. Подробно с отчетом об исследовании можно ознакомиться на сайте Московского урбанистического форума².

2) Исследование городских дворов Москвы, массовый опрос, проведенный в 2013 г. совместно с фондом «Городские проекты Ильи Варламова и Максима Каца». Интернет-опрос по Москве, в границах до присоединения Новой Москвы. Объем выборки составил 1759 респондентов. Выборка смещена в сторону мужского пола и среднего возраста респондентов. Массовый опрос сопровождался качественным интервьюированием по единому полуформализованному гайду с тематическими вариациями на различных территориях, на качественном этапе было взято 62 интервью. Подробно с отчетом об исследовании можно ознакомиться на сайте фонда³.

3) Исследование двора на ул. Академика Анохина, 38 в г. Москва, исследование смешанного дизайна, подразумевавшего опрос жителей четырех многоквартирных домов в районе Тропарево-Никулино, а также наблюдение и проектные группы с жителями этих

² URL: <http://2016.mosurbanforum.ru/books/> (дата обращения: 9.06.2016).

³ URL: https://city4people.ru/blog/blog_437.html (дата обращения: 9.06.2016).

домов, посвященные вопросу благоустройства их двора. Это и ряд других исследований в районе Тропарево-Никулино подробно описаны в сборнике «Тропарево-Никулино: Опыт городского самоуправления»⁴.

4) Исследование структур идентичности г. Кимры Центра полевых исследований в 2015 г. Исследование выполнено в качественной парадигме, в ходе исследования проведено 80 интервью с жителями г. Кимры Тверской области. Исследование было направлено на выявление структур идентичности и территориальной дифференциации города⁵.

Ключевые характеристики городского жителя

В ходе исследования «Борьба за горожанина» нами был выявлен ключевой элемент привязанности городского жителя к городу — экономический. Мы можем это утверждать на основании того, что фактор удовлетворенности работой и заработной платой показал сильную корреляцию с частотой положительного ответа на вопрос «Скажите, вам в целом нравится или не нравится жить в вашем городе?». Единый агломерационный процесс в нашей стране, описанный Натальей Зубаревич (Zubarevich, 2013), характеризуется тем, что экономика страны концентрируется в больших городах, в первую очередь в региональных центрах, и далее, в еще большей степени, концентрируется в Москве и Санкт-Петербурге. Такая сверхцентрализация приводит к тому, что даже жители достаточно отдаленных от центров населенных пунктов связывают свою жизнь с мегаполисами, например, через практику отходничества (Plusnin, Pozanenko, Zhidkevich, 2015, р. 35–71), описанную Симоном Кордонским и его коллегами. Исследование «Борьба за горожанина» показало, что ключевым фактором удовлетворенности городской средой для городских жителей является удовлетворенность работой. Которая, в свою очередь, в наибольшей степени состоит из удовлетворенности заработной платой. Однако не стоит думать, что поведением городских жителей управляет в чистом виде аутичная экономическая рациональность. В интервью, полученном в ходе изучения города Кимры, молодой человек из Пензы, работающий в Кимрах строителем, утверждал, что получать 50 000 рублей и из них 25 000 рублей отдавать за жилье менее выгодно, чем получать 25 000 рублей и отдавать за жилье 2500 рублей. Это утверждение является примером того, как представления городских жителей об экономике и экономической целесообразности не совпадают с формальной экономической целесообразностью.

Помимо экономической связи с городом городских жителей России объединяет ценность природы. Жители г. Кимры в интервью часто в различных вариациях сообщали нашей исследовательской группе: «У нас город хороший! Как в лесу живем!». И что-то подобное можно услышать в других российских городах. В 2013 г. совместно с фондом «Городские проекты Ильи Варламова и Максима Каца» было проведено исследование того, как жители Москвы оценивают свои дворы. В ходе этого исследования мы ставили своей задачей выявить, какие факторы влияют на оценку жителями своих дворов. В результате факторного анализа мы выявили один действительно (0.385) значимый фактор — оценка качества озеленения. Даже учитывая, что ссылка на интернет-опрос распространялась с помощью блога Ильи Варламова, т.е. мы ожидали, что получим какие-то искажения, связанные с тем, что значительная часть аудитории — люди, с интересом читающие про качество укладки плитки и красоту парковочных столбиков, даже

⁴ По неизвестным причинам данный сборник был удален с сайта Московского урбанистического форума, в связи с чем автор был вынужден выложить его на своей странице Academia.edu в авторской редакции в разделе Drafts (URL: <https://hse-ru.academia.edu/PetrIvanov>).

⁵ Отчет о результатах исследования см.: Презентация отчета Центра полевых исследований 2015 года // Academia. URL: <https://www.academia.edu/15515330/> (дата обращения: 9.06.2016).

несмотря на это единственным значимым фактором оказалось озеленение. В небольшом (n = 96) волонтерском исследовании г. Мытищи, в ходе которого мы хотели выявить структуры идентичности этого индустриального города-спутника, мы столкнулись с тем, что жители Мытищ точно так же ценят в своем городе то, что в нем «зелено». Некоторые респонденты даже указывали это в качестве причины, по которой они переехали в этот город-спутник из мегаполиса. Опять же, в «Борьбе за горожанина», когда мы спрашивали о том, где жителям региональных столиц хотелось бы жить, наиболее популярным ответом стал: «Жить поближе к природе». Там же мы выяснили, что 42% жителей региональных столиц в целом не интересуются городскими благами и услугами, они работают преимущественно в городе и редко пользуются социальной инфраструктурой, такой как поликлиники и школы. Кинотеатры, парки, боулинг, бассейны и театры их совершенно не интересуют, зато они предпочитают ходить в гости или проводить свободное время дома. Таким образом, обобщая этот пункт, можно сказать, что в большинстве своем жители городов России плохо различают городскую среду и ограниченно пользуются городскими благами.

Еще одной важной чертой жителей региональных столиц является то, что они сторонятся любых форм самоорганизации. Так, из 5400 респондентов только 20% состоят в каких-либо формальных или неформальных организациях, будь то профсоюзы, ТСЖ, ТОС и другие. 80% не состоят вообще нигде. И почему-то в связке с самоорганизацией идет любовь к походам в театр, неудовлетворенность заработной платой и уверенность в том, что в городе легко можно вести бизнес. Когда в 2012 г. мы проводили опрос на Анохина, 38⁶, с тем чтобы на основании этого опроса сформировать эскизный проект благоустройства двора, то наиболее типичным сценарием диалога информанта с интервьюером был такой:

Интервьюер: Здравствуйте! Мы проводим опрос для того, чтобы разработать проект благоустройства вашего двора!

Информант: Здравствуйте! Нет, я, наверное, отвечать не буду, но вот там на втором этаже живет активная женщина, она вам все расскажет (женщина, 40–50 лет, Тропарево, 2012).

Т.е. даже оказавшись в ситуации вокализации, ситуации, когда ему дают возможность принять участие в трансформации городской среды вокруг своего дома, житель российского города находит способ уйти от участия. Также в этом диалоге важно то, что житель российского города признает за собой невысокую способность к различению городской среды и делегирует свое право на участие в производстве пространства тому, кто, по его мнению, обладает данной способностью («активная женщина»). В исследовании «Борьба за горожанина» мы также задавали жителям региональных столиц довольно широкий спектр вопросов, касающихся форм участия, и обнаружили, что менее 10% горожан когда-либо писали обращения в органы власти, участвовали в публичных слушаниях или же ходили на собрания советов депутатов. Тот факт, что в нашу выборку попало целых 208 (4% от всех респондентов!) старших по подъезду, смотрится на этом фоне занимательным курьезом, в особенности если принять во внимание, что вовлеченность в самоуправление у старших по подъезду немногим отличается от вовлеченности лишенных этого титула респондентов. Длительное включенное наблюдение за сообществами городских активистов в районе Тропарево-Никулино (частично

⁶ Иванов. П. В. Что мы наделали: Социальное обследование двора в Тропарево-Никулино // URL: UrbanUrban. Интернет-журнал. 19.03.2013.

<http://urbanurban.ru/blog/space/209/Chto-my-nadelali-Sotsialnoe-obsledovanie-dvora-v-Tropanyovo-Nikulino> (дата обращения: 9.06.2016).

результаты этого наблюдения зафиксированы в публикации «Тропарево: опыт местного самоуправления»⁷ к Московскому урбанистическому форуму 2013 г.) показало отсутствие каких-то четких ценностных структур, превращающих обычного жителя российского города в активиста — среди городских активистов встречаются носители принципиально различных политических воззрений и этических принципов, что, например, нашло отражение в обострении и без того несколько напряженных отношений в сообществе активистов после аннексии Крыма. Однако данный вопрос требует дополнительных исследований, поскольку на текущий момент тема городского активизма в России разработана явно недостаточно, за исключением большой работы Карин Клеман и ее коллег (Клеман, Мирясова, Демидов, 2010), а также значительного пласта литературы по градостроительным конфликтам⁸.

Таким образом, в завершении этого раздела следует подчеркнуть ключевые характеристики жителя российского города. Он плохо дифференцирует городское пространство, ограниченно им пользуется и дистанцируется от участия в производстве и регулировании городского пространства, избегая возможностей самоорганизации. В следующем разделе статьи речь пойдет о структурах отчуждения, во многом задающим подобного рода характеристики жителей российских городов.

Шесть структур отчуждения

Разговор о структурах отчуждения городского жителя в России следует начать с тезиса Эдуарда Трутнева о «неупакованности» (Трутнев, Сафарова, 2009) российских городов, в особенности «неупакованности» Москвы (Трутнев, 2015, с. 13–32), в которой до сих пор не могут принять правила землепользования и застройки. Советские градостроительство и градорегулирование не имели дела с различными субъектами, действующими в городе, но по сути дела работали в режиме монолога властвующего субъекта, трансформирующего и дифференцирующего пространство в соответствии со своими задачами. После распада Советского Союза и трансформации общественных отношений, сопутствовавшей этому процессу возникла потребность в формулировании и фиксации на законодательном уровне новых принципов взаимодействия субъектов в городском пространстве. Однако до конца этот проект не реализован и по сей день, в связи с чем позиция многих потенциальных участников производства пространства в городах России является либо недостаточно закрепленной законодательно, либо незакрепленной вообще. Т.е. по сути дела отсутствуют единые правила игры и система норм и санкций, которая бы фиксировала права и обязанности субъектов производства пространства. В ситуации, когда правила игры непонятны, включаются механизмы неправового регулирования отношений, что, в частности, приводит к необходимости минимизировать число включенных в производство пространства субъектов, порождая выглядящий неолиберально (однако, в полной мере им не являющийся) сговор бизнеса и власти. Проблема возникновения дополнительных акторов, в виде тех же городских жителей или местного бизнеса, может решаться различными способами — строительством «в чистом поле», где еще нет и не может быть никаких акторов, имеющих интересы, конструированием лояльных акторов, через фальсификацию общественных слушаний

⁷ Высоковский А. А., Иванов П. В., Попова К. А. и др. Тропарево-Никулино: Опыт городского самоуправления (авторская редакция) // Academia. URL: <https://hse.ru.academia.edu/PetrIvanov> (дата обращения: 9.06.2016).

⁸ См., например: Тыканова Е., Хохлова А. Траектории самоорганизации локальных сообществ в ситуации оспаривания городского пространства // Социология власти. 2014. № 2. С. 104–122; Мирясова О. Российская глубинка и мегаполисы: ценностные основания протестных выступлений // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. Июль-август. № 4 (110). С. 50–56.

или задействие административного ресурса для «правильного» голосования или же открытыми действиями в неправовом поле, включая применение силовых методов в отношении требующих голоса акторов. Таким образом, «неупакованность» российских городов и несовершенство градостроительного права являются как бы нулевой структурой отчуждения, фоном, на котором разворачиваются шесть структур отчуждения российских городских жителей от процесса производства пространства.

Первая структура отчуждения — структура присутствия недостижимой власти. Эта структура тем отчетливее видна, чем с более крупным городом мы имеем дело, и наиболее явственно заметна в Москве. Речь идет о том, что житель города живет в пространстве, которое в любой момент может быть изменено под действием нетранспарентных для городского жителя сил. Еще вчера в его дворе было тихо, а уже сегодня какие-то люди в спецовках снимают резиновое покрытие с детской площадки, выкорчевывают лавочки и проводят ремонт газона. В своих исследованиях мы часто спрашиваем людей об их представлениях о структуре городского управления. И, как правило, представление об этой структуре есть в ограниченном режиме либо у чиновников, работающих в городском управлении, либо у активистов, которым пришлось изучить устройство городского управления для того, чтобы понять, каким же образом им действовать для решения своих задач. Обычный житель московского района может считать, что благоустройством его двора занимается мэрия, а в целом районом управляет префект. В случае если благоустройство приходит в его двор, то житель не знает, что двор был определен на муниципальном собрании. О муниципальном собрании он также, скорее всего, не знает — в Москве мы сталкивались с осведомленностью о существовании муниципальных депутатов только в районах, в которых оказывались единичные активные муниципальные депутаты. И то, как правило, осведомленность тесно связана с принадлежностью к городским активистам и включенностью в активистские структуры районного социального капитала. Т.е. по сути дела отчуждение через присутствие власти достигается за счет того, что власть предстает для городского жителя как некоторая неведомая, непостижимая структура, обладающая исключительным правом трансформировать городское пространство. Тем самым власть разрушает связь городского жителя с территорией.

Вторая структура отчуждения кроется в системе расселения, доставшейся в наследство от СССР. Как пишет В.Л. Глазычев в «Глубинной России», зарубежных планировщиков поражало, что в отдельно взятом районе Москвы можно найти представителей самых разных специальностей и родов занятий, самых разных социальных статусов, уровней дохода и т.п. Безусловно, с какой-то точки зрения это и может рассматриваться как существенный плюс, однако с точки зрения самоорганизации и участия городских жителей как коллективного территориального актора в процессе производства пространства это существенный вызов. Коммуникация затруднена в силу негативных эффектов восприятия друг друга людьми различного дохода (Bouse, Brown, Moore, 2010) и иных визуально заметных параметров, в то время как сходства, в особенности в образе жизни, наоборот, стимулируют межличностную коммуникацию (Kalmijn, 1999, p. 395–421). Изначально классово, статусно, сословно чуждые друг другу городские жители с большим трудом могут выработать общую повестку и консенсус вокруг территории как общей ценности. Гетерогенность расселения не дает возможности городским жителям на определенной территории создать моральный регион с выраженными характеристиками. По этой причине в России почти нет престижных районов, джентрифицирующихся районов, бедных районов. По той же причине в России пока почти нет гетто. Модель Берджесса (McKenzie, Park, Burgess, 1915) не работает в Москве и других российских городах, и разница в rent между разными районами формируется не в результате экосистемного процесса, но в результате манифестации воли риэлтерского сообщества. Таким образом, городские жители не могут влиять на стоимость своей недвижимости

через практики самоорганизации и участия в производстве пространства, поскольку изначально говорят на различных языках, преследуют различные цели и наделены различными ценностями. А исходя из этого возникает кризис репрезентации в локальной пространственной политике — муниципальные депутаты и активисты вынуждены репрезентировать либо собственную волю и ценности, либо оказываются репрезентантами воли городской власти.

Связанная с этим структура отчуждения, третья по счету, — низкая резидентная мобильность. В силу того, что в российских городах практически отсутствуют ярко выраженные моральные регионы⁹, смена места проживания является достаточно редким и нежелательным событием ввиду ограничения возможных мотиваций к данному действию. Это приводит к тому, что основная часть городских жителей накапливает капитал аборигенности¹⁰, что, в соответствии с исследованиями польских коллег, ведет к снижению вовлеченности в производство пространства. Мария Левика показывает (Lewicka, 2005), что в производство пространства с большей вероятностью оказываются вовлечены высококомобильные городские жители, которые скорее, нежели низкокомобильные жители, выбирают среду своего обитания и озабочены ее качеством. Однако здесь есть и другая сторона — наши наблюдения на публичных слушаниях в Тропарево-Никулино показывают, что в ситуации действия в процессе производства пространства для городских жителей значимой риторической фигурой является упоминание своего капитала аборигенности¹¹. Так, представляясь на слушаниях, выступающий произносит свое имя, фамилию, адрес и год, с которого он проживает в районе. В свете обусловленного второй структурой отчуждения отсутствия морального региона на территории, капитал аборигенности становится единственной разделяемой всеми участниками публичных слушаний ценностью.

Четвертой структурой отчуждения является низкая дифференциация пространства в российских городах. В особенности это касается среды советской микрорайонной застройки. В нашем исследовании района Москвы Котловка мы с коллегами по Лаборатории полевых исследований города регулярно сталкиваемся с нарративом «Наш район самый обычный, все очень плохо». Далее этот нарратив развивается через перечисление грязного песка в песочницах, мусора на улице, нуждающихся в ремонте домов, отсутствия коммерческой и культурной инфраструктуры. Эта структура отчуждения тесно связана с предыдущими структурами. Гетерогения расселения приводит к гомогенности организации пространства. А гомогенность пространства, в свою очередь, еще больше снижает репертуар мотиваций к резидентной мобильности. Когда мы с коллегами изучали районирование города Кимры и пытались понять, какие из районов являются более престижными, а какие менее, то оказалось, что жители города не мыслят такими категориями (хотя районирование в их ментальных структурах присутствует). Престижными или непрестижными оказывались отдельные дома. Чем дом новее — тем престижней. Подобные же структуры обнаруживались в Тропарево-Никулино, где жители также рассматривали как престижные более новые дома, а как непрестижные — более старые.

Пятая структура отчуждения — разрушенное, в особенности в Москве и Санкт-Петербурге, местное самоуправление — является во многом производной от предыдущих структур. В ситуации, когда мы имеем дело с кризисом репрезентации, отсутствием представления об устройстве городской власти и отсутствием моральных регионов, по сути дела нет такого актора (или акторов), которому были бы необходимы структуры

⁹ Под моральными регионами мы понимаем теоретическую конструкцию, введенную Робертом Парком. См.: Парк Р. Э. Избранные очерки: сборник переводов / Пер. В. Г. Николаева. М., 2011.

¹⁰ Под капиталом аборигенности подразумевается срок проживания индивида на территории.

¹¹ Иванов П. В. Социальная антропология публичных слушаний // Livejournal. 14.04.2013. URL: <http://gilgitaxias.livejournal.com/5410.html> (дата обращения: 9.06.2016).

местного самоуправления для формализации интеграции своих интересов в процесс производства пространства. Политика московских властей направлена на минимизацию числа акторов, задействованных в производстве пространства. Так, например, в Москве реализуется эксперимент по слиянию структуры ДЕЗ-ГУИС-подрядчики в единую государственную структуру ГБУ «Жилищник»¹². Или как, например, в Тропарево-Никулино, где за счет различных как правовых, так и неправовых инструментов парализуется работа муниципального собрания депутатов по причине наличия там муниципального депутата с отличной от провластной повесткой. В различных городах России разворачивается процесс передачи полномочий городской власти на региональный уровень. Так, например, в Екатеринбурге вопросами организации митингов и шествий на данный момент занимается региональная власть, не являющаяся, в отличие от городской, компетентной в данных вопросах. Таким образом, законодательство фиксирует подспудное стремление власти и бизнеса к упрощению структуры производства и регулирования пространства.

Наконец, шестая структура отчуждения — кризисное мышление, описанное Ольгой Шевченко в книге «Crisis and everyday life in postsocialist Moscow» (Shevchenko, 2009). Книга описывает структуры поведения москвичей, зафиксированные автором в 1990-е годы и в самом начале 2000-х, однако есть основания полагать, что выделенные автором механики релевантны и для современного российского общества. Речь идет о структурах реакции на «кризис» (который понимается как мыслимая индивидом аномия), характеризующихся в первую очередь созданием конструкций, замещающих институты. Так, например, железные двери в квартиру замещают институт милиции, обращение к знахарям и народной медицине замещает институт формальной медицины и т.д. В ситуации кризиса локус контроля предельно сужается, и мысли городского жителя сконцентрированы на том, что он точно может контролировать, на пространстве квартиры, на выживании семьи. Действие вне этого пространства рассматривается как нежелательное, чреватое опасностями и рисками. Исследование ценностей «Евробарометр-2015»¹³ зафиксировало небольшое увеличение межличностного и институционального доверия в России, однако в целом обе структуры доверия в России остаются крайне низкими. Одним из важных показателей доверия является восприятие того, насколько легко вести в городе бизнес. И, по сути дела, наши данные, полученные в исследовании «Борьба за горожанина», также демонстрируют негативную связь кризисного мышления и вовлеченности в процесс производства городского пространства. 42% категорически неактивных городских жителей интересуются только работой и социальными услугами и склонны считать, что вести бизнес в их городе затруднительно, в то время как активные горожане склонны считать, что вести бизнес легко, и активно пользуются городской средой. Эта структура отчуждения тесно связана с «нулевой» структурой, поскольку также затрагивает вопрос правил игры. Однако речь здесь идет не столько о правовом регулировании правил игры, сколько о культурном. Кризисное мышление приводит городского жителя к мысли, что отсутствие нормы является нормой, что в городской среде действует режим элементарных санкций, что если институты и существуют, то они мальфункциональны и их деятельность диаметрально расходится с декларируемой. А, следовательно, участие в процессе производства пространства, в котором задействованы эти мальфункциональные институты, не только бессмысленно, но и категорически нежелательно, поскольку режим элементарных санкций подразумевает в том числе физическую расправу.

¹² Иванов П. Всадник коммунального Апокалипсиса // UrbanUrban. Интернет-журнал. 06.02.2014. URL: <http://urbanurban.ru/blog/reflection/339/Vsadnik-kommunalnogo-Apokalipsisa> (дата обращения: 9.06.2016).

¹³ Презентация «Флэш-Евробарометр. 2015» / Центр социологических исследований. URL: http://www.ranepa.ru/images/docs/nayka/EB_2015_prezentatsia_07_09_ed.pdf (дата обращения: 9.06.2016).

Заключение

В статье мы посмотрели на городских жителей российских городов с разных сторон, увидев в них как несознательных недогорожан, так и жертв сложных структур отчуждения. Нами была описана необходимость оперирования термином «городские жители» для описания жителей российских городов и высказан ряд опасений, связанных с использованием вместо него термина «горожане». Далее мы на материале ряда исследований, основные из которых были осуществлены в период с 2012 по 2015 г., показали ключевые характеристики городских жителей в России, такие как преимущественно экономическая связь с городом, ценность природы и слабо выраженная способность к дифференциации пространства. В заключительной части статьи мы выделили шесть структур отчуждения городских жителей от участия в производстве пространства, разворачивающихся на фоне «неупакованности» российских городов и эрозии градостроительного права в РФ: присутствие недосыгаемой власти, гомогенизирующая гетерогения структуры расселения, низкая резидентная мобильность, низкая дифференцированность городской среды, государственная политика, направленная на уничтожение структур самоуправления, а также кризисное мышление. Описание городского жителя и структур отчуждения не является исчерпывающим, однако демонстрирует ключевые тренды, характерные для российских городов, что позволяет им быть ресурсом для построения исследовательских вопросов в рамках городских исследований.

Литература

- Вирт Л. Избранные работы по социологии / Пер. с англ. В. Г. Николаева. М., 2005. С. 93–118.
- Высоковский А. А. и др. Борьба за горожанина: человеческий потенциал и городская среда. URL: http://repnoe.net/upload/iblock/1b1/issledovanie_gorodov.pdf http://repnoe.net/upload/iblock/1b1/issledovanie_gorodov.pdf (дата обращения: 9.06.2016).
- Высоковский А. А., Иванов П. В., Попова К. А. и др. Тропарево-Никулино: Опыт городского самоуправления (авторская редакция) // Academia. URL: <https://hse.ru/academia.edu/PetrIvanov> (дата обращения: 9.06.2016).
- Глазычев В. Л. Глубинная Россия: 2000–2002 // Сайт В. Л. Глазычева. URL: http://www.glazychev.ru/books/glubinnaya_rossia/GR_summary_ru.htm (дата обращения: 9.06.2016).
- Иванов П. Всадник коммунального Апокалипсиса // UrbanUrban. Интернет-журнал. 06.02.2014. URL: <http://urbanurban.ru/blog/reflection/339/Vsadnik-kommunalnogo-Apokalipsisa> (дата обращения: 9.06.2016).
- Иванов П. В. Отчет по социологическому исследованию дворов Москвы в августе-ноябре 2013 года // Городские проекты Ильи Варламова и Максима Каца: сайт. URL: https://city4people.ru/blog/blog_437.html (дата обращения: 9.06.2016).
- Иванов П. В. Социальная антропология публичных слушаний // Livejournal. 14.04.2013. URL: <http://gilgitaxias.livejournal.com/5410.html> (дата обращения: 9.06.2016).
- Иванов П. В. Что мы наделали: социальное обследование двора в Тропарево-Никулино // UrbanUrban. Интернет-журнал. 19.03.2013. URL: <http://urbanurban.ru/blog/space/209/Chto-my-nadela-li-Sotsialnoe-obsledovanie-dvora-v-Troparyovo-Nikulino> (дата обращения: 9.06.2016).
- Карпов А. Различение пространства в городе // Социологическое обозрение. Т. 1. 2001. № 2. С. 59–72.
- Клеман К., Мирясова О., Демидов А. От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России. М.: Три квадрата, 2010.
- Лефевр А. Производство пространства // Социологическое обозрение. Т. 2. 2002. № 3. С. 27–29.
- Мирясова О. Российская глубинка и мегаполисы: ценностные основания протестных выступлений // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. Июль-август. № 4 (110). С. 50–56.

- Парк Р. Э. Избранные очерки: сборник переводов / Пер. с англ. В. Г. Николаева. М., 2011.
- Презентация «Флэш-Евробарометр. 2015» / Центр социологических исследований. URL: http://www.ranepa.ru/images/docs/nayka/EB_2015_prezentatsia_07_09_ed.pdf (дата обращения: 9.06.2016).
- Презентация отчета Центра полевых исследований 2015 года // Academia. URL: <https://www.academia.edu/15515330/> (дата обращения: 9.06.2016).
- Тённис Ф. Общность и общество / Пер. с нем. Д. В. Складнева. СПб.: Владимир Даль, 2002.
- Трутнев Э. К., Сафарова М. Д. Градорегулирование в условиях рыночной экономики. М.: Дело, 2009.
- Трутнев Э. К. Город и право: логика циклического развертывания и свертывания из прошлого в будущее и из настоящего в прошлое институтов правового градорегулирования в постсоветской России // Городские исследования и практики. 2015. Пилотный номер. С. 13–32.
- Тыканова Е., Хохлова А. Траектории самоорганизации локальных сообществ в ситуации оспаривания городского пространства // Социология власти. 2014. № 2. С. 104–122.
- Boyce C. R., Brown G. D. A., Moore S. C. Money and Happiness: Rank of Income, Not Income, Affects Life Satisfaction // Psychological Science. 2010. Vol. 21 (№ 4). P. 471–475.
- Gans H. J. The Urban Villagers: Group and Class in the Life of Italian-Americans. N.Y.: Free Press, 1962.
- Kalmijn M. Inter-marriage, and Homogamy: Causes, Patterns, Trends // Annual Review of Sociology. 1999. № 24. P. 395–421.
- Lewicka M. Ways to Make People Active: The Role of Place Attachment, Cultural Capital and Neighborhood Ties // Journal of environmental psychology. 2005. Vol. 25. № 4. P. 381–395.
- McKenzie R. D., Park R. E., Burgess E. W. The City. Chicago: University of Chicago Press, 1967.
- Park R. The City: Suggestions for the Investigation of Human Behavior in the City Environment // The American Journal of Sociology. 1915. Vol. 20. № 5. P. 577–612.
- Plusnin Ju., Pozanenko A., Zhidkevich N. Seasonal Work (Otkhodnichestvo) as a New Social Phenomenon in Modern Russia // Mir Rossii. 2015. Vol. 24. № 1. P. 35–71.
- Shevchenko O. Crisis and the Everyday in Postsocialist. Moscow: Indiana University Press, 2009.
- Wachsmuth D. Three Ecologies: Urban Metabolism and Society-Nature Opposition // The Sociological Quarterly. 2012. Vol. 53. № 4. P. 506–523.
- Zubarevich N. Four Russias: Human Potential and Social Differentiation of Russian Regions and Cities // Russia 2025: Scenarios for the Future / Ed. by M. Lipman, N. Petrov. L.: Palgrave Macmillan, 2013.

Нестабильная занятость и социальное неравенство: западный опыт

Анатолий Жвитиашвили*

В фокусе статьи находится анализ нового типа занятости и его влияния на рост социального неравенства в постиндустриальном мире. Этот тип занятости обозначают термином «прекаризованная», т.е. нестабильная занятость. Среди ее причин — глобализация, сокращение занятых в сельском хозяйстве и промышленности, рост сферы услуг и ИТ-технологий, индивидуализация труда, изменение бизнес-стратегий и пр. Нестабильная занятость становится источником менее защищенной и более дешевой рабочей силы. К основным формам такой занятости отнесены неполная, случайная, нулевая, временная занятость с разным объемом социальных гарантий. Социологи сходятся в том, что прекариат характеризуется отсутствием гарантий занятости, низким уровнем социальной защищенности, статусным диссонансом, размытостью профессиональной идентичности. По мнению автора, прекариат — это совокупность разнородных социальных групп неклассового типа, скрепленных сходным положением на рынке труда.

Ключевые слова: занятость, наемный труд, прекаризация, неполная занятость, случайная занятость, нулевая занятость, временная занятость, прекариат, социальное неравенство

Эволюция наемного труда при капитализме

Институт наемного труда зародился задолго до появления капитализма, но только с его победой превратился в основополагающий способ организации трудовых отношений. Буржуазный тип трудового найма предполагает наличие формально свободного работника, с которым работодатель заключает трудовой договор. Он представляет собой легитимное соглашение по обмену ресурсами, в которых остро нуждаются обе стороны. Работодатель предоставляет работнику работу, а тот — свою рабочую силу. Развитие капитализма сопровождается сменой акторов трудовых отношений. Сначала это был пролетарий, продававший свою рабочую силу за мизерную плату, потом — рабочий, получивший социальные гарантии, о которых пролетарий даже не смел подумать, затем — тип наемного работника, указывающий «на распространение режима заработной платы на все общество» («буржуазные» служащие, чиновники, инженерно-технические работники) (Кастель, 2009, с. 369–371). В постиндустриальном обществе сформировался новый тип трудовых отношений — нестабильная занятость.

В некоторых ранних версиях концепции постиндустриального общества предполагалось, что большинство индивидов будет занято управленческим трудом, а жажду прибыли сменят, говоря словами Р. Инглхарта, «постматериалистические потребности».

---

* Жвитиашвили Анатолий, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела социальной структуры Института социологии РАН. zhvitiashvili-a@mail.ru.

Однако действительность оказалась сложнее. Хотя постиндустриальный путь развития подтверждает мысль О. Тоффлера о том, что индустриальный труд станет «анахронизмом», начало освобождения индивида от пут индустриальной системы трудовых отношений не сделало его социальное положение более прочным и предсказуемым. Глобализация, сокращение числа занятых в первичном (сельское хозяйство) и вторичном (промышленность) секторах экономики, рост третичного (сфера услуг) и четвертичного (сфера образования, здравоохранения, науки и IT-технологий) секторов, где доля занятых в развитых странах составляет от 70 до 80%, роботизация производства, индивидуализация труда привели к такому перераспределению трудовых ресурсов, которое радикально изменило структуру рынка труда. На нем возник многочисленный слой работников с «прекаризованной» (от англ. *precarious* — шаткий) или нестабильной (атипичной, нестандартной) занятостью. Во многих странах мира на нее приходится до 40%, а в некоторых из них (например, в Нидерландах) — до половины от занятой рабочей силы (Тощенко, 2015, с. 3).

Формы нестабильной занятости как источник менее защищенной и более дешевой рабочей силы

Рассмотрим такие формы неустойчивой занятости, как неполную, случайную, нулевую и временную занятость. Они имеют как общие черты, так и особенности. Общее между ними состоит в том, что они не предоставляют индивиду прав на стабильную занятость, получение стабильного дохода и стабильную систему социальной защиты, несут с собой, говоря словами У. Бека, «флексibiliзацию», или «дробление рабочего времени», не позволяют сформировать свою профессиональную идентичность и составить «дорожную карту» своего будущего. В рамках такого типа занятости обычно заключают краткосрочные контракты, а иногда их не заключают вообще. Нестандартная занятость погружает вовлеченных в нее индивидов в состояние, говоря словами З. Баумана, «неопределенности» своего социального положения и своей личной судьбы. Но существуют некоторые различия между указанными формами наемного труда.

Неполная занятость — это форма занятости, при которой длительность рабочего времени работника меньше времени, установленного работодателем. С принятием в 1994 г. Конвенции Международной организации труда (МОТ) о работе на условиях неполного рабочего времени работники с неполной занятостью получили определенную правовую защиту. В статье 1 этой Конвенции говорится: «трудящийся неполное рабочее время означает работающее по найму лицо, нормальная продолжительность рабочего времени которого меньше нормальной продолжительности рабочего времени трудящихся, занятых полное рабочее время» (Конвенция МОТ № 175, 1994). Конвенция МОТ наделяет трудящихся неполное рабочее время теми же правами, что и работающих полное рабочее время. К этим правам отнесены: право на организацию; право на ведение коллективных переговоров и право на деятельность в качестве представителей трудящихся; право на безопасность и гигиену труда; право на защиту от дискриминации в области труда (статья 4); право на защиту материнства; право на прекращение трудовых отношений; право на ежегодный оплачиваемый отпуск (статья 7). Однако правовая защищенность трудящихся, занятых неполное рабочее время, носит во многом формальный характер. Нередко работодателю под тем или иным предлогом легче уволить работника с неполной занятостью, чем трудящегося, занятого полное рабочее время, чьи интересы в первую очередь защищают профсоюзы. Работающие неполное рабочее время чаще становятся объектом дискриминации. Неполная занятость углубляет неравенство по сравнению с полной занятостью. Так, одно из основных требований работников, занятых полное рабочее время, и поддерживаемое профсоюзами, — равная оплата

за равный труд — фактически неосуществимо для нестабильно занятых работников. Процесс усиления неравенства на современном рынке труда принимает форму «двойных рынков труда», где наряду с теми, кто имеет стабильную занятость, перспективу карьерного роста и социальные гарантии, сосуществуют те, кто лишен постоянной работы, стабильного дохода, перспектив карьерного роста и социальных гарантий (Аберкромби и др., 1997, с. 59–61).

Неравенство структурных позиций наемных работников в системе занятости выражается в возникновении и других форм атипичной занятости: случайной, нулевой и временной. Наиболее уязвимой формой нестандартного трудового найма является случайная занятость. Под ней понимается такой вид занятости, где работнику не гарантировано установленное работодателем количество рабочих часов в неделю (What is causal employee?, 2013). В большинстве случаев предприниматели предоставляют случайно занятым работникам от трех до сорока рабочих часов в неделю. Случайная занятость широко распространена в Австралии. Случайно занятые работники лишены таких социальных гарантий, как право на оплачиваемый больничный лист, право на предоставление ежегодного оплачиваемого отпуска, право на выплаты в случае ухода в декретный отпуск в связи с рождением ребенка. Правда, эта категория нестандартно занятых имеет право на получение выплат по старости. Но и здесь есть ограничения. Они касаются работников некоторых возрастных категорий (кому свыше 70 лет или до 18 лет), тех, кто работает 30 и менее 30 часов в неделю, зарабатывает меньше 450 долларов в месяц, и некоторых других категорий работающих на условиях случайного найма (What is causal employee?, 2013). Среди профессиональных групп Австралии случайно занятые работники распределены крайне неравномерно. В 2003 г. их было больше всего среди работников сферы торговли и услуг (56%). Меньше всего — среди менеджеров и работников административного аппарата (4%), а также профессионалов (13%) (Buchler, 2007, р. 6). Принадлежность столь разных групп, в том числе части (хотя и незначительной) представителей административно-управленческого аппарата и профессионалов к случайно занятым работникам указывает на дифференциацию прекариев как по месту во властной иерархии (управляющие и управляемые), так и по характеру труда (работники творческого и рутинного труда), по профессиональной принадлежности, по уровню образования (лица с высшим, средним и ниже среднего образованием). Тем не менее, среди случайно занятых работников преобладают работники рутинного труда со средним и ниже среднего образованием, которые могут рассматриваться либо как верхний слой рабочего класса, либо как нижний слой среднего класса.

Немногом менее уязвима другая форма нестандартной занятости — нулевая. Она основана на нулевом контракте. В нем не оговаривается, как и в случае контракта случайно занятого, количество рабочих часов в неделю. Подписавший такой контракт должен ждать, когда работодатель вызовет его на работу. Положение такого работника двусмысленно: номинально он считается работающим, а по существу он не занят. Развитие нулевой занятости стимулировано желанием быстрее преодолеть экономический кризис, сократить безработицу и ослабить зависимость бизнеса от социально-экономических требований наемных работников. Наиболее интенсивно такая форма нестандартной занятости развивается в Великобритании. В отличие от работников со случайной занятостью работникам с нулевыми контрактами предоставляется больше социальных гарантий: право на выплаты по материнству или отцовству, право на оплачиваемый отдых в праздники и медицинскую страховку. Однако не все работники с нулевой занятостью имеют право на выплату пенсионных пособий. Их лишены те, кто зарабатывает менее 5772 фунтов стерлингов в год (Zero-hour contract, 2015). Наиболее ощутимо присутствие работников с нулевыми контрактами в третичном и четвертичном секторах экономики, ответственных за воспроизводство человеческого и культурного капитала. Работники

с нулевыми контрактами различаются по характеру труда (работники творческого и рутинного труда), профессиональной принадлежности (работники гостиниц, продавцы, официанты, преподаватели), уровню образования (лица с высшим образованием и те, кто не имеет его).

Широко распространена временная занятость. При этой форме занятости работник нанимается по контракту на определенный срок (обычно на срок от 6 месяцев до 1 года). Временно занятым не гарантированы оплачиваемые отпуск и больничный лист, страхование на случай безработицы. По данным Международной конфедерации частных агентств занятости (СИЕТТ) за 2010 г., трое из пяти временно занятых составляют работники моложе 30 лет. Трое из четырех временно занятых не имеют законченного среднего образования. Основные мотивации, определяющие выбор временной занятости, распределены так. Для 60% респондентов в США временная занятость — способ получить постоянное место работы. 80% респондентов Европы выбирают временную занятость для приобретения опыта работы. 50% респондентов в Японии видят во временной занятости возможность получить работу с гибким графиком и достичь баланса между работой и личной жизнью. Больше всех довольных временной работой в Великобритании (83%), меньше всех — в Германии (42%) (Временная занятость..., 2010). Из этих данных следует, что большинство временно занятых не чувствуют себя бесправными, а их мотивации построены либо на ожидании перспектив профессионального роста, либо на желании иметь больше свободного времени.

Специфической формой временной занятости является заемный труд (аутстаффинг, аутсорсинг). Он определяется как форма непрямого трудового найма или «лизинговый», «агентский» труд. В этой форме трудовых отношений участвуют три актора — заемный работник, агентство-посредник (частное агентство занятости), с которым заемный работник заключает трудовой договор, и работодатель, которому агентство-посредник отправляет заемного работника на работу (Козина, 2013, с. 19). Среди заемных работников нередко встречаются фрилансеры. Предприятия-заказчики прибегают также к помощи фирм, оказывающих профильные услуги, например в области уборки помещений. Как и среди других категорий прекариев, среди заемных работников наблюдается широкий диапазон групп, отличающихся друг от друга характером труда, профессиональной принадлежностью, уровнем образования — от фрилансеров до уборщиков.

Заемный труд представляет собой серьезное отклонение от нормативной буржуазной системы трудовых отношений, где работодатель и наемный работник напрямую заключают трудовое соглашение, а работодатель сам платит заработную плату наемному работнику. Теперь, когда работодатель не заключает трудовой контракт с наемным работником и не платит ему заработную плату (это делает агентство-посредник), оба актора становятся независимыми друг от друга. При этом в выигрыше остается работодатель, у которого появляется больше свободы для маневра. Он не несет никакой ответственности за наемного работника, несмотря на то, что тот работает у него. Заемный труд трансформирует рынок труда в сторону увеличения на нем числа игроков и придания отношениям трудового найма опосредованного и менее прозрачного характера.

Прекаризация трудовых отношений порождает менее защищенную и более дешевую рабочую силу, в состав которой попадают работники независимо от уровня их образования, квалификации, дохода или статуса.

Прекариат и социальное неравенство

Анализ нестандартной занятости ставит проблему различения атипично занятых и депривированных слоев, вовлеченных в такую занятость. Дело в том, что не каждый прекарий является носителем социальной депривации. Так, например, фрилансеры,

которые составляют представительную часть атипично занятых, вряд ли могут быть отнесены к обездоленным слоям. Среди фрилансеров зачастую встречаются программисты, дизайнеры, переводчики, лица свободных профессий. В силу индивидуальной природы их труда они выбирают атипичную занятость. Поэтому сама по себе такая занятость еще не является критерием выделения групп депривации. Даже размер заработной платы не всегда может служить показателем депривации прекариев. Так, в Австралии заработная плата случайно занятых работников превышает заработную плату постоянно занятых трудящихся (What is causal employee?, 2013).

Более надежными критериями выступают мотивация работника и характер профессии. Знание мотивации позволяет понять причину, по которой он соглашается на атипичный наемный труд. С точки зрения мотивации актора можно выделить два вида атипичной занятости: добровольный и вынужденный. Под добровольной нестабильной занятостью условимся понимать случаи, когда индивид не поставлен силой жизненных обстоятельств перед дилеммой: либо согласиться на любую работу, либо остаться без средств к существованию. Наоборот, его выбор прекаризованной занятости сопряжен с желанием быть предоставленным самому себе. В рамках добровольной нестабильной занятости встречаются как те, кто стремится сохранить свой социальный статус, так и те, кто намеренно идет на снижение привычных для него материальных стандартов потребления в поисках экзистенциальных ценностей. Для таких работников более ценным ресурсом является возможность иметь больше свободного времени, которое К. Маркс назвал главным богатством общества. Здесь социальный престиж и статус понимается как высвобождение от ставших узкими для индивида организационных иерархий на производстве. Показательным случаем добровольного вида нестабильной занятости является дауншифтинг. Он подразумевает добровольный отказ индивида от более высокого социального статуса и более высокого дохода в пользу более низкого социального статуса и более низкого дохода для того, чтобы иметь больше свободного времени и вести более привлекательный для себя образ жизни. Своим отказом от погони за материальными благами и карьерного роста дауншифтинг противоречит логике общества потребления и усиливает нисходящие потоки социальной мобильности, оказываясь в чем-то сродни восточному квиетизму на западной почве. Для возникновения добровольной атипичной занятости более важен такой стратификационный критерий, как стремление, говоря в терминах Э. Фромма, «быть», а не «иметь».

Под вынужденной нестабильной занятостью условимся понимать случаи, когда индивид стоит перед необходимостью согласиться на любую работу, даже если она не соответствует его уровню образования и квалификации. Этот вид занятости может рассматриваться в качестве объективного основания для выделения вовлеченных в нее групп депривированных работников.

Характер профессии также способствует различению среди атипично занятых выигравших и проигравших работников. Так, например, лиц свободных профессий не во всех случаях можно отнести к группам социальной депривации.

Чтобы подчеркнуть многомерный характер прекариата как социальной общности, предлагаем дифференцировать его по следующим основаниям: по мотивациям или, в терминах Р. Мертсона, «культурным целям»; по характеру труда; по уровню образования; по уровню доходов; по профессиональной принадлежности; по месту во властной иерархии.

Культурные цели. В прекариате выделяются группы, отдающие приоритет свободному времени (в терминах Р. Инглхарта — это индивиды с «постматериалистическими потребностями»), и группы, для которых важнее получение дохода (индивиды с материалистическими потребностями). *Характер труда.* В прекариат входят занятые интеллектуальным, творческим трудом (фрилансеры) и занятые рутинным, в том числе ручным

трудом (например, продавцы, аграрные рабочие). *Уровень образования.* Прекариат включает в себя как работников, имеющих среднее и ниже среднего образования (например, часть обслуживающего персонала гостиниц), так и работников с высшим образованием (фрилансеры). *Уровень доходов.* В прекариате различаются низкодоходные группы (например, уборщики) и группы с более высоким уровнем доходов (например, специалисты в области IT-технологий, работающие на условиях фриланса). *Профессиональная принадлежность.* Прекариат состоит из разных профессиональных групп — от рабочих и работников торговли до программистов и менеджеров. *Место во властной иерархии.* В прекариате есть как управляемые, так и управляющие (представители административно-управленческого аппарата).

Хотя не все группы в прекариате могут считаться бесправными, несомненно, что неустойчивая занятость стала благоприятной почвой для роста социального неравенства, делая постиндустриального работника гораздо менее защищенным по сравнению с рабочим индустриальной эпохи.

Для осмысления проблем социального неравенства следует считаться с теми сдвигами, которые вызывает нестандартная занятость в отношениях между работником, работодателем и государством. Она влечет за собой беспрецедентный рост независимости работодателя от наемного работника. В прошлом собственник, при том, что он имел власть над рабочим, не мог обойтись без систематического использования наемной рабочей силы. Капиталист был заинтересован в удлинении рабочего дня наемного работника для увеличения прибавочного продукта. С усилением профсоюзного движения, ростом заработной платы рабочих, улучшением условий труда, приходом социал-демократических партий к власти в ряде европейских стран с их идеологией гармонии интересов труда и капитала зависимость работодателей от наемных работников даже возросла. И только атипичная занятость сделала независимость собственника от наемного работника почти неограниченной. Он получил полную свободу манипулирования наемной рабочей силой и ее дискриминации.

Новые формы трудового найма породили еще один феномен, неизвестный индустриальному капитализму. Они разрушают институциональные основы классового протеста. Раньше рабочих сплачивали легитимные организации (профсоюзы), а мобилизацию направляли понятные им цели — повышение заработной платы, сокращение рабочей недели, улучшение условий труда, расширение прав на производстве. Интересы атипично занятого работника не представляют институционально организованные коллективы. Он лишен либо объекта своих требований (как в случае с нулевой и случайной занятостью), либо возможности направить свой протест против действий капиталиста (как в случае с заемным трудом). Особенности положения прекариата делают его падким на посулы популизма, превращая в «новый опасный класс» Г. Стэндинга.

Значение атипичной занятости состоит и в том, что она выполняет еще две важные для постиндустриального капитализма функции: помогает разгрузить государство в области социального обеспечения неработающего населения и снизить уровень безработицы. С 1990-х гг. сторонники неолиберальной модели развития открыто критикуют государство всеобщего благосостояния за расточительность расходовемых им средств на тех, кто под видом трудовой недееспособности не хочет работать. Государственный интервенционизм в социальную сферу создал большие возможности для чиновников распоряжаться человеческими и монетарными ресурсами, играть активную роль в экономике, не создавая прибавочного продукта. События последнего времени — взрывной характер вынужденной миграции из стран Ближнего Востока и Северной Африки в Евросоюз (только за 2015 г. в Европу из этих охваченных войнами и экономическими неурядицами регионов перебрались свыше 1 млн беженцев) — обещают увеличить социальные нагрузки на государство всеобщего благоденствия в виде оказания социальной

помощи мигрантам. Вместе с тем в области трудовых отношений государство расширяет границы манипулирования со стороны бизнеса наемной рабочей силой, ограничивая доступ нестабильно занятых работников к ресурсам общества. Отчасти это объясняется тем, что государству труднее «выполнять стоящие перед ним задачи в той ... безболезненной форме, в какой оно это делало в период экономического роста» (Кастель, 2009, с. 457–458).

Со своей стороны бизнес, культивируя формы нестабильного трудового найма, помогает сократить официальную безработицу и номинально обеспечить рабочими местами ищущих работу, тем самым ослабляя нагрузку, которую несет государство в сфере социального обеспечения незанятых. Государству это тоже выгодно. Дело в том, что среди работающего населения все резче раздается недовольство расходами на тех, кто находится на государственном попечении. Чтобы ослабить критику в свой адрес, чиновники заинтересованы в «переброске» части наемной рабочей силы в сферу ответственности бизнеса, создающего иллюзию массовой занятости населения.

Итак, положение прекариата в современном западном обществе вырастает, по словам Р. Кастеля, в «новый социальный вопрос», имеющий «то же значение, что и пауперизм в первой половине XIX века» (Кастель, 2009, с. 475).

Западные социологи о прекариате

В современной социологической литературе феномен прекариата только начинают осмыслять. В классовых схемах таких авторитетных социологов, как Дж. Голдторп, Э. Райт или Г. Эспинг-Андерсен, его вообще нет. У Дж. Голдторпа и Э. Райта классовая иерархия завершается традиционным рабочим классом, а у Г. Эспинг-Андерсена классовую цепочку замыкают так называемые «аутсайдеры», т. е. группы индивидов, исключенные из состава экономически активного населения и живущие за счет социальной помощи государства (Goldthorpe, 1987; Wright, 1985; Шкаратан, 2012). Интерес для анализа рассматриваемой темы могла бы представлять типология контрактных отношений, предложенная Дж. Голдторпом для описания социально-стратификационных процессов в современном западном обществе. В схеме британского социолога наиболее привилегированными группами являются те, кто заключают «служебные контракты». Это профессионалы высшей квалификации, администраторы высшего управленческого звена, топ-менеджеры, которые кроме высокого дохода имеют право на гарантированную занятость, на защиту пенсионных прав и на карьерный рост. «Смешанная форма найма» характерна для высоко- и малообразованных работников рутинного неручного и супервайзеров физического труда. «Трудовые контракты» заключают рабочие разной квалификации города и села. Однако в методологическом отношении предлагаемый подход вряд ли окажется продуктивным для выделения прекариата в качестве особой социальной группы. Во-первых, в системе нестабильной занятости есть работники, которые вообще не заключают трудовые контракты. Во-вторых, среди прекариатов можно найти как тех, кому, согласно уже упомянутой Конвенции МОТ, предоставлено право заключать коллективные трудовые договоры, так и тех, кто заключает индивидуальные контракты. В-третьих, индивидуальные контракты заключают работники, занимающие разный статус в системе атипичной занятости — от программистов до сиделок, т. е. представители самых разных профессиональных групп общества. Разнородность форм трудовых соглашений (а в некоторых случаях их отсутствие) и социального статуса работников в системе нестабильной занятости не позволяет вычленить прекариат из совокупности других социальных общностей на основе принципа дифференциации контрактных отношений.

В разработках тех социологов (У. Бек, М. Кастель, Р. Кастель, З. Бауман, М. Хардт, А. Негри, Р. Сеймор), которые признают существование прекариата как особой социаль-

ной группы, не всегда прослеживается его соотнесенность с другими слоями общества. У. Бек, который ввел в научный оборот термин «прекариат», обратил внимание на то, что «дроблению рабочего времени (которое служит ... генерализации неполной занятости ...) сопутствует перераспределение доходов, социальной обеспеченности, карьерных шансов, позиции на предприятии в сторону понижения, причем понижения коллективного (поперек различий в специальности, профессии и иерархии). В этом смысле политика рабочего времени ... есть политика перераспределения, создающая новые социальные нестабильности и неравенства» (Бек, 2000, с. 208). М. Кастельс отмечает, что «основная масса ... рабочей силы не имеет постоянного места работы» как следствие эрозии «традиционной формы работы», основанной на занятости в течение полного рабочего дня, «очерченности» профессиональных позиций и «продвижении на протяжении жизненного цикла» (Кастельс, 2000, с. 499–500). Одновременно М. Кастельс предлагает социальное деление на «родовую рабочую силу», «потенциально заменимую машинами или другими членами родовой рабочей силы», и «информационных производителей». В рамках такой классификации прекариат фактически сливается с остальной «родовой рабочей силой», теряя свои специфические черты. З. Бауман называет прекариев людьми, соглашающимися на краткосрочную работу без каких-либо гарантий, без права на пенсию, но с большими шансами на увольнение (Бауман, 2002, с. 94). Британский социолог выделяет прекариат на основе его места не только в системе занятости, но и в системе распределительных отношений. Р. Кастель рассматривает прекариат в трех аспектах: «разрушения устойчивости тех, кто ... имел стабильное положение»; укоренения их «в нестабильной ситуации»; «дефицита мест, которые можно занять в ... социальной структуре» («лишние люди») (Кастель, 2009, с. 475–478). М. Хардт и А. Негри выделяют в качестве факторов появления прекариата такие требования капитала к рабочей силе, как «темпоральность» (временность) и мобильность (Хардт, Негри, 2004). По их мнению, в информационном обществе постоянная занятость становится помехой для капитала, мешая ему быстро реагировать на изменения рыночной конъюнктуры. М. Хардт и А. Негри включают прекариев в «новый пролетариат», отличая его от рабочих эпохи индустриального капитализма. С новым пролетариатом они связывают надежды на радикальное социальное обновление, которого не смог добиться индустриальный рабочий класс. Р. Сеймор возражает против определения прекариата как класса. Он предлагает различать объективные классовые позиции этой социальной группы и «субъективные» самоопределения его членов (Seymour, 2012). С точки зрения Р. Сеймора, в прекариат входят не только бедные, но самые разные социальные слои — от мусорщиков (bin men) и уборщиков (cleaners) до госслужащих (civil servants) и профессионалов (professionals). По его мнению, прекариат — это своего рода «популистский запрос» на формирование «нового политического большинства на антикапиталистической основе». Р. Сеймор открыто полемизирует с концепцией прекариата как класса, выдвинутой Г. Стэндингом.

Наиболее четко показано место прекариев в социальной структуре современных западных обществ в классовой схеме Г. Стэндинга. Рассмотрим ее. В ней числятся семь классов. 1. Элита. Под ней британский социолог понимает сверхбогатое социальное меньшинство, имена представителей которого постоянно мелькают на страницах журнала «Forbes». 2. Салариат. Это наиболее привилегированная часть наемных работников. У них стабильная занятость и высокая заработная плата, солидный «социальный пакет», перспективы карьерного роста. Они работают в корпорациях и органах государственного управления. 3. Profitians (слово образовано от англ. слов professional — профессионал и technician — технический специалист). Данная социальная группа тоже входит в верхние страты постиндустриального общества. У них, как и у salariata, основной ресурс — высокий уровень квалификации и образования. В эту группу входят консультанты, независимые специалисты, которые заключают индивидуальные контракты и работают

на себя. 4. Работники физического труда или, по словам Г. Стэндинга, «костяк старого рабочего класса». 5. Прекариат (слово образовано от англ. слов precarious, т. е. неустойчивый, и proletariat — пролетариат). Этим термином Г. Стэндинг обозначает социальную группу, выросшую из нестабильной занятости. Среди основных признаков прекариата Г. Стэндинг называет отсутствие гарантий рабочего места, профессиональной идентичности, специфическое место в системе отношений распределения (они не могут рассчитывать на социальную помощь государства), статусный диссонанс. К этому классу он отнес молодежь, женщин, часть рабочих и мигрантов. Г. Стэндинг называет прекариат «новым опасным классом». 6. Безработные. 7. Маргиналы с максимальным уровнем социального исключения, живущие, по выражению Г. Стэндинга, на «подачки общества» (Standing, 2011, p. 7–9).

Как видно из этой классовой схемы, прекариат не находится в самом низу социальной иерархии, но и не принадлежит к ее верхним слоям или к середине. В этом отношении его положение отличается от положения пролетариата эпохи индустриального капитализма, с которым британский социолог пытается провести некоторые параллели. Эти параллели он видит не только в происхождении слова «прекариат», возникшего по аналогии со словом «пролетариат», но и в масштабах той угрозы, которую, по его мнению, несет эта социальная группа стабильности современного западного общества. Однако насколько правомерно считать прекариат хотя бы отдаленным аналогом пролетариата для постиндустриального общества? Казалось бы, представленная выше классовая схема дает некоторые основания так думать. В отличие от классов, возвышающихся над прекариатом, многим прекариатам нечего терять. Этот признак К. Маркс считал едва ли не решающим в определении роли пролетариата в эмансипации общества от эксплуатации человека человеком. По мнению основоположника научного социализма, то обстоятельство, что рабочий класс не является собственником каких-либо средств производства (в противоположность буржуазии, землевладельцам, крестьянам), делает его единственным классом, заинтересованным в свержении власти капитала. В отличие от классов, находящихся под прекариатом, последний в той или иной степени включен в процесс разделения труда. Этот признак тоже исключительно важен с точки зрения К. Маркса, поскольку пролетариат, участвуя в общественном производстве, создает материальное богатство общества и этим принципиально отличается от люмпен-пролетариата, который тоже не имеет собственность, но ничего не создает.

Однако доводы в пользу сопоставимости прекариата и пролетариата выявляют внешнее сходство между ними, а не их внутреннюю общность. Депривированное положение многих прекариатов еще не является гарантом их революционности, если под ней понимать приверженность идее смены одного общественного строя другим. Недовольство существующим порядком вещей может принимать разные формы, в том числе форму ресентимента, который Р. Мертон предлагал отличать от бунта, понимаемого американским социологом как замену господствующих культурных целей и институциональных норм новыми. Прекариату больше свойствен ресентимент, чем бунт в трактовке Р. Мертона. Это не исключает возможности использования прекариатом антикапиталистических лозунгов, с которыми выступило, например, движение «Оссиру» во время протестов против влияния финансовых кругов Уолл-стрит.

Что же касается участия прекариата в общественном производстве, то оно, как показано выше, в силу природы нестабильной занятости носит периферийный, не систематический, фрагментарный характер и не сопоставимо с ролью пролетариата в системе производства при индустриальном капитализме.

Прекариат отличает от пролетариата и отсутствие способности к самоорганизации. У прекариата нет институционально организованных коллективов, защищающих его интересы. На эту роль сегодня претендует основанная в конце XX века Всемирная сеть

базового дохода (Basic Income Earth Network — BIEN), охватывающая многие страны мира (Standing, 2011). Она выдвигает идею выплаты базового дохода, который предусматривает удовлетворение не только материальных, но и культурных потребностей людей. Право на получение такого дохода она готова предоставить только тем, кто имеет статус гражданства своих стран. Однако объективно эта организация культивирует патерналистскую ориентацию, незаинтересованность в производительном труде, т.е. ценности, свойственные культуре бедности.

Наконец, можно ли считать прекариат классом? Г. Стэндинг склоняется к утвердительному ответу на этот вопрос. Однако признанию прекариата классом мешают два обстоятельства. Во-первых, социальный состав прекариата неоднороден. В него входят самые разные профессиональные группы — от рабочих и сиделок до программистов и даже работников административно-управленческого персонала. Одни группы принадлежат к нижним слоям, другие — к среднему классу. Во-вторых, у прекариата размыта идентичность. Это признает и сам Г. Стэндинг. Но без идентичности никакой класс не может состояться.

С учетом всего вышеизложенного мы предлагаем рассматривать прекариат в качестве новой социальной общности неклассового типа. Она включает широкий спектр социальных групп, отличающихся друг от друга мотивациями или, в терминах Р. Мертона, «культурными целями», уровнем образования, квалификации, дохода, престижа, профессиональной принадлежностью, стилем жизни, объемом социальных гарантий и даже местом во властной иерархии. Эта «коалиция» разнородных групп скреплена сходным положением в системе занятости. Имманентно присущая прекариату статусная рассогласованность превращает его в источник дисфункции социальной структуры постиндустриального общества. В этом кроется опасность прекариата.

Заключение

Атипичная занятость свидетельствует о кардинальном изменении бизнес-стратегий в области трудовых отношений, нарастании дисфункции института наемного труда, появлении в социальной структуре постиндустриального общества транзитивных, пограничных групп, разделяющих черты занятых и незанятых слоев населения западных стран. Атипично занятые работники не представляют собой однородную социальную общность. В ней есть разные профессиональные группы и действуют разные мотивации, которые дифференцируют прекариат на два основных сегмента — выигравших и проигравших. Выигравшие не считают себя бесправными, а их мотивации построены на ожидании либо перспектив профессионального роста, либо возможности иметь больше свободного времени. Проигравшими являются депривированные индивиды, вынужденные соглашаться на любую работу в поисках средств к существованию. Прекаризация трудовых отношений порождает новую форму социального неравенства. Его суть состоит не в том, что прекарий не может иметь каких-либо социальных гарантий, работы и дохода, а в том, что в любой момент ему может быть перекрыт доступ к ним. Появление прекариата меняет повестку дня. На первый план выходят вопросы гарантии занятости и дохода, контроля работника над рабочим временем. Различные формы нестабильной занятости отражают новые формы социальной стратификации, являются новыми факторами торможения восходящей социальной мобильности в западном мире.

Литература:

- Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. С. Двойные рынки труда // Социологический словарь / Пер. с англ. И. Г. Ясавеева; под ред. С. А. Ерофеева. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1997. С. 59–61.
- Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ.; под ред. В. Л. Инземцева. М.: Логос, 2002.

Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой; послесл. А. Филиппова. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

Временная занятость в мире — немного цифр. Данные СИЕТТ. 2010. URL: <http://www.achez.ru/press-center/3> (дата обращения: 06.06.2015).

Кастель Р. Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда / Пер. с фр.; под общ. ред. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2009.

Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура / Пер. с англ.; под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ-ВШЭ, 2000.

Козина И. М. Работники заемного труда // Социологические исследования. 2013. № 5. С. 19–31.

Конвенция МОТ № 175. 1994. Конвенция о работе на условиях неполного рабочего времени. URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=350 (дата обращения: 20.03.2015).

Тощенко Ж. Т. Прекариат — новый социальный класс // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 3–13.

Шкаратан О. И. Социология неравенства. Теория и реальность / НИУ ВШЭ. М.: Высшая Школа Экономики, 2012.

Хардт М., Негри А. Империя / Пер. с англ.; под ред. Г. В. Каменской, М. С. Фетисова. М.: Праксис, 2004.

Buchler S. Casual employment in Australia: The influence of employment contract on financial wellbeing and job satisfaction. Brisbane: University of Queensland, 2007.

Goldthorpe J. H. (in collaboration with Catriona Llewellyn and Clive Payne). Social Mobility and Class Structure in Modern Britain. 2nd edition. Oxford: Clarendon Press, 1987.

Seymour R. We Are All Precarious — On The Concept Of The «Precariat» And Its Misuses // New Left Project. 2012. URL: http://www.newleftproject.org/index.php/site/article_comments/we_are_all_precarious_on_the_concept_of_the_precariat_and_its_misu (дата обращения: 5.05.2015).

Standing G. The Precariat — The New dangerous class. London: Bloomsbury Academic, 2011.

What is casual employee? 2013. URL: <http://www.leoisaak.com/hrm/indrel16.htm> (accessed: 10.06.2015).

Wright E. O. Classes. London: Verso, 1985.

Zero-hour contract. Wikipedia. 2015. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/zero-hour_contract (accessed: 20.01.2016).

Социальные коннотации запаха¹

Екатерина Бессчётнова*

Настоящая статья посвящена рассмотрению социального значения запаха, который изучается на примере восприятия запахов в социально-профессиональной среде офисных служащих. В статье раскрывается непосредственное воспроизводство социальных различий, в том числе гендерных, в процессе коммуникативных интеракций офисных работников и самостоятельного создания ими своей гендерной и статусной идентичности через ольфакторное (обонятельное) потребление.

Запах — не только физиологическое явление, но социально-исторический культурный феномен, что дает возможность разобраться в позиции социолога на теоретическом уровне в демаркации границы биологического и социологического. Кроме того, запах — неотъемлемая часть повседневности. Жизнь индивидов в современном обществе сильно регламентирована: она проходит в таких контекстах, где даже запах имеет высоко регулятивное значение (аромат наносится с осознанием того, где мы и как должны пахнуть). Таким образом, работа направлена на понимание функционирования индивида, который хоть и волен делать все, что хочет, должен даже пахнуть регулятивно. Запах в настоящей работе рассматривается как один из явных, но мало-вербализуемых и, вследствие этого, неоднозначных маркеров культурной, гендерной и отчасти этнической идентичности. В связи с «плавающим» характером социальной идентичности необходимы косвенные данные, чтобы «разнюхать» социальные пристрастия и различия.

Ключевые слова: социология запаха, ольфакторное потребление, социальные различия

Введение

До недавнего времени социология неоднозначно относилась к изучению запаха: уделялось внимание зрению и слуху, но не запаху, в то время как он предоставляет огромное поле для исследования в рамках социального микродистанцирования, гендерных аспектов и повседневности. Запах — один из явных, но мало вербализуемых и, вследствие этого, неоднозначных маркеров классовой, культурной, гендерной, отчасти этнической (в закрытых национальных культурах вследствие традиций) идентичности.

Пьер Бурдьё писал о том, что вкус — характеристика класса (Bourdieu, 1979), в который инкорпорирована и практика ольфакторного (обонятельного) потребления.

---

¹ Примечание редакции. Данная статья молодого автора публикуется с целью открыть дискуссию о слабо разработанном, но перспективном для социальных наук направлении — социология запаха. Редакция журнала будет благодарна за отклики по данной теме.

* Бессчётнова Екатерина, магистр социологии, выпускница факультета социальных наук НИУ ВШЭ. Besschetnova.yekaterina@yandex.ru.

Например, в СССР популярными и единственными являлись следующие ароматы: некогда элитарный «Букет императрицы» (Красная Москва) спускался все ниже в массы и стал апофеозом социального вкуса — все пахнут одинаково, но, в то же время, советский народ подпитывался мифом о доступности и равенстве через потребление. Сегодня общество изменилось, а с ним и эпоха ольфакторного потребления. Социальная идентичность имеет «плавающий» характер: например, довольно сложно определить классовую принадлежность индивида, поэтому необходимы косвенные маркеры, чтобы «разнюхать» социальные или социально-нишевые пристрастия и различия. Качественное исследование с применением метода лейтмотивного интервью позволяет описать косвенные индикаторы социальных статусов, базирующихся на высказываниях респондентов о ранжировании социальных запахов (например, запах богатства или бедности, социального успеха или социальных потерь). Кроме того, важно, что в фокусе диалектики социальных запахов инклюзивирован дискурс о гетеронормативной ольфакторной культуре. В контексте данной работы рассматривается конструирование гендерной идентичности представителями среды офисных служащих через предпочитаемые и контекстуально уместные запахи, что так или иначе пересекается с конструированием социального статуса. Индивиды не только конструируют свой образ через запах, как женственный или, наоборот, мужественный, но и примеряют на себя социальные роли и статусы, через собственный аппарат меморизации, рефлексии запахов, согласно своим представлениям о социальных различиях.

Таким образом, настоящая работа опирается на конструктивистскую парадигму. Механизмы усвоения ольфакторных норм в данном случае раскрываются посредством социализации, где немаловажное значение отводится гендерным аспектам как варианту социального конструирования реальности (Бергер, Лукман, 1995; Мосс, 2011; Фуко, 1999; Киммел, 2006; Темкина, Здравомыслова, 1996; Рождественская, 2011). В то же время ольфакторные опыты возможно рассматривать через призму ольфакторного потребления и репрезентацию гендерных профилей через практики окутывания в запахи (Радаев, 2005; Александер, 2006). Полученные опыты социализации позволяют продемонстрировать формирование ольфакторных вкусов и ольфакторную репрезентацию статусов среднего класса в категориях «дистанцирования» и «присоединения к большинству» через призму «публичного» и «приватного» пространства Дж. Вайнтрауба и Джейкобса (см.: Weintraub, 1997).

Запах: проблема определения границ биологического и социологического

Находясь в поле интереса биологии, этологии, психологии обоняния, психофизиологии, запах носил характер очевидного, реального, естественного физического процесса, свойственного живым организмам. Как только на феномен запаха свой взгляд обращает социология, возникает проблема определения границ биологического и социологического, что возможно рассмотреть с точки зрения феминистски ориентированного нового материализма. А. Зибен пишет, что эти теоретики стремятся к оспариванию дуализмов «культура — природа», «пол — гендер», «наука — гуманитарные науки». Вместо того, чтобы рассматривать природу (или материальность) и культуру как две отдельные сущности, эти подходы объединяют предложенные интенции вместе и образуют так называемые «naturecultures» (Sieben, 2011).

Полноценные работы о роли запахов в жизни человека появлялись в печати в конце 1930-х годов и в последнем десятилетии, где речь шла о феромонах, которые были определены П. Карлсоном и М. Лушером в 1959 г. как «вещества, которые выделяются

наружу животным какого-либо вида и вызывают определенные поведенческие или нейроэндокринные реакции у другого животного того же вида» (цит. по: Sieben, 2011). Биологи утверждают, что запах есть визитная карточка животного: «он несет информацию о принадлежности к тому или иному виду, полу и даже определяет его индивидуальные и семейные связи» (Котенкова, 2001). *С биологической точки зрения, таким образом, следует, что запах — это явление физиологического характера, пахучие вещества, обрабатываемые и распознаваемые в ходе физиологических процессов, которые направлены на предупреждение критических для жизни моментов, продолжение рода и определения пола или, иными словами, — способ взаимодействия и взаимовлияния исключительно на физиологической основе.*

С точки зрения социологии, в частности опираясь на работы символических интеракционистов — Мида, Гоффмана, Блумера, запах возможно определить как некоторую интеракцию, или взаимовлияние, которое осуществляется посредством обмена жестами и символами (Блумер, 2008). В данном контексте следует сделать акцент на невербальной интеракции, в ходе которой, согласно В.А. Лабунской, формируются паттерны невербального взаимодействия, отражающие социокультурную, статусно-ролевую принадлежности, личностные особенности (Лабунская, 2001). Обонятельные особенности человека интегрированы в социокультурное пространство подобно техникам тела. Так же, как и манера двигаться в различных культурах зависима от культурно-исторических практик, запах имеет свою биологическую (физиологическую) основу, в которую инкорпорированы культурно-исторические практики и смыслы, необходимые для идентификации мира и взаимодействия с ним. Таким образом, *запах здесь выступает как невербальная ольфакторная интеракция, отражающая социокультурную и индивидуально-личностную информацию «сообщающего», а граница дуальности «биология — социология» может быть обнаружена в связующем звене, представленным призмой культуры и нормами цивилизации.*

Обзор исследований

Рассматривая исследовательские работы, посвященные ольфакторному феномену, центральной темой выступает именно социокультурная релевантность значений запаха. Во многом такие исследования были рассмотрены с точки зрения гедонизма, т.е. деления ольфакторного пространства через призму приятного и неприятного. Одна из первых попыток сравнения категориальных норм организации запахов была принята в 1988 г. Шлейдтом, Ньюменом и Мористой в Западной Германии и в Японии и показала, что одни и те же запахи вызывают диаметрально противоположные реакции (Schleidt, Neumann, Morishita, 1988). Другая группа исследований ольфакторности посвящена проблеме потребления запаха классами. Например, К. Классен, Д. Хоувз, Э. Синнотт в работе «Аромат и власть: политика запаха» пишут о том, что в современной западной культуре запах имеет классово дифференцированный смысл либо используется как средство выражения классовых симпатий и антипатий (Classen, Howes, Synnott, 1994). Авторы подчеркивают, что у всех классов есть свои ольфакторные проблемы: высшие классы потребления в построении отношений власти правят страной с позиций ольфакторного нейтралитета, тогда как находящиеся на периферии расцениваются как «пахучие». Деление запахов в классовой структуре говорит о логике социального дистанцирования и присоединения, о вкусах и стилях жизни. Потребление в терминах «присоединения» и «дистанцирования» отвечает дихотомии публичного-приватного. Если рассматривать публичную сферу с позиции Джекобса (см.: Weintraub, 1997), то эффект сообщества потребления оказывается отражением «дистанцирования». Однако

в этой сфере случайных столкновений невозможно всегда находиться на строгих позициях континуума потребительских практик. Конвенции, порождающие понятие публичной сферы в контексте пространства общения, позволяют поддерживать разнообразие и социальную дистанцию, несмотря на физически малую дистанцию между индивидами (Weintraub, 1997).

Говоря о некоторой культуре запаха, мы обращаемся к существованию предыдущего опыта из ранних обонятельных впечатлений, кулинарных традиций, гигиенических установок и др., усваиваемых на протяжении всей жизни. То есть речь идет об обучении ольфакторному имиджу, ольфакторным нормам через социализацию, в терминологии П. Бергера и Т. Лукмана о социальном конструктивизме (Бергер, Лукман, 1995).

Исследования ольфакторности через призму этого подхода предполагают, что в период первичной социализации, несмотря на бессознательность усвоения культуры, основные обонятельные габитусы закладываются наиболее фундаментально с первоначальных обонятельных впечатлений и составляют базу аппарата меморизации запахов, о чем пишет А. Левинсон: «такие запахи «своего, родного», как родительские духи, запах дома, кухни и др., проходя через вторичную социализацию заменяются новыми запахами повседневности или праздника, и именно с ними потом сравниваются все остальные» (Левинсон, 2000). Кроме того, в этот период происходит и ольфакторное распознавание гендера — женского или мужского запаха, где запах является частью гендерного дисплея, микровзаимодействия, в которых происходит распознавание гендера (*doing gender*), — *ольфакторный гендерный дисплей*. Опираясь на концепцию существования специфического габитуса Е. Ю. Рождественской (Рождественская, 2011) и гендерного общества М. Киммела (Киммел, 2006), индивид в ходе ольфакторной гендерной социализации с детства учится понимать, что мальчик не должен пахнуть как девочка, а девочка — как мальчик: индивиды исключают из своих практик те, которые соответствуют противоположному полу, и сознают, что их ольфакторное гендерное положение не равно.

Во вторичной же социализации подключаются когнитивные механизмы и возможность творческого преобразования среды, где важную роль играет социокультурная и политическая власть над телом как объектом различных церемониалов и производства знаков (Фуко, 1999). В зависимости от различных институциональных контекстов, церемониалов индивид учится использовать различные ольфакторные сценарии, осуществлять перформативность действия (Alexander, 2006). Индивид контекстуально осуществляет «работу на публику» при помощи запаха как некоторого знака и конструирует свой образ — осуществляет саморепрезентацию. В то же время индивид испытывает различные эмоции, сопряженные с запахом, т.к. запах имеет под собой определенную потребность в эмоциональном переживании: запах, которым мы привлекаем, вспоминаем события — это каналлизатор эмоций, благодаря которому индивиды наполняются эмоциями.

Таким образом, *всякий ольфакторный опыт — это следствие обучения, набор обонятельных практик, сопряженных с эмоциональными переживаниями и усвоенных в институционализированной социокультурной среде на разных этапах развития индивида*. Иными словами, природное обоняние корректируется правилами социальной игры, и, таким образом, искусству поддерживать благоприятный ольфакторный имидж обучает общество, но нормы социальной репрезентации не остаются неизменными (Захарьин, 1999). Приобретенный в ходе социализации ольфакторный имидж, таким образом, выступает некоторой компетенцией и является в некотором смысле культурным капиталом (Bourdieu, 1979), необходимым для создания ольфакторного перформанса. Культурный капитал, в свою очередь, сопряжен с понятием потребления и демонстрирует

ольфакторные практики среднего класса (Радаев, 2002). Как сегодня пахнет средний класс? Чем он пахнет, когда размыты границы между социальными группами? Каковы мотивы использования определенных запахов в контексте повседневности и гендера? Эти вопросы лежат в основе нашего исследования.

Методологические особенности исследования

В исследовании ольфакторных практик важно отметить проблему нарративизации такого сенсорного опыта, как восприятие, запоминание, предпочтения и, соответственно, вербализация ольфакторных феноменов. Вследствие этого интерпретация данных была осуществлена аналитической комбинацией: первая часть анализа сопряжена со структурированием материала и выделением аналитических категорий, реконструкцией материала с опорой на аналитическую схему; и вторая часть — нарративный анализ (нарративизация) как компромисс, где анализировались полученные нарративы с ассоциациями, рефлексиями, значениями и эмоциями, связанными с запахами. Таким образом, для проведения серии полуструктурированных лейтмотивных интервью отбор респондентов предполагал наличие у них обусловленного социальными капиталами социального воображения и, следовательно, определенного сенсуального опыта, то есть основанного на собственных чувствах, ощущениях.

Для «вхождения в поле» был разработан тематически и хронологически упорядоченный гайд полуструктурированного лейтмотивного интервью с блоками вопросов для получения компетентного индивида (родные запахи: детство, юность, сейчас; ситуативные запахи; запах офиса; гендерно маркированные запахи; социальные запахи).

Пилотажный опрос был проведен в мае 2014 г. в Москве. На стадии изначального планирования модели выборки предполагалось исследовать представителей среднего класса, 20–50 лет, мужчин и женщин нескольких типов профессий: технических, творческих и офисных. В рамках пилотажного исследования было проведено три интервью с представителями среднего класса: офисным сотрудником (ж., 50 лет, бухгалтер); представителем технической профессии (м., 25 лет, механик); представителем творческой профессии (ж., 23 года, дизайнер).

Непосредственный опрос респондентов проходил в апреле 2015 г. в Москве. Нами было собрано 20 лейтмотивных интервью с мужчинами и женщинами (офисными сотрудниками, представителями среднего класса, вне этничности, от 20 до 50 лет). Отбор респондентов осуществлялся через личные опосредованные связи интервьюера: опрошенные информанты — знакомые референтных групп интервьюера. Опрос происходил в удобных для них местах и, в нескольких случаях, по скайпу. Особых сложностей психологического и этического характера не предполагалось, однако, хотя гайд не предполагает сензитивных вопросов, воспоминания информантов вызвали определенные эмоциональные реакции. Здесь же оказал влияние гендерный аспект, однако в разрешении этой проблемы сыграл опыт интервьюера.

Социализация в ольфакторном

Полученные опыты в ольфакторном пространстве имеют последовательность от детских примордиальных воспоминаний к контекстуальным, социальным и профессиональным и структурированы относительно друг друга, т.к. являются оценивающей системой, приобретенной компетенцией. В первую очередь эти опыты последовательны, т.к. являются своеобразным вектором от одних запахов — более простых, первичных,

к другим — сложным, контекстуальным, что порождает соподчиненность новых ольфакторных практик освоенным практикам из прошлого. Однако, несмотря на фундаментальность первых, новые, уникальные практики могут быть итериоризированны, и таким образом некоторые опыты становятся рядоположенными.

Из проведенных интервью следует, что на этапе первичной социализации происходит фиксация чистых, дифференцированных запахов в глубоком детстве при помощи посредственных референтных групп индивида, и в этот же период отмечается формирование представлений о гендерных и статусных различиях через призму усвоения ольфакторных норм.

Первичная ольфакторная гетеронормативизация: «мальчик — не девочка и должен пахнуть иначе»

Нарративизация родных запахов и запахов из детства, юношества изначально задает две гендеризированные конструкции реальности: существование специфического габитуса предполагает одни практики и исключает другие, порождая различные перформативные формы и маскулинностей, и феминностей. Так, например, женский ольфакторный дисплей характеризуется «опривычиванием», встраиванием запахов в пространственное разделение экспрессивной роли: девочка проводит время на кухне рядом с мамой, бабушкой, где будут витать запахи сдобы и пр. Формирование ольфакторного маскулинного дисплея — это другая гендеризованная история. Здесь мальчики помещаются в пространство инструментальной роли: мальчика скорее возьмут в гараж, в котором будут другие запахи — механического масла, опилок, железок и т.д. Мужские нарративы хранят в себе теплоту воспоминаний о «мальчишеских играх». Если женские ольфакторные паттерны в основном привязаны к дому, ориентированы «во внутрь» через практики, связанные с созданием уюта, то мальчишки «выносят свою жизнь» во двор: это — *«постоянно таскались по лесам, костры жгли каждый день, картошку запекали... камыши дергали, тоже жгли»*, *«мама — анархия, папа — стакан портвейна»*, игры в войнушки, походы и т.д. Соответственно, с детства происходит маскулинизация и феминизация примордиальных запахов в координатах развлечений. Окружающая, внешняя среда обозначается как более агрессивная, мужественная: для мальчиков дом — территория женщин, домохозяек, дом пахнет выпечкой и уютом, в то время как улица — мир мальчишек. Таким образом, в нарративах респондентов зарождаются две принципиально разные истории: существуют четкие гендерные поля опыта с ольфакторным фоном как контекста практик, так и с запахом субъекта практик.

Опрошенные респонденты ассоциируют родные запахи, запах дома в основном с матерью и кухней, где особенно подчеркивается трансляция образа, опыта, который передается в результате фиктивных связей: происходит уплотнение переданных паттернов готовки пирогов, появляются новые практики «окутывания» дома в запахах (*ароматические лампы, свечи, благовония*) — привнесение в него «духа женщины». Однако запахи дома, уюта и кухни обретают острую социальную окраску и строго цензурируются, как будто бы опрошенные женщины боятся стать «рабынями» домашнего быта: *«Ненавижу, когда от человека, от меня, от женщины пахнет кухней! Так не должно быть! Сразу иду мыться, если чувствую на себе этот запах!... у меня это ассоциируется с низким уровнем достатка ... а вот кухней пахнет от домохозяек. От толстой, потной женщины. Гадко!.. Меня это прям злит!»* (ж., 23 года, стажер-аналитик, апрель 2015 г.).

В то же время мужчины, не участвующие с детства в процессе готовки бок о бок с «женской половиной семьи», встраивают эту экспрессивную роль женщины в свою реальность и даже сами вовлекаются в окутывание дома запахами. Здесь пространство

теряет гендер и определяется в категориях чистоплотности, общечеловеческого — социокультурного. Однако даже наблюдая за экспрессивной ролью женщины со стороны, конструкт женственности формируется в виде представлений о квинтэссенции «любви, заботе о близких и вкусной пище».

В родных запахах, в конструировании гендера участвует также и маскулинный образ отца. Так, например, «одеколон «шипр»... чисто выбритый до синевы... курил беломор... пах железом, такой технический запах... трудом» — рецепт родной освоенной маскулинности: это отец, это мужчина. Образец отца, его запах в будущем задает вектор поиска запаха собственного мужчины у девочек, и исчезновение отца из ее жизни влечет за собой компенсаторную историю. Девушка все время ищет этот запах освоенной маскулинности, его повторения, т.к. он переносит в ощущение близости. Она зарывается носом «в дедушкины вещи в шкафу... [ощущает] запах папиных ремней, галстуков ... [сравнивает] запахи папиной машины и своей». Представления об ольфакторной мужественности или женственности в первичном гендерном маркировании запахов формируются двумя способами: перекрестным путем на подсознательном уровне через «впитывание» этих запахов с противоположного пола (мама — не папа, не от папы пахнет пирогами) или сознательно — с использованием механизмов обучения нормам гигиены, когда родители постулируют: мальчик — не девочка, мальчик может пахнуть потом, но девочка — нет.

Впоследствии разделение гендерных полей опыта с запахом субъекта практик сохраняется, оно закреплено и продолжает постулироваться и во взрослом возрасте. Таким образом, уже на уровне первичной социализации очевидны два гендерных профиля, специфичных для мужчин и женщин, которые указывают на ольфакторный опыт, воспоминания о нем и его оценку. Полученный опыт первичной социализации в аспекте ольфакторности задает вектор — от примордиальных, родных, домашних запахов и воспоминаний о них к социально-групповым, профессиональным, контекстуальным. Взрослея респондент адаптируется в других социальных и ольфакторных нормах (это уже другой возраст, другая среда), но этот определенный этап социализации в какой-то момент закрывается в кольцо. Детский опыт как бы запечатан, он прошел, но от него никуда не деться, респонденты ищут его повторения, следы, потому что таким образом сложилась вкусовая картина мира когда-то, и это стало их предпочтением.

Феминный ольфакторный профиль

Во вторичной социализации важно отметить появление искусственно созданных ароматов, т.к. отчасти они диктуют возможность повторения запахов из детства (например, поиск косметических средств с ароматом природы, как ополаскивание волос отваром из трав, знакомом с детства), а также выступают инструментом конструирования гендера. Однако здесь важно отметить, что появление искусственно созданных запахов в различных поколениях, наступление этого этапа — различно. У более взрослого поколения женщин запах, аромат, как предмет обладания конструкта женственности появляется в более взрослом возрасте, в то время как у младшего поколения (видимо, в качестве компенсации лишения этой привилегии у их родителей, а также из-за расширения возможностей в ольфакторных потребительских практиках) он появляется значительно раньше.

Здесь, в парфюмированном контексте, зарождаются ольфакторные компетенции и истории отношений, коммуникации. Возникает распознавание коммуникативных ходов, связанных с жестами дарения или с покупкой, и эти жесты содержат внутри запахи. Запахи как культурный продукт или предмет медиум-коммуникации являются ценным

продуктом межличностного обмена: *«У меня еще были духи, парфюмерные наборы типа маленькой феи и орифлейм. Вот до сих пор помню этот запах, и он мне безбожно нравился... В общем, парфюм у меня был, и его подарила крутая мамина подруга, он пахнет... И как-то она мне подарила набор из гелей для душа — банан и арбуз, наверно. Помню, я всегда ждала от нее подарков, потому что они парфюмерные и делали меня взрослой девочкой, хотя мне было лет пять. И главное, было ощущение эксклюзивности»* (ж., 24 года, секретарь-референт, апрель 2015 г.).

Девочки с раннего возраста принимают модель «папа маме подарил духи», «парень моей сестры подарил ей»: с момента распознавания кода и жеста дарения девочки стремятся ими тоже обладать — конструкт женственности, предмет коммуникации, который уже не мыслим без того, чтобы одеть себя в какой-то запах. Акт дарения или даже сам факт обладания ароматом порождает историю соперничества: девочки конкурируют между собой, становится важно, *«как на тебя посмотрят подружки в школе, как с тобой поздоровается нравящийся тебе мальчик»*, что *«сестра ревновала и сильно обижалась, что у нее духи появились позже»*.

Женственность теперь — это не только «запахи кухни», это и транслируемый образ с матери, женщины, одетой в запахи. Происходит престижное подражание наподобие техник тела (Мосс, 2011) и рефлексия запаха: запахи идентифицируются как взрослые или ассоциируются с типом межличностных отношений и др. То есть запахи маркируются, и, таким образом, возникает вектор, направленность от одних запахов к другим. Запахи цветов или травы уже не устраивают, появляется желание обладания другими запахами, например потому, что хочется казаться выше своей возрастной категории, обладать другим социальным статусом. Маркер принадлежности своей возрастной группы, его осознание, выступает в виде приобретенной компетенции: сначала выбор парфюмерной продукции лежит на родителях, потом девочки начинают обсуждать это обладание эксклюзивным благом внутри своей группы и на основании некоторой преференции внутри нее формируют новые ольфакторные габитусы. Иными словами, происходит формирование культурного капитала, который в инкорпорированном состоянии воплощается в практическом знании, позволяющем человеку распознавать стратегии и принципы действия Других в контексте ольфакторного, и, соответственно, в дальнейшем позволяет осуществлять ольфакторные перформансы (Радаев, 2002).

В канале коммуникаций этот капитал играет роль в зарождении поиска своего запаха. *«Наберусь смелости и подойду узнаю, чем пахнет [к незнакомцу, чей запах понравился]»* — набраться смелости, перебороть стеснение и идти за ним, забыв свой маршрут. В этой стратегии поиска важен вектор поиска — искать свое органичное, то есть не погоня за престижем, а поиск своего собственного запаха. Происходит понимание связи между запахом и настроением — это такая аутонарцистическая позиция, женщина все время за собой наблюдает, она одевает кокон, исходя из своих и общепринятых представлений о соответствии запаха месту и времени, происходит некоторая итериоризация практик, заимствованных из референтных групп и, реже, из медиа.

Ольфакторная компетенция позволяет им осуществлять различные ольфакторные сценарии: день — не ночь, свидание — не работа. Иными словами, для каждого режима (например, офис, больница, спорт) соответствует определенная категория запаха, что сводится в правило ориентации на Другого. В определенном смысле смена запахов в различных режимах демонстрирует не только компетентность в ольфакторном, но и проявление правил чувствования и правил выражения чувств в виде типов норм эмоциональной культуры, иницирующих изменение внешнего выражения и поведения в соответствии с нормативными ожиданиями в ольфакторном. Например,

похороны — *«не место душным ароматам и вниманию к себе, но место боли и сострадания, внимания умершему»*. То есть создание различных ольфакторных контекстов подразумевает под собой эмоциональную работу — действия, предпринимаемые для того, чтобы подчиниться правилам чувствования или изобразить подчинение (Hochschild, 1979). Более того, в эмотивном канале запах, парфюмерия, используется как инструмент управления чужими воспоминаниями, как визитная карточка. Часто контекстом практик в женских нарративах выступают либо отношения власти, либо отношения личные, «между двумя», то есть в достаточно сегрегированном обществе женщине становится необходимым заявить о себе как равной мужчине, необходимо быть любимой и оставаться в памяти, в истории, быть эксклюзивной для кого-то. «Услышав» запах, в сознании респондентов сразу возникают образы из прошлого, запах идентифицируется с людьми, событиями и несет эмотивную окраску. Таким образом, запах является важнейшим каналом для эмоций. Оценивая свое собственное эмоциональное состояние от вспомненного запаха, индивиды понимают, что этот процесс может быть обоюдным, не односторонним, и появляются практики манипулирования: *«Хочется пахнуть как никто, по-особенному, потому что ты ведь знаешь, что пройдет время, он учует этот запах — будет вспоминать тебя, как вам было хорошо. Этот запах и ты»* (ж., 23 года, специалист по маркетингу проектов, апрель 2015 г.).

Вывравшись из первичной семьи и сформировав новые отношения, уже личные, интимные, со своим мужчиной, респонденты находят гендерную идентификацию в запахах мужского. Женщина, как правило, знает, что из парфюмерии стоит у мужа (молодого человека) на полке: *«Я знаю, когда он выходил, потому что у лифта пахнет его парфюмом»*, — пространство, которое размечается следами — шлейфами запаха. *«Я его всегда тоже различаю»* — не просто сами по себе запахи, они сопряжены и встроены в отношения, которые помогают ориентироваться в пространстве, насыщенном смыслом запаха. Женщинам важно пространственное разделение запахов: *«Это очень плохо, когда в доме нет мужского запаха, когда он не поделен на запахи-зоны мужской и женской»* (ж., 23 года, специалист по маркетингу проектов, апрель 2015 г.). Муж (молодой человек) — это ее «родное», это не другие мужчины, которые привязываются к явно отрицательным запахам в транспорте — там, где не мы выбираем людей и вынуждено вступаем в коммуникацию, где пахнет массой — не гигиеной, табаком, перегаром. Здесь маскулинные ольфакторные образы мужа, любимого мужчины и отца выделены как позитивные, в то время как «другие» — носители «одорного» ужаса. Здесь социальные запахи помимо пространственной нагруженности описываются агрессией, агрессия есть тождество пота. Для женщин также характерна ассоциация запаха мужчины с резкой и концентрированной парфюмерией или смешением ароматов дезодоранта и парфюмерии. Образ мужчины репрезентируются через понятия естественных запахов — запах пота, перегара, какой-то немытости и спермы: *«Мужская парфюмерия. Она иногда сама на себя обращает внимание, когда она очень резкая, и просто хочется вытолкать человека куда подальше, потому что от человека просто адски воняет»* (ж., 23 года, стажер-аналитик, апрель 2015).

Маскулинный ольфакторный профиль

В маскулинной модели обладания запахами, в модели ольфакторного потребления нарративы гораздо менее насыщенные. Для них мужественность мало измерима в категориях парфюмерии. Маскулинный ольфакторный профиль заключен по большей части в запахах *пота, табака, крепкого кофе и труда*. Здесь, конечно, как и в женской модели, сохраняется романтизм детских воспоминаний о запахах, однако запечатанный опыт

не стремится к повторению: мужчины не склонны компенсировать запахи «сырого асфальта, костра, сирени под окнами», в виде парфюмерной продукции например, хотя и «улыбаются вслух», ощущая их где-то рядом.

Ольфакторный сценарий формирования мужественности имеет в основном две вариации, которые можно разделить по принципу прохождения через институт «военной силы». Иными словами, институт армии наделен определенными специфическими запахами и как отождествление самой ярко маркированной гендерной сферы диктует специфические маскулинные запахи. Это отдельный гендерный конструкт, декларируемый мужчинами, совершенно не свойственный женщинам: запах казармы, лазарета, наряда, поля битвы — это запахи исключительно маскулинные. Это запахи пота, гуталина, немытого тела, пороха, крови, смерти.

«На Востоке я поучаствовал в жизни в боевых действиях. На Востоке, на войне вообще, — она пахнет порохом и потом. Тюрьма пахнет — вот вообще запах ни с чем не сравнимый. Вот, конечно, я могу понять очень многое в жизни, но вот смерть... я иногда могу подниматься по лестнице дома, и я могу четко сказать, что на площадке кто-то умер или погиб. Я вот чувствую этот запах крови» (м., 30 лет, генеральный директор, апрель 2015 г.).

«В 2007 г. я попал в больницу с пулевым ранением. Так вот, несколько дней после операции меня положили в большую палату, где лежали ребята без ног, без рук. Там царит страшный запах какого-то вещества, которым обрабатывают конечности. Мрачновато. Потом, как только мне стало лучше, меня перевели в какую-то палату, там лежали ребята, парни со смешным таким — там пахло нами, страшный запах... каким-то формалином что ли..? Вот такой вот негативный запах, плохой» (м., 32 года, публицист, 2015 г.).

Второй вариант маскулинного ольфакторного профиля либо исключает участие в этом институте и соответственное формирование представления о мужественности в категориях силы, либо включает это участие и дополняется практиками в канале парфюмерной компетентности. Таким образом, репрезентация мужского образа в запахе — это не только запахи пота, труда, заботы о женщинах, но и запахи «шильно-мыльные», свежести, бодрости. Здесь важно отметить, что в разных поколениях понимание ольфакторной мужественности дифференцировано согласно этой схеме. Имеется в виду, не по достижению возраста — годности к службе, но по ценностно-ориентировочным координатам: происходит смещение от классической «брутальной» мужественности, где мужчина — добытчик, крепость, Мужчина с большой буквы, к — «тютику», обычному офисному клерку, скупому, жадному мужчине. Хотя опрошенное более молодое поколение (23–30 лет) не отрицает классической модели мужественности и придерживается ее: «Да, мир ваш, поколение — странное! Я не помню никогда, чтобы я пригласил девушку на свидание или просто подругу кофе попить, в ресторан, чтобы разбивать счет пополам. Я всегда платил. И вот запах у этих мужчин какой-то кислый... От мужчины должно пахнуть трудом. Даже сама, может, замечала — запах пота, он бывает разный: рабочий пот, он пахнет по-другому, он даже приятный, запах во время занятия любовью. И запах из зала, или когда просто весь день где-то шатаешься — другой... а парфюмерия, она мужественности — не показатель» (м., 50 лет, руководитель транспортного отдела, апрель 2015 г.). Следовательно, можно отметить некоторую тенденцию к стереотипизированию, закреплению ольфакторных ярлыков маскулинности за поколениями внутри самого мужского сообщества: мужчины наблюдают друг за другом и итериоризируют удавшиеся практики у других мужчин.

Мужской профиль в канале парфюмерной коммуникации характеризуется слабым пониманием маркетинга: для них нет сложных классификаций запахов. Маскулинная модель поиска аромата сильно упрощена, по сравнению с женским. Тем не менее для мужчин ольфакторные аспекты имеют немаловажное значение в канале коммуникации и привлечения противоположного пола, в не меньшей степени, чем для женщин. Мужчины считают себя «тонкими существами» и испытывают чувство восторга, радости, когда женщины делают им комплименты по поводу их запаха, им важно, чтобы на них обращали внимание. Для них происходит «эмоциональная перформативность», которая движет ими в течение дня и заставляет не бросать практику окутывания себя в запахи. Это инструмент привлечения, расположения к себе, запах рассматривается как инструмент обольщения.

Тем не менее хотя описания мужских нарративов довольно скудны по сравнению с женскими, они также наделяют пространства и статусы смыслами запахов. Не желая оказаться вне преферативной, социально одобряемой группы, мужчины цензурят запахи «*немытого тела*» и «*перегара*» как запахи социально депривированных слоев общества, «*чересчур резкие*», как маркер «*неотесанной сельской брутальности*»; «*сладкие запахи*» — как маркеры гомосексуальности. «Запахи гомосексуальности» в парфюмерных историях понимаются как несоответствие запахам определенного пола, т.к. сформировавшиеся ольфакторные гендерные габитусы не позволяют маркировать сладковатые запахи как мужские — имеющиеся знание, представление табуируют их и способствует приписыванию ярлыков.

«От мужчины должно пахнуть мужчиной! Это такие мужские стильные ароматы. Это сейчас такой вот век странноватый. Я вот вижу ребята, да, пшикаются таким прям очень, можно сказать, прям ласковым запахом! Но мне это не понятно!» (м., 30 лет, генеральный директор, апрель 2015 г.).

«Во-первых, мне, наверное, все-таки не понравилось бы, если бы мужчина пах каким-нибудь моим JaiOse или MagieNoire. У меня бы возникло предположение о его, наверно, очевидно, о гомосексуальности. От мужчины должно однозначно пахнуть, там, крепкой какой-то туалетной водой» (ж., 50 лет, главный бухгалтер, апрель 2015 г.).

В нарративах респондентов постулируется смещение классической признанной маскулинности в сторону латентного гомосексуализма в обществе, т.е. респондентами выделяются три состояния: немытой зловонной толпы, твердо мужественных запахов, которые создаются посредством гигиены и стильных парфюмов, но не ласковых, и третье состояние — гомосексуальное — «ласковые запахи», которые не имеют места в картине мужественности.

Ольфакторные режимы повседневности и публичных пространств

Полученные нарративы, связанные с маркером социального пола и возраста, актом дарения, дают старт другим нарративам, которые предполагают наращивание опытов в этом канале. Итериоризированные ольфакторные компетенции позволяют респондентам не только идентифицировать себя с определенной возрастной группой, феминной или маскулинной ролью, но идентифицировать себя с сообществом потребления или социальным классом. *Деление запахов в классовой структуре говорит о логике социального дистанцирования и присоединения, о вкусах и стилях жизни* (Радаев, 2005).

Социальные пространства как череда запахов измеряются респондентами в координатах «село — мегаполис», профессиональных и потребительских предпочтений, а также в координатах, определяемых дихотомией «публичного — частного». Современное общество как синоним публичной сферы для респондентов преимущественно описывается как тождество пота, какофонии парфюмерии и дешевой еды или *«подобно волнам, откатывающим и приливающим вечно новую череду запахов»*. Буквально задыхаясь в городе, респонденты «вынюхивают» запахи *безопасности, свободы, праздника, бодрости, свежести, спокойствия*. Запахи уже обретают смыслы через границы жизни и смерти, запахи становятся показателем «жизнь определяющего»: *запахи гари, запахи безопасной стерильности, испорченной, несъедобной пищи* и т.п. Урбанизированные запахи, запахи мегаполиса заставляют респондентов искать их персональный способ и практики бегства от социально неодобряемых мест, таких как общественный транспорт, например, или дешевые рестораны, общественные туалеты, больницы и т.п.

Офисное пространство понимается также как публичное в терминологии Дж. Вайнтрауба — это имперсональное пространство, «туда приходят работать, там не должно пахнуть кем-то или чем-то, это место, куда ты пришел и ушел, его нельзя наполнять собой» (Weintraub, 1997). Особой табуированной категорией запахов в офисном режиме являются запахи еды. Офис имеет запах *«ничего», «кофе и сигарет», «бумаги», «парфюмерии приходящих и уходящих клиентов»*, но *«ни в коем случае не кухни»*. Запахи еды в рабочем пространстве отвлекают и раздражают, они контекстуально не уместны и наделяются смыслами возраста: *«почему-то запахи кухни приносит взрослое поколение, молодые сотрудники помоднее — едят то, что не пахнет, салатики там, не носят свои эти борщи и т.п.»* (ж., 23 года, стажер-аналитик, апрель 2015 г.). Здесь же зарождается компетенция «дресс-код» как практика ориентации на Другого. Профессиональная среда осознается как взаимозависимая, не тождественная семейной среде, где вкусы понимают и разделяют: профессиональная коммуникация не односторонний канал, и *«если люди говорят»*, то необходимо подстраивать себя под публичное мнение. Существуют условные санкции, в виде сарказма, и санкции вплоть до отказа в общении с *«воняющими»* коллегами. Запахи публичности откорректированы, отцензурированы, таким образом: *«Да, например, когда какая-нибудь девочка разлила флакон своих духов — был перебор, это был не очень приятный запах. Все вокруг это явно ощущали, и никто не был в восторге, очень долго ругались, проветривали кабинет. Офис — это такое пространство общественное, оно не должно напрягать какими-то действиями других, даже если это запах»* (м., 24 года, медиа-планер, апрель 2015 г.).

Однако несмотря на постулируемое отсутствие запаха в офисном пространстве, оно все равно делится на зоны гендеризированных запахов. Здесь явно прослеживаются перемещения мужских и женских профилей. Например, в мужских коллективах мужчины используют парфюм, в первую очередь чтобы *«не вонять друг другу»*, а во вторую — из-за девчонок в соседнем отделе, *«к которым [они] тоже ходим»*. Женщины также стараются репрезентировать свою женственность и привлекательность, и, несмотря на ориентацию на Другого в коммуникации, несмотря на свою выношенную систему норм и смыслов, некоторые респонденты все равно стараются занимать защищающую позицию. Они защищают позицию запаха, который нравится, — вкус нельзя отобрать, то есть запахи здесь определяются через позицию излюбленных. В одно и то же время говорится о том, чем не должен пахнуть человек, и *«плевать чем он пахнет»*. Очевидно, что на протяжении жизни человек обречен на вечный выбор между своими гедонистическими установками и социальными нормами, что вызывает их диссонанс. При этом, судя по всему, несмотря на довольно жесткие личные установки в отношении запахов, их вариативности, в публичном пространстве позиция *«я очень люблю этот запах, он мне*

очень нравится» занимает довлеющее положение в выборе парфюма для конкретных режимов: *«В офисе я использую те ароматы, которые я использую в повседневности. Наверно, это не совсем корректно, хотя они у меня не очень насыщенные. То ничего страшного в этом нет, я так считаю»* (ж., 24 года, стажер-HR, апрель 2015 г.).

В офисном ольфакторном пространстве также можно рассмотреть статусную иерархию от начальника до рядового подчиненного. Так, например, руководитель, директор — это статусная позиция, и она должна отличаться ольфакторным выдвиганием: он не должен «вонять», т.к. если от него неприятно пахнет, — «это уже не начальник», ему дают соответственные прозвища, и он теряет свой властный статус. Руководящее лицо в позиции статуса должно обладать соответствующим запахом, отождествляющим спокойствие, власть, стремления и уверенность.

В целом богатство, власть, успех и оппозиционные нищета и поражение для мужчин ассоциированы преимущественно с маркером возраста, «состояния мозгов», «духовности и ментальности»: *«Богатый человек, он пахнет не потому, что у него кошелек. Он богат внутренним миром. Есть понятие душевного фрейля. Хоть что ты на себя вылей, если этого фрейля нет, — ты не будешь притягивать к себе людей. Для меня это как инструмент. Попшикал и притянул к себе кого нужно. Поэтому запах богатых людей — это, наверно, как раз таки умение правильно сочетать это духовное, харизматичное и собственное Я путем этих инструментов, пускай это будет запах. А бедный человек об этом не думает. Богатый человек, мне кажется, пахнет духом, силой, харизмой. Особенно мужчины»* (м., 30 лет, ген. директор, апрель 2015 г.).

Можно сказать, что обладание высоким социальным статусом мужчинами, на примере опрошенных, не гендеризируется: богатство и нищета не имеют пола. В то время как женщины склонны маскулинизировать высокие статусы: отношение власти — это либо конструкт мужественности, либо так же, как и для мужчин, — «состояние духа». Бедность или нищета как крайние оппозиционные конструкты богатству отождествляют собой грязь и некоторую ментальность, духовно-ценностную иерархию: в некотором смысле, на примере полученных респондентов, можно говорить о тенденции ухода от материального к духовному, что отчасти отражается и в других практиках: в прочтении популярных изданий о «поиске собственного дзен», концентрации внимания на здоровье и духовности, где одна из составляющих образа жизни — обволакивание себя в «правильные» запахи.

«Когда останавливается какой-то автомобиль дорогой и из него выходит человек, у него шлейф аромата совершенно другой идет. И сама машина! Пахнет совершенно иначе, чем какая-нибудь «шестерка». Где не пахнет ничем кроме вонючих ног. Я так понимаю, что есть и статусные духи» (ж., 50 лет, главный бухгалтер, апрель 2015 г.).

«Бедность, нищета — это грязь. Я читала статью, что учеными было выявлено, что люди, которые не чистоплотны, не могут ничего добиться. А запах богатства... Растяжимое понятие. Чтобы войти в нишу — купить аромат от 4 тыс., редкий аромат. Это возможно широкому кругу людей... Богатство..., например, потому что семья большая, родственники. Если у них на первом месте не деньги, а семья, — у них, наверно, аромат яств, кушанья» (ж., 24 года, стажер-HR, апрель 2015 г.).

В то же время респонденты понимают бедность в двух ключах: это не всегда состояние зловония и «дешевизны», бедность может быть облагорожена достоинством. Например, респонденты постулируют, что отсутствие денег не является поводом к использованию дешевой, сладкой парфюмерии: *«человек имеет право не иметь денег. Но это не повод носить дешевую косметику и делать вид, что они у тебя есть»*.

К запахам бедности частично относят и запах болезни, что, вероятно, вызвано ассоциациями с возрастом и существованием болезней, традиционно относящихся к маргинализированным слоям населения. Запах болезни, хоть и является сосредоточением явно негативных ароматов, тем не менее маркируется высокой степенью толерантности по отношению к заболевшему: статус больного не имеет пола, за исключением половых заболеваний — *«пardon, женская гигиена: в туалет заходишь, и чувство, что у нас полстраны страдает вагинозом», «ненавижу запах рыбы, потому что... ну вот... знаете, у девушек, когда там проблемы, — пахнет, ну вот так же»*. Однако в индивидуальных случаях, когда речь идет о собственной болезни, запах обретает нетерпимость в условиях долгих ранних переживаний, связанных с болезнью. При этом любопытно, что с позиции гендера заметно проявление мужества и перед болезнью, и перед ее запахом: *«Я, например, видел людей, которые болеют раком, от них страшный запах. Но вот тут еще играют очень важную роль эмоции. Эмоции и запахи, сама атмосфера вокруг человека. Аура. Ну, запах болезни он такой тяжелый, мрачный, грустный. Тоскливый такой. Ну, разные болезни пахнут по-разному. Если ты простыл, то это такой вот просто груз... А тем более, если человек заболел, вдруг от него как-то запах специфический. Я к этому нормально отношусь. Он может быть неприятным, но отношение к нему снисходительное, ну, человек заболел, ну, бывает такое» (м., 32 года, публицист, 2015 г.)*.

В определенном смысле запах болезни и запах смерти (хотя они не всегда взаимозависимы) стоят на «одной ноге»: запах обретает смыслы общечеловеческого, понимающего и естественного. В оба эти запаха, помимо всего прочего, вкладываются смыслы ритуального: околотытовой обряд лечения (с травками, ингаляциями, смазыванием кожи) и духовно-церковный (с ладаном, свечами и т.п.). Запах смерти имеет под собой глубоко понимающие корни, похоронный ритуал в понимании респондентов — это то, что не должно иметь запахов, кроме церковных, обрядовых. Индивиды не должны использовать парфюмы или, во-всяком случае, яркие ароматы: *«Похороны, например. Яркие запахи не уместны. Не уместны на каких-то таких ярко эмоциональных мероприятиях. Ну, это такое перетягивание каната на себя. Ну, это странно! Церковь даже та же самая — она против косметики, запахов, всего этого. Я б, наверно, сильно удивилась, если бы что-то резко перебивало запах. Это просто по умолчанию» (ж., 25 лет, административный менеджер, апрель 2015 г.)*.

В целом мужское и женское понимание «запаха современного общества» характеризуется высокой степенью ольфакторной компетенции: *«позволить себе нишевую парфюмерию может каждый, дело лишь во вкусе»*, — есть полное осознание работы маркетологов и рынка парфюмерии. «Почему-то» именно депривированные слои населения, или «тетки», пользуются дешевой сладкой парфюмерией. Зловонна не только периферия, село, но и город с его техническими и парфюмированными концентрированными запахами. Несогласие на ситуацию зловония порождает «спектакль», индивиды ищут спасительные практики: *«Запах — спектакль. Потому что ты идешь, сидишь где-то. И стараешься делать вид, что все нормально. Но это не так, потому что от некоторых страшно воняет. В принципе, для меня это шизоидно. Если от человека пахнет, — это повод с ними не общаться» (ж., 23 года, стажер-аналитик, апрель 2015 г.)*.

Спасение от зловония, удушения городом обнаруживается в гедонистических практиках — запах кофе с сигаретой, запах собственного автомобиля с персональным запахом, нанесенный парфюм на запястье, воротник или манжет, разбрызгивание собственного парфюма в пространство вокруг себя. Практики, отождествляющие бегство от негативно маркированных социальных пространств — публичной сферы как сферы «большого скопления людей», демонстрируют стремление к уединению, приватной сфере, которая понимается как *«интимное пространство только двоих»* либо *«личного, персонального, того, чем не хочется делиться с другими»*. Одна из интересных практик

«бегства» — категория, которая явно выделяется, — путешествие. Вектор «путешествия» воспринимается романтично: запахи родные, запахи колыбели, «нетронутой обители» отличаются от запахов заграницы, от запахов насыщенных. Противопоставление спокойных однородных запахов природных ярким, насыщенным другим. Ольфакторное конструирование мира путешествия формируется из смыслов и символов — «визитной карточки»: визитная карточка деревни — нетронутая обитель, визитная карточка других стран — культурные и этнические особенности. Опыт путешествия позволяет делать сенсоральное различие исходя из позиции свое-чужое. Чужое не неприятное, но другое.

Заключение

Запах — это вопрос не только биологии, психологии или физиологии. Это богатая почва междисциплинарного дискурса, которая ставит под сомнение жесткий конструктивизм эссенциалистски понимаемых фактов. Границу между биологией и социологией в области ольфакторного соединяют культурные и социальные нормы общества. Запах в качестве парадигмы идентификации мира и взаимодействия с ним является следствием процессов социализации на протяжении всей жизни. В первичной социализации зарождается фундамент меморизации запахов. Воспоминания о запахах связаны с какими-то событиями, т.е. происходит нарративизация этой темы, в процессе которой в свою очередь формулируются оценки и смысловые структуры, наделяющие запах социальным отношением. Особую роль здесь играет формирование коммуникативных каналов, распознавание кодов и символов, содержащих в себе запахи. Запахи маркируются, и возникает вектор, направленность от одних запахов к другим. Однако во вторичной социализации в обучение ольфакторному имиджу вмешиваются нормы других институтов, культурные особенности общества. Несмотря на то что запахи во вторичной социализации по большей части искусственны, как показало эмпирическое исследование, индивиды все равно возвращаются к детским воспоминаниям. Детский опыт хотя и запечатан, но нигде не исчезает, происходит поиск его повторения, т.к. сложилась вкусовая картина мира когда-то, и это стало предпочтением.

Формирование гендерной идентичности, конструирование ольфакторного гендерного дисплея также относятся к процессам социализации. В нарративах респондентов выявлены две принципиально разные истории: существуют четкие гендерные поля опыта с ольфакторным фоном как контекста практик, так и с запахом субъекта практик. В первичной социализации формируется образец воспроизведения экспрессивной роли женщины, а также осваивается маскулинный образ отца, который впоследствии является образцом для сравнения. Запахи родных мужчины и женщины как бы другие, они не пахнут потом, табаком, перегаром и др., свойственным «другим» мужчинам и женщинам. Во вторичной социализации формирование гендерной идентичности продолжается через заимствование потребительских паттернов, декларируемых СМИ, которые, в свою очередь, навязывают через устоявшиеся образцы и нормы поведения в обществе маскулинные и феминные модели ольфакторного потребления. Запахи здесь выступают в качестве символов, из которых строится модель «мужчины» и «женщины». С другой стороны, важнейшую роль играют компетенции, выработанные в ходе наблюдения за собой и за другими. Важен здесь и вектор поиска своего собственного запаха — не декларированного массой, рекламой и т.п.

Однако с помощью потребления ароматов, запахов индивиды не только конструируют маскулинность и феминность, но и свою принадлежность к классу, свой социальный статус. Респонденты знают или имеют представление о рыночной продукции в сфере парфюмерии, соотнося вещественный мир с запахом: дорогая машина — лощеный мужчина с эксклюзивным ароматом; «зловонный бомж» рядом с метро, от которого пахнет испражнениями.

Список респондентов

№	Пол	Возраст (лет)	Профессия	Дата интервью
1	ж	25	Административный менеджер	Апрель 2015
2	ж	24	Секретарь-референт	Апрель 2015
3	ж	23	Стажер-аналитик	Апрель 2015
4	ж	23	Ведущий специалист по маркетингу проектов	Апрель 2015
5	ж	24	Стажер-HR	Апрель 2015
6	ж	23	Графический дизайнер	Май 2014
7	ж	50	Главный бухгалтер	Май 2014
8	ж	30	Менеджер по продажам	Апрель 2015
9	ж	33	PR-менеджер	Апрель 2015
10	ж	26	Старший оператор центра управления дорожным движением	Апрель 2015
11	м	32	Публицист	Апрель 2015
12	м	27	Инженер	Апрель 2015
13	м	24	Медиа-планер	Апрель 2015
14	м	32	Генеральный директор	Апрель 2015
15	м	30	Специалист по закупкам	Апрель 2015
16	м	25	Механик	Май 2014
17	м	26	Антикризисный менеджер	Апрель 2015
18	м	50	Руководитель транспортного отдела	Апрель 2015
19	м	29	Специалист по защите информации	Апрель 2015
20	м	35	Программист	Апрель 2015

Литература

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: «Медиум», 1995.

Блумер Г. Социологические импликации мышления Джорджа Герберта Мида // Социальные и гуманитарные науки. Серия 11. Социология. 2008. № 1. С. 118–137.

Захарьин Д. Ольфакторная коммуникация в контексте русской истории // РОССИЯ / RUSSIA. Вып. 3 (11): Культурные практики в идеологической перспективе. Россия, XVIII — начало XX века. М.: ОГИ, 1999. С. 54–70.

Здравомыслова Е., Тёмкина А. Введение. Социальная конструкция гендера и гендерная система в России // Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период. Сб. научных статей / Под ред. Здравомысловой Е., Тёмкиной А. СПб.: ЦНСИ, 1996. С. 5–13.

Киммел М. Гендерное общество. М.: РОССПЭН, 2006.

Котенкова Е. В. Запахи и их значение в жизни человека // Биология. 2001. № 2. С. 10–11.

Лабунская В. А. Психология затрудненного общения: Теория. Методы. Диагностика. Коррекция / Под ред. В. А. Лабунской, Ю. А. Менджерицкой, Е. Д. Бреус. М.: Академия, 2001.

Левинсон А. Пять писем о запахе // Новое литературное обозрение. 2000. № 43. С. 14–34.

Мосс М. Общество. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М.: КДУ, 2011.

Радаев В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 4. С. 20–32.

Радаев В. В. Социология потребления: основные подходы // Социологические исследования. 2005. № 1. С. 5–18.

Рождественская Е. Ю. Документальный доступ к субъективным микротеориям и обыденному знанию // Социология: Методология, методы, математическое моделирование. 2011. № 33. С. 80–111.

Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.

Alexander J. Cultural pragmatics: social performance between ritual and strategy // Social Performance: Symbolic Action, Cultural Pragmatics and Ritual / Ed. by J. Alexander, B. Giesen, J. Mast. London and New York: Cambridge University Press, 2006. P. 29–90.

Bourdieu P. La Distinction. Critique sociale du jugement. P.: Minuit, 1979.

Classen C., Howes D., Synnott A. Aroma. The cultural history of smell. L., N.Y.: Routledge, 1994.

Hochschild A. R. Emotion Work, Feeling Rules, and Social Structure // American Journal of Sociology. 1979. № 85. P. 551–575.

Schleidt M., Neumann P., Morishita H. Pleasure and Disgust: Memories and Associations of Pleasant and Unpleasant Odours in Germany and Japan // Chemical Senses. 1988. № 13. P. 279–293.

Sieben A. Heteronormative pheromones? A feminist approach to human chemical communication // Feminist Theory. 2011. № 12. P. 263–280.

Weintraub J. The Theory and Politics of the Public/Private Distinction // Public and Private in Thought and Practice. Perspectives on a Grand Dichotomy / Ed. by J. Weintraub, K. Krishan. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1997.

Украинские «золотые рыбки»: стратегии сопротивления неравенству и доминированию во взаимоотношениях мигранток-домработниц и их работодателей

Алиса Толстокорова*

Ничего не сказала рыбка,
Лишь хвостом по воде плеснула
И ушла в глубокое море.
Долго у моря ждал он ответа,
Не дождался, к старухе воротился.
Глядь: опять перед ним землянка;
На пороге сидит его старуха,
А пред нею разбитое корыто.

А. С. Пушкин
«Сказка о рыбаке и рыбке»

Целью данной работы является выявление стратегий и тактик, используемых украинскими мигрантками-домработницами для преодоления социального неравенства, иерархичности и доминирования во взаимоотношениях с работодателями. Работа выполнена на основе полевого исследования. Определены особенности платного домашнего труда, детерминированные его социальной природой как традиционной «женской работы». Выявлены такие стратегии и тактики сопротивления неравенству и доминированию: тактика «молчаливого сопротивления»; «стратегия Фрекен Бокк»; стратегия «брака заботы»; стратегия «из общежития — к «сольному проживанию»». Вводятся понятия «обратная социальная иерархия», «комплекс Лопухина», «синдром Гулливера».

Ключевые слова: Украина, трудовая миграция, женщины-домработницы, неравенство, доминирование, обратная социальная иерархия, комплекс Лопухина, синдром Гулливера.

Введение

Ужасное происшествие случилось в Москве 29 февраля 2016 г. Работавшая няней уроженка Узбекистана обезглавила четырехлетнюю воспитанницу и подожгла квартиру работодателей. Задержать женщину удалось у станции метро, где она ходила с головой ребенка и угрожала взорвать себя. Эта шокирующая новость, подхваченная мировыми средствами массовой информации, высветила как новые для постсоветского пространства виды неравенств на формирующемся неформальном рынке платного домашнего

---

* Толстокорова Алиса, кандидат филологических наук, доцент, независимый исследователь. alicetol@yahoo.com.

труда (далее ПДТ), так и проблему взаимоотношений мигранток-домработниц с их нанимателями, исследованию которой посвящена данная статья. Она подтвердила, что неравенство, бедность и конфликт всегда сосуществуют (Van Hear, 2014), и поставила на повестку дня комплекс вопросов, требующих безотлагательного внимания общества:

- положение домработниц на рынке труда, их права, обязанности, уязвимость;
- права, обязанности и вызовы работодателей во взаимоотношениях с персоналом ПДТ;
- ответственность государства за урегулирование трудовых отношений в сфере ПДТ;
- допустимые границы сопротивления производственным конфликтам в ПДТ.

Платный домашний труд как научная проблема

Домашняя работница приобрела сегодня статус «иконического образа женщины-мигрантки» и «парадигматического символа феминизации миграции и глобализации заботы» (Сох, 2014, р. 51). Сфера ее трудоустройства считается тривиальным «феминным» видом деятельности в отличие от «трудовой аристократии» высокостатусного маскулинного труда в сфере производства (Sassen, 2000). ПДТ рассматривается как неформальный институт на основе глобальной организации социальной репродукции, акторы которой составляют часть глобального сообщества трудящихся, смещенных в сферу низкооплачиваемого труда экономическими вызовами глобальной реструктуризации (Parreñas, 2015). Проведенный в данной работе гендерный анализ домашних услуг в сфере заботы и ухода позволил выделить следующие особенности ПДТ, определяемые его социальной природой как традиционной «женской работы»:

Первое, домработницы, и особенно мигрантки, «молчаливо колонизовавшие» сферу ПДТ (Vanfi, Vossagni, 2011, р. 287), обычно находятся на низших ступенях социальной иерархии.

Второе, даже если ПДТ оплачивается по достоинству, он все равно остается недооцениваемым в социокультурном плане именно в силу его «женского» характера.

Третье, данный вид услуг предоставляется в неформализованной частной сфере, что приводит к его «профессиональной геттоизации» (Rollins, 1985), связанной с такими проблемами, как неопределенность условий труда, объема выполняемых работ, производственных отношений и границ интимности.

Четвертое, существенным фактором производственных отношений в сфере ПДТ в условиях миграции является территориальная не/зависимость домашней прислуги от работодателя, т.е. наличие у нее возможности проживать отдельно от работодателя или клиента. Когда место работы является местом проживания, что типично для иностранок, работницы вынуждены проводить на рабочем месте 24 часа в сутки и находятся в полной зависимости от нанимателя, лишаясь возможности распоряжаться личной жизнью:

«Моральный облик воспитателя — основной критерий отбора в состоятельные семьи. Вся работа обслуживающего персонала просматривается и записывается на видеокамеру. Наше общество в данном отношении более целомудренное, чем общество людей, которые пытаются посмотреть на проблему сквозь призму своих духовных немощей. Есть над чем призадуматься!» (Юлия, преподаватель вуза и журналистка, работает гувернанткой в Москве, 05.06.2011) (Толстокурова, 2015, с. 52).

Пятое, главной проблемой домработниц является то, что они вынуждены одновременно выполнять несколько ролей, находящихся на стыке двух пространств, — публичного и частного, управление которыми осуществляет работодатель, воспринимающий женщину то как наемную работницу, то как гостью, то как фиктивного члена семьи

(Anderson, 2000; Sollund, 2012). В то же время многоаспектный характер ПДТ допускает совмещение и пересечение логик и правил этих двух миров, а при отсутствии формальных правил трудового контракта домработница сама может стать не менее активным стратегически действующим индивидом (Ткач, 2011). Это позволяет женщинам успешно осуществлять как «стратегии менеджмента биографии» (Beck-Gernsheim, 2011, p. 6), способствующие конвертации их человеческого капитала в социальный, финансовый и символический (Bourdieu, 1986), так и индивидуальные стратегии и тактики сопротивления вызовам миграции.

Выделенные особенности предопределили главную цель данной работы, состоящую в выявлении и анализе стратегий, используемых мигрантками-домработницами для преодоления структурного неравенства, свойственного рынку ПДТ, и для сопротивления иерархичности и доминирования во взаимоотношениях с работодателями.

Аналитический инструментарий, теоретическая основа и методология исследования

Основным аналитическим инструментом, используемым для изучения ПДТ в условиях миграции, является понятие «социального положения» участников трудовых отношений, т.е. их положения в системе иерархических отношений, основанных на таких факторах социальной стратификации, как расовая, национальная и классовая принадлежность, религиозность, гендер и др. (Mahler, Pessar, 2001). Социальное положение индивида предопределяет доступ к ресурсам и проявление власти над многими социальными силами и процессами, от которых они зависят, включая возможность инициировать или трансформировать условия доступа к ним (Massey, 1994). В контексте миграции «географическое расположение», как правило, трансформируется в социальное положение (Mahler, 2001, p. 610).

Понятие «иерархия» понимается здесь как социальная организация, основанная на командно-контрольных принципах централизации и доминирования. Она интерпретируется как принцип взаимодействия и как состояние сознания, т.е. как восприимчивость к данному феномену на всех уровнях личного и социального опыта, а также как идеологическая основа социального неравенства в буржуазном обществе.

Теоретической основой исследования является «теория женской точки зрения», развивающая идеи Гегеля о взаимоотношениях хозяев и прислуги с гендерной точки зрения и рассматривающая женский опыт как источник знания о процессе угнетения и способах сопротивления ему (см.: Ryan, 2005). Также работа опирается на положения «теории пересечений», изучающей взаимосвязь между системами и формами угнетения и доминирования, и рассматривающей, каким образом различные формы дискриминации организуют и поддерживают систему социального неравенства на различных уровнях (классовом, расовом, возрастном, этническом, статусном, образовательном и т.д.) (см.: Browne, Misra, 2003). Женщины-домработницы рассматриваются с точки зрения «концепции социальной реальности» (Bourdieu, 1979) в качестве социальных агентов, вырабатывающих стратегии сопротивления «символической власти» своих хозяев, которыми те наделены согласно неформальному социальному контракту.

Методология исследования. Данная работа является частью трансдисциплинарного проекта, нацеленного на изучение гендерных аспектов украинской трудовой миграции. Она выполнена на основе полевого исследования, включающего следующие этапы¹.

- Включенные и невключенные наблюдения проводились на протяжении 2003–2013 гг. благодаря участию автора в деятельности общественных организаций

¹ Подробнее о данном полевым исследовании см.: Толстокорова, 2016.

украинских мигрантов в странах Евросоюза (Великобритания, Швеция, Германия, Словакия), а также в Украине в ходе общения с представителями неформальных социальных сетей мигрантов: учителями и администрацией школ, где обучаются дети мигрантов, представителями отделов муниципалитетов по работе с семьями и детьми, соседями семей мигрантов и др.

- Глубинные интервью и дискуссии в фокус-группах с экспертами были организованы летом 2008 г. На этом этапе были опрошены 25 специалистов по вопросам миграции, гендерных и женских исследований, социальной политики и социальной работы из государственных научно-исследовательских институтов и аналитических центров, министерств, посольств, неправительственных организаций, государственных центров трудоустройства и т.д.
- Полуформализованные интервью и обсуждения в двух фокус-группах с мигрантами и членами их семей (общее количество: 31 женщина и 13 мужчин) были проведены в период 2007–2014 гг. в Херсонской, Кировоградской и Тернопольской областях, в Киеве и во Львове. Также 13 интервью были собраны в странах назначения миграции (Италии, Германии, Австрии и Франции). Методологическая стратегия исследования предполагала охват респондентов, имевших опыт работы за границей в прошлом, и нынешних мигрантов, как находящихся за рубежом, так и приехавших в Украину навестить родных. Ряд интервью проводился в телефонном режиме и дополнялся общением по электронной почте и при помощи программы Skype. Интервью с информантами, членами их семей и неформальных социальных сетей проводились как на русском, так и на украинском языках. Несколько интервью с экспертами и обсуждение в фокус-группе проходили на английском языке.

Изначально мигрантки-домработницы не являлись целевой группой проекта, но в процессе исследования выяснилось, что большинство женщин трудоустроивались за рубежом именно в сфере домашнего обслуживания или же имели опыт работы в данном секторе на одном из этапов миграционного цикла. Это позволило обобщить результаты исследования под углом зрения опыта украинок в сфере ПДТ, выделив их в отдельную целевую группу.

Проявления иерархичности и доминирования в контексте постсоветской женской миграции: «новые Гулливеры» против «новых Лопахиных»

Как уже указывалось выше, особенностью трудоустройства в частной сфере является то, что даже в условиях достойной оплаты оно создает более сложные и неоднозначные трудовые отношения, чем в других сферах деятельности. Это связано с иерархичным характером взаимоотношений между нанимателями и работницами, усиливающимися «радикальными различиями в их социальном положении» (Hondagneu-Sotelo, 2001, p. 11). Ряд авторов указывают на расовый фактор как основную причину неравенства и доминирования в данной сфере деятельности, поскольку белокожие женщины обычно занимают руководящие позиции, а темнокожие — исполняют «грязную работу» (Rollins, 1985; Glenn, 1992; Lenz, 2001). Это обуславливает «расизацию» и «этнизацию» домашнего сервиса (Andall, 2000; Anderson, 2000; Lan, 2006), что создает «иерархию этничности» (Stiell, England, 1999), и даже «иерархию белизны» (Lazaridis, 2007, p. 23)² в отношениях не только между работодателями и прислугой, но и между самими

² На это указывают российские эксперты, отмечающие, что ситуация с мигрантами стала напоминать кастовый строй. Приезжие из Средней Азии и Кавказа работают грузчиками и уборщиками в магазинах и гостиницах «в отдалении», дабы реже контактировать с конечными потребителями услуг, причем переход на другую работу порой довольно проблематичен, а продавцами обычно выступают граждане Украины и Беларуси (Эксперты..., 2013). Среди женщин-мигранток, работающих

домработницами, когда более низкостатусные «другие» являются объектами социального исключения (Lenz, 2001; Vassilikou, 2007).

Данное исследование показало, что по отношению к мигранткам из постсоветских стран указанные традиционные детерминанты иерархичности нерелевантны в силу следующих причин. Во-первых, гостевые работницы из восточно-европейских государств, как и большинство их работодателей, относятся к белой расе, и по отношению к ним расовый фактор не может выступать причиной доминирования/подчинения. Тем не менее иерархичность в отношениях присутствует, даже если мигрантки работают на «небелых» хозяев. Во-вторых, в постсоветскую трудовую миграцию вовлечены многие женщины обедневшего среднего класса, включая его высшие слои (госслужащие, представители научной интеллигенции и административных структур и др.). По своему социальному происхождению, образовательному и культурному уровню они зачастую не отличаются от работодателей, а нередко и превосходят их³. Так, по данным исследования Тернопольской области, откуда уезжает больше всего украинок, 37,3% мигранток имеют высшее образование, а 43,4% женщин до выезда за рубеж занимали должности специалистов (Трудова міграція..., 2002). В-третьих, в ряде принимающих государств уровень образования украинских мигрантов как этнической группы превышает средний по стране, например, в Израиле, Греции и Португалии (Парламентські слухання..., 2004). Это подтверждается классово-образовательным составом респонденток проекта: две имеют степень кандидата наук, четыре являются преподавателями вузов и колледжа, три в прошлом или настоящем являлись госслужащими городских муниципальных администраций. Среди интервьюируемых были бывшие директор и завуч школы, заведующая городской библиотекой, член администрации городской коммунальной службы, представительницы инженерно-технической, медицинской и творческой интеллигенции. Из-за низких заработков они вынуждены трудоустроиваться за рубежом на низкоквалифицированных работах, доступных для трудовых мигрантов, причем их высокий культурно-образовательный статус не приводит к уменьшению неравенства в производственных отношениях с работодателями.

Таким образом, данное исследование не подтверждает мнения, что «сегмент теневого рынка домашнего персонала составляют женщины, не обладающие достаточным уровнем квалификации и образования для поиска иных видов занятости» (Здравомыслова, 2009, с. 20), но согласуется с наблюдением, что образовательный уровень многих домработниц значительно превышает требуемый для их профессии (Vassilikou, 2007). Так, по данным российских исследователей, уровень образования мигранток, занятых в российской сфере домашнего обслуживания, выше, чем в других сферах трудоустройства: более четверти имеют вузовские дипломы, а каждая вторая — профессиональное образование (Варшавская, 2014). По другим данным, более 30% мигранток-домработниц, работающих в больших городах России, имеют высшее и незаконченное высшее образование и свыше 45% — среднее специальное (Карачурина, Мкртчян, 2012). Более того, некоторые наши информантки имели более высокий социально-образовательный

России, также сложилась социальная иерархия: самую высокую зарплату получают женщины из Беларуси, а самую низкую — из Армении, Таджикистана и Узбекистана (Женщины-мигранты..., 2011, с. 39). Исследователи объясняют подобные неравенства региональной географией власти, распределяемой между нациями (Parreñas, 2011).

³ Это не удивительно, т.к. в составляемом ООН рейтинге государств по уровню грамотности Украина занимает 9-е место в мире (Список стран...2009), а по уровню образования — 30-е место, ненамного уступая и даже опережая по этому показателю основные страны-потребители украинской трудовой силы: Греция — 29-е место, Австрия — 31-е, Испания — 32-е, Италия — 33-е, Россия — 36-е, Португалия — 56-е (Рейтинг стран..., 2015).

статус, чем их работодатели, целенаправленно подыскивавшие себе служанок с университетскими дипломами «с целью демонстрации экономического превосходства семьи, способной оплачивать подобные услуги» (Zervidou, 2008, p. 37). Для них высокообразованная служанка была вопросом престижа и «символическим капиталом» (Bourdieu, 1979, 1986), свидетельствующим о высоком социальном статусе семьи. Дипломированный специалист Нина высказала такие впечатления о работе домработницей в богатых домах Италии: «*Это не обидно, это очень больно, и особенно когда работаешь в доме, где не умеют ни читать, ни писать*» (Тяжелая доля..., 2014).

Работница сферы культуры Маргарита устроилась на работу в Москве в качестве няни в семье преуспевающего бизнесмена и его супруги-домохозяйки, не имевших высшего образования. Ее хозяйка очень гордилась тем, что имеет домработницу с университетским дипломом, часто хвалилась этим перед друзьями и старалась учиться у своей служанки многим бытовым мелочам, свойственным семьям интеллигенции, к которой стремилась принадлежать. Работодательницей Софии была «генеральская внучка» из обеспеченной московской семьи, не имевшая высшего образования и с благоговением относившаяся к своей образованной служанке с ее изящными манерами и широким кругозором. А у хозяйки Аллы профессиональные квалификации ее образованных и высококультурных служанок, превосходящих ее по социальному статусу, энтузиазма не вызывали. Эта дама из категории «новых Лопахиных» всячески пыталась их унижить, чтобы компенсировать комплекс неполноценности перед своей экономкой, бывшим главным инженером крупного предприятия, и няней, балериной Большого театра, подрабатывающей на содержание квартиры на Кутузовском проспекте российской столицы. О ней и подобных ей бывшая служанка Алла отозвалась так: «*Они хотят ангела-хранителя для ребенка и одновременно козла отпущения, чтобы выместить свои эмоции*» (Алла, инженер, 58 лет, работала домработницей в Москве, 20.08.2012).

Страдала от «комплекса Лопахина⁴» своей хозяйки, терпя упреки в том, что она «слишком умная», Юлия — преподаватель вуза с дипломами специалиста и кандидата наук из МГУ, вынужденная подрабатывать гувернанткой в семье московских нуворишей, чтобы заработать на оплату высшего образования дочери.

Таким образом, результаты данного исследования позволяют заключить, что спецификой рынка труда постсоветских мигранток-домработниц является феномен *обратной социальной иерархии* в трудовых взаимоотношениях с работодателями. В отличие от мигранток из третьего мира, где доминирование хозяев обусловлено «социальной властью» на основе многомерного статусного неравенства, обусловленного более высоким экономическим и образовательным положением в обществе, постсоветские работницы ПДТ по этим параметрам зачастую не уступают работодателям. Например, уровень образования домашних работниц бывает выше, чем у их наймателей. Это нередко приводит к психологическим коллизиям нового типа, в частности, к проявлениям *комплекса Лопахина* у работодателей и *синдрома Гулливера* у домработниц, нередко ощущающих себя в обществе своих хозяев *великанами в стране гномов*.

Яркий пример *обратной социальной иерархии* в отношениях нанимателя и служанки представлен в исследовании турецкого рынка ПДТ (Şimşek, 2010). В этом исследовании рассматривается эпизод из популярного сериала, отражающего историю взаимоотношений домработницы-молдаванки и ее работодателя, ведущего праздный образ жизни турецкой «золотой молодежи». Молодой человек очарован красотой и умом своей служанки — голубоглазой блондинки с прекрасными манерами — и предлагает ей руку и сердце. Но отпрыск богатой семьи получает отказ на том основании, что он не ровня

⁴ Лопахин Ермолай Алексеевич — персонаж пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад», купец, разбогатевший выходец из крепостных крестьян.

своей просвещенной, начитанной домработнице, имеющей несколько престижных специальностей, чем юноша похвалиться не может. Тем самым женщина дает понять своему работодателю, что в терминах социальной иерархии, в отличие от иерархии экономической, она имеет преимущества перед ним благодаря своей «символической собственности» (Bourdieu, 1979), определяемой персональными достижениями личности, а не содержимым кошелька богатых родственников.

Стратегии сопротивления доминированию работодателей в контексте «этики собственного «я»» домработниц

Занимая непрестижное положение в обществе, домработницы не теряют человеческое достоинство, а пытаются осмыслить свое положение с точки зрения «этики собственного «я»» (Фуко, 1991, с. 307), позволяющей отстаивать свои права всеми способами, доступными в их ситуации. Свидетельством тому является текст письма, присланный мне по электронной почте вышеупомянутой Юлией:

«Я сегодня весь день думаю о нашем разговоре. Мне кажется, что проблема в другом. Причина кроется в социальном расслоении общества ... Богатые хотят долгосрочных отношений, но они не готовы принять человека из низов в свой дом. Хотя все они раньше сидели «на дне». Вспомните сказу о золотой рыбке. Как Вам образ старухи? Сначала захотела новое корыто, а потом — стать владычицей морскою! И чтобы золотая рыбка непременно была у нее на посылках! Они ждут золотую рыбку. Но приходит не рыбка золотая, а приходит человек — уставший, замученный жизненными катаклизмами. От такого человека их начинает мутить. Лучше бы это был робот, который выполнял все функции. Нужен биоробот-энергетик, которого можно беспрдельно эксплуатировать. Но тогда такой заказ стоит не 2000 долларов. За такую роль нужно платить гораздо больше. Поэтому мало, кто соглашается. Быть может, это комплекс неполноценности. Им стыдно за прошлое. Раньше их так же кто-то тиранил. Они терпели лишения и унижения. Теперь настало время расквитаться за все обиды ... VIP- персонал ожидает видеть у себя раба, который будет все делать и которого можно угнетать. При этом раб должен уметь хорошо воспитывать детей, т.е. он должен быть образованным. Но если человек хорошо образован, он рано или поздно начнет бунтовать против такого положения, даже если ему будут платить 2000 долларов в месяц. Долго никто не выдерживает эмоциональных экзекуций. Поэтому здесь такая текучесть кадров. Последний заказ я выдержала три месяца. В прошлом году за лето мои работодатели сменили семь человек!» (Юлия, преподаватель вуза и журналистка, работает гувернанткой в Москве, 05.06.2011) (Толстокорова, 2012, с. 217).

Это письмо демонстрирует, что даже в сложных жизненных обстоятельствах миграции женщины не принимают удары судьбы безропотно и не смиряются с положением «вечных аутсайдеров» (Tastsoglou, Hadjiconstanti, 2003). Оказавшись в новой среде, они пытаются к ней адаптироваться, вырабатывая принципы «ловкого выживания» (Tausch, 2013) и стратегии «заботы о себе» (Фуко, 1991). Некоторые изобретают психологические приемы, помогающие легче перенести разлуку с семьей (Зурабишвили, Зурабишвили, 2012). Другие воспринимают проявления неравенства как временное неудобство и испытание на прочность, требующее проявления выдержки и терпения. Третьи, имея «четкое представление и философское отношение к своему положению» (Kaurinkoski, 2009, р. 46), оценивают его критически и вырабатывают соответствующие тактики и стратегии

сопротивления, позволяющие отстоять свои права и сохранить личное достоинство. Обобщение результатов полевого исследования позволило выделить типологию таких стратегий и тактик.

Стратегия «молчаливого сопротивления» или философия «золотой рыбки»

Женщины прибегали к стратегии «молчаливого сопротивления» как способу бесконфликтного преодоления унижительных ограничений их личной автономии, например, когда работодатели запрещали им приглашать в дом своих знакомых. При этом аналогия с «золотой рыбкой», упомянутая в электронном письме Юлии, уместна для иллюстрации условности властных отношений, складывающихся между домработницами и их хозяевами. Если работодатели считают себя вправе претендовать на положение «владычиц морских» в силу своих формальных преимуществ, то украинские «золотые рыбки» оставляют за собой право оставлять их «у разбитого корыта» в силу своих личностных достоинств, не создавая при этом конфликтных ситуаций. Так, многие сталкивались с ограничениями персонального пространства:

«Домашняя работа — это сфера высокого риска. Это значит, я принадлежу этим людям без остатка. Никакой собственной жизни у меня нет» (Татьяна, 42 года, психолог, в разное время работала няней в Москве и Киеве, 11.08.2012).

Некоторые работодатели отказывали своим работницам даже в таком естественном праве, как возможность питаться по своему вкусу и держать в доме собственные продукты, тем более готовить пищу для себя лично. Это право обычно воспринимается людьми как данность, и лишённые его испытывают сильный эмоциональный стресс, поскольку эта ситуация свидетельствует об их подконтрольности (Sollund, 2012). 49-летняя домработница в Италии Тамара рассказала, что ее хозяин не разрешал ей питаться отдельно и держать в доме собственные продукты. Женщина воспринимала эту ситуацию как унижительную для ее достоинства и в ответ изобрела «конспиративную тактику», позволявшую ей отстоять право на вкусовые предпочтения:

«Я взрослый человек и привыкла есть, когда мне хочется и что мне хочется. Иногда, знаете, так бывает, что утром, когда мои завтракают, мне есть не хочется, а через пару часов чувствую, что проголодалась. Так я тогда потихоньку стяну со стола кусочек хлеба или банана и — в карман, а потом найду какой-нибудь повод, чтобы улизнуть в свою комнату и там быстренько это съедаю. Ем, а сама реву. Так обидно!» (Тамара, 49 лет, домработница в Италии, 02.04.2009). (Толстокорова, 2012, с. 218).

Это интервью подтверждает мнение, что даже если приглашение к столу со стороны работодателей искренне и не является предписанием, оно все равно воспринимается домработницами как проявление контроля с их стороны и может привести к конфликтам (Búriková, Miller, 2010; Sollund, 2012). Также оно служит иллюстрацией того, что, превращаясь в предмет власти, пища может оказывать влияние на человека на уровне физической организации его бытия (Сохань, 2011) и может служить средством сопротивления доминированию (Fertaly, 2012). Оно подтверждает и тезис о том, что женщины-домработницы, живущие под бдительным наблюдением своих работодателей, особенно подвержены угрозам миграционных рисков. В условиях, когда вызовы миграции дополняются необходимостью жить в чужом доме, соединяя не вполне четкие роли гостя, фиктивного члена семьи, работницы и служанки, эти риски лишь возрастают (Sollund, 2012).

«Стратегия Фрекен Бокк»: из домработниц — в домоправительницы

Интервью показывают, что мигрантки осмысливают свою «стратифицированную инаковость» (Lan, 2006, p. 16) не столько в свете «логики различия», сколько в терминах «логики эквиваленции» (Лакло, 2014), применяя стратегии сопротивления, позволяющие компенсировать ущербность их социального положения. Одной из них является стратегия «из домработниц — в домоправительницы» à la Фрекен Бокк⁵. Ее применяла Иванна, бывшая преподаватель вуза, проработавшая три года домработницей в Израиле, куда приехала в гости к подруге. Спонтанное решение ненадолго задержаться, чтобы поправить материальное положение, было подсказано окружением, где, по ее словам, «пол-Израиля — это мои украинские знакомые». Бывшие земляки помогли Иванне найти маклера, трудоустроившего ее няней в семью зажиточных израильтян, где она также исполняла роль домработницы, вернее, «домохозяйки», поскольку все проблемы быта впоследствии легли на плечи служанки:

«Домохозяйкой была я, а она была не домохозяйка, а «домолежалка». Иногда целый день не вылезала из кровати. Ну что говорить, избалованный ребенок богатенького папочки! Она же как привыкла: вот если поставить перед ней стакан, она знает, что с ним делать — из него можно пить. А что там до того, что туда налить что-то нужно, и что после того, что его помыть нужно, это уже ее не волнует» (Иванна, преподаватель вуза, работала домработницей в Израиле, 30.08.2012).

Иванна рассказала, что хозяйке приходилось голодать, т.к., располнев после рождения ребенка, она стремилась похудеть и могла сутками ничего не есть или уезжала из дома на весь день, а возвращаясь, забывала закупить продукты. В этих условиях Иванне ничего не оставалось, как взять на себя все заботы по ведению хозяйства. Надбавки к зарплате она не получала, но приобрела в семье авторитет и статус «домоправительницы», принимавшей важные хозяйственные решения, с которыми ее работодательница была вынуждена считаться. Таким образом, посредством дополнительной неоплачиваемой работы женщина преодолела бытовые неудобства и доминирование со стороны хозяйки.

Стратегия «брака заботы»: агапическое измерение социальной жизни⁶ украинских мигранток

Процесс конструирования феминности и маскулинности представляет собой один из организующих факторов «мигрантскости». Властная позиция мобильных индивидов в социальной иерархии может достигаться посредством «эротизации телесности мигрантов» (D'Ottavio, 2006), используемой как мужчинами, так и женщинами. Так, доступ к значимой информации в бытовых вопросах, например, о возможностях трудоустройства и обеспечения жильем, наделяет мужчин-мигрантов преимуществами, позволяющими подбирать себе более молодых и привлекательных партнеров. Женщины могут использовать свою женскую привлекательность в качестве «телесного капитала» (Ваньке, 2013, с. 9), инвестируемого в достижение своих прагматических целей. По данным кадровых агентств, привлекательная внешность женщины является значимым фактором для получения трудоустройства (Hondagneu-Sotelo, 2001; Cox, 2007). Информантки также отмечали, что молодежные женщины с приятной внешностью имеют больше шансов

⁵ Героиня популярной сказки Астрид Линдгрэн «Малыш и Карлсон, который живет на крыше».

⁶ Агапическое измерение социальной жизни (от греч. «*agape*» — любовь) характеризует сферу интимности, дружбы и любви (см.: Iorio, 2014).

получить работу через агентство. Это дает основания квалифицировать домашний сервис как разновидность «эстетического труда», где, как и в других видах «интерактивного сервиса», ценятся эстетические навыки и стилевые умения (Nickson et al., 2003).

Как уже указывалось ранее (Толстокурова, 2015, с. 49), славянские женщины высококонкурентны на международных брачных рынках и умело используют свои преимущества для обеспечения семейного благополучия посредством брака с мужчинами из европейских государств. Поэтому в принимающих странах они снискали репутацию «похитительниц мужей» (Тяжелая доля..., 2014). В Италии их окрестили «vorago», т.е. охотницы за мужчинами (D'Ottavio, 2006). Социологические исследования показывают, что этот «миграционный миф» не имеет под собой оснований. В той же Италии, являющейся основной принимающей страной женской миграции, только 5% опрошенных украинок отметили, что намерены выйти замуж за итальянца (Акімов, 2009). Скорее всего, этот миф является реакцией местного населения на образ «другого», вернее, «другой», занимающей в социальной иерархии нижнюю ступень, но более успешную в интрагендерной конкуренции:

«В Германии появилось много роликов, они там говорят, что наши «аих-раір» жаждут одного — выйти замуж, что «аих-раір» — это только повод туда попасть, а не цель, чтобы изучить язык и культуру. Ну, а что они хотят? Нам же ничего не остается. И потом, наших девочек здесь охотно берут замуж. Для наших выйти здесь замуж — не проблема. У наших и внешность, и все мы умеем, и трудолюбивые. Так чему удивляться?» (Илона, 34 года, переводчица и журналистка, работала домработницей в Германии и Австрии, 23.08.2012) (Толстокурова 2015, с. 49).

Информантки отмечали, что легенда об украинках как «охотницах за мужьями», распространяемая средствами массовой информации, не только необъективна, но и небезопасна, т.к. создает неблагоприятный контекст для работы в семье и для интеграции в принимающее общество. Так, респондентки сталкивались с агрессивностью хозяек, обвинявших их в посягательствах на своих мужей. Причем предвзятость в отношении к украинкам вкупе с гендерной дискриминацией по возрасту и внешности начинается еще при получении визы в посольстве страны назначения. Об этом рассказала молодая женщина, рассчитывавшая выехать в краткосрочную поездку в Италию:

«В очереди в консульское отделение ... как-то услышала, что если тебе тридцать, ты не замужем, да еще и блондинка, то визу не получишь. Все — словно обо мне! Подумала — шутки... Но когда осталась без визы, поняла — все намного сложнее» (Музика, 2006, с. 77).

Нельзя отрицать и того, что для мигрантки, особенно нелегальной, занятой в непрестижной, малооплачиваемой сфере домашнего сервиса, брак с местным мужчиной является возможностью создать семью и легализовать свое положение, обрести финансовую безопасность и восстановить социальный статус, утраченный в результате миграции. Для этого женщины используют стратегию «брака заботы» (Tognetti Bordogna, 2004) как разновидность «стратегии выгодного брака» (Тюрюканова, 1999, с. 92), заключаемого между сиделкой и ее клиентом, чаще всего с пожилым мужчиной или членом его семьи, неконкурентоспособным на брачном рынке в силу социодемографических параметров, таких как возраст, род занятий или предыдущий брак (D'Ottavio, 2006). Союз такого рода позволяет обоим партнерам нивелировать «брачное неравенство», свойственное социально депривированным индивидам, и занять подобающее место в общественной иерархии. Подтверждением тому является история Майи, которую нищенская

зарплата инженера вынудила искать работу на оливковых плантациях Испании. Благодаря своим компетенциям домохозяйки женщина смогла успешно устроить свою личную жизнь и повысить социально-экономический статус благодаря гражданскому браку с испанским работодателем. Об этом рассказала ее бывшая соседка по дому:

«Наши украинские женщины востребованы везде, потому что они и красавицы, и прекрасные хозяйки, и ответственные матери. Где бы она ни жила, украинка, даже в самых отвратительных условиях, она всегда сможет превратить это место в «настоящий дом». Там всегда будет чистенько, уютненько, там всегда будет огородик с огурчиками-помидорчиками и садик с цветочками под окнами. Вот Майя как раз такая. Красавица женщина и замечательная хозяйка. Поэтому, как только она нашла себе там работу, в Испании, начала обживаться, ее хозяин-испанец тут же ее заметил и глаз на нее положил. Ну, пригласил к себе, вроде бы как сначала попросил как домработницу, присматривать за домом. Она, конечно, согласилась. Он был в восторге от того, как она готовит, в какой чистоте содержит дом. И очень скоро они стали жить вместе как муж и жена. Вот так благодаря своим способностям за пару-тройку месяцев прошла путь от батрачки до домработницы, а потом и домохозяйки» (Варвара, 68 лет, мать мигранта в России, 17.08.2011) (Толстокорова, 2015, с. 48–49).

Повышение социального положения благодаря «браку заботы» является для мигранток важным фактором интеграции в принимающее сообщество. Так, в ходе полевого исследования мы обратились с просьбой об интервью к украинке, проживающей в Италии, но получили отказ. Женщина объяснила его тем, что, заключив брак с итальянцем, она сменила положение сиделки на социальный статус работодательницы и теперь не желает ассоциировать себя с украинскими гастарбайтерами:

«Да, я сюда приехала как домработница, «badante» это называется. Но теперь у меня здесь есть и муж, и семья, и я теперь сама нанимаю себе домработницу. Я теперь сама «сеньора», а не ваш клиент» (Марина, работала сиделкой в Италии, 14.09.2012) (Толстокорова, 2016, с. 44).

Это подтверждает наблюдение, что эмоциональные, интимные и брачные предпочтения мигрантов во многом задаются глобальными иерархиями на основе расовых, этнических, религиозных, классовых факторов, которые оказывают существенное влияние на их социокультурный опыт и сами воспроизводятся и проблематизируются благодаря миграции (Mai, King, 2009, с. 302).

Стратегия «из общежития — к «сольному проживанию»⁷»

Проблема обеспечения жильем связана для мигранток не только с вопросами зависимости и доминирования, но и с социально-культурными рисками чужеродного окружения, в том числе с безопасностью условий жизни:

«После защиты [диссертации] хотела заняться социальной репродукцией, хотела перейти из публичного в приватное, но оно казалось даже более рискованным» (Юлия, преподаватель вуза и журналистка, работает гувернанткой в Москве, 05.06.2011).

⁷ Термин «сольное проживание» обозначает стиль жизни людей трудоспособного возраста, живущих отдельно от семьи (Klinenberg, 2013).

Как показывают исследования (Зурабишвили, Зурабишвили, 2012), когда мигрантки чувствуют себя некомфортно в доме работодателей, лишь немногие способны поговорить с ними и высказать свои претензии. Обычно они предпочитают найти другую работу в надежде, что им повезет и у них будут лучшие условия, или ищут работу вне дома. Несмотря на риски, связанные с необходимостью снимать и оплачивать собственное жилье, женщины готовы идти на них. То, что они не живут в «чужом» доме и никому не «прислуживают», становится для них важнее соображений безопасности. Это согласуется с наблюдением, что «концепция дома» в условиях мигрантскости подразумевает, что дом «строится» самими мигрантами, это результат собственных усилий по созданию своего места, и положение «квартиранта» в долгосрочной перспективе имеет тенденцию к смене на статус «собственника» (Бредникова, Ткач, 2010, с. 79).

В этих условиях женщины используют стратегию «из общежития — к сольному проживанию» (Tolstokorova, 2013, с. 102), которая требует более высокой степени социальной пластичности, самодостаточности и навыков самоорганизации, но избавляет от доминирования работодателя и от пространственных ограничений, коммуникационных коллизий и эмоционального дискомфорта, неизбежных в условиях проживания в чужой семье. Но самым важным для женщин является то, что она предоставляет свободу выбора и возможность самостоятельно распоряжаться своей жизнью:

«Да, конечно, если живешь в семье хозяина, то в этом есть свои преимущества. Особенно в самом начале. Во-первых, так и дешевле, и надежнее, если у тебя есть жилье и не надо платить за квартиру и за питание. Но потом, знаете, это начинает давить, все-таки это не очень удобно, жить приживалкой. И потом, когда ты на виду с утра до ночи, тебе все 24 часа нужно быть в форме. Понимаете, иногда чувствуешь себя так паршиво, и так тяжело держаться, и нет сил привести себя в порядок, и так не хочется, чтобы тебя кто-то видел в таком состоянии, а нужно идти работать и быть все время на виду. Когда работаешь и живешь в одном доме, ты себе не принадлежишь и не можешь расслабиться. Ты живешь как в общежитии и принадлежишь хозяйину. За два года такой общежитской жизни меня это так достало, что я решила: все, пора уходить. К тому времени у меня были уже кое-какие знакомства, и они мне помогли найти работу уборщицы, заработок такой же, как когда я ухаживала за стариком. Даже чуть больше. Понятно, что так дороже, потому что нужно самой платить за жилье и питание, но я уже кое-что скопила и пошла на это. Главное, что у меня теперь есть свой угол. По утрам я, как и все, иду на работу и ничем не отличаюсь от остальных. И я знаю: теперь я не принадлежу никому, я сама себе хозяйка» (Вера, 54 года, домработница в Риме, 02.04.2009) (Толстокорова, 2012, с. 205–206).

Подобным способом решила проблему зависимости от работодателя и другая информатка — Надежда, не пожелавшая оставаться в доме хозяйки, когда у той начались проблемы с бизнесом, отразившиеся на ее характере и стиле жизни. Надежда попала в Грецию благодаря содействию бывшей соотечественницы, имеющей там собственную фирму. Она предложила мигрантке место домработницы в своем особняке и помогла получить официальное разрешение на работу в Греции:

«Поначалу меня все полностью устраивало, потому что я не знала языка и сама не смогла бы найти себе работу и жилье. Но поскольку я жила и работала у «наших», то это решало все проблемы: она [хозяйка] говорила по-русски, и у меня была сразу и работа, и жилье. Но где-то через год у хозяйки начались проблемы с бизнесом. Она стала задерживать зарплату, выпивать, потом мужики стали приходить толпами, начались попойки, ругань, драки. И ко мне стали приставать. Короче, там стало

опасно, нужно было срочно «делать ноги» оттуда. Я уже немного говорила по-гречески и успела обзавестись знакомствами. Встретила там одну нашу женщину, которая раньше работала в Италии. Она дала мне адрес своих бывших итальянских хозяев, и я с ними связалась. Ну вот, теперь я здесь, в Милане. Учительница музыки и эстрадная певица, а приходится «мыть попы» этим старым итальянским..., которых мой дед не добил во время войны. Но зато здесь я ни от кого не завишу, я сама решаю, что мне делать и как жить. Захочу уехать — возьму и уеду!» (Надежда, 39 лет, учитель музыки и эстрадная певица; домработница в Италии, 04.06.2007) (Толстокорова, 2012, с. 206).

Данная стратегии используется женщинами тогда, когда они уже адаптировались в принимающем обществе, овладели языком и наработали социальные сети, что обеспечивает больше возможностей в выборе жилья и трудоустройства. На этом этапе мигрантки могут иметь более высокие доходы, работая сиделками одновременно в нескольких семьях, или уборщицами, чьи услуги оплачиваются на порядок выше:

«Зарботки у уборщиц на уровне оплаты труда мужчин в строительном секторе. Это выгоднее и не зависишь от жилья работодателя. Поэтому сначала берут, что есть, а потом уже переходят с «бабы-ситтера» на уборку» (Леся, 36 лет, фармацевт, работала домработницей в Италии, 25.02.2011).

Работа уборщицы может предполагать минимальный контакт с работодателем и меньшую степень зависимости от него. Например, Нина рассказала, что во время уборки в частных домах практически не встречается с хозяевами:

«Сейчас я убираю дома у нескольких хозяев. Они меня взяли к себе по рекомендации своих знакомых — я у них раньше работала сиделкой. У меня хорошая репутация, они мне доверяют. Оставляют мне ключи и уходят себе на работу. Знают, что я ничего не возьму, что все в доме будет в порядке. Я их вижу только в день полочки» (Нина, 54 года, инженер, домработница в Италии, 02.04.2009).

Эти данные подтверждаются другими исследованиями, показывающими, что работа уборщицы означает для женщин более высокой доход и избавление от зависимости от хозяев, а также более высокий социальный статус, чем у сиделки (Химович, 2008). Т.е. даже в таком одиозном секторе труда, как ПДТ, домработницам удается отстаивать свои интересы и делать «карьеру заботы и ухода» (Tolstokorova, 2013, p. 105).

Заключение

Одним из побочных эффектов процесса глобализации является феномен «коммерциализации приватной сферы», в который Украина оказалась вовлечена в результате феминизации трудовой миграции, создающей ей репутацию «уборщицы Европы» (Сафронова, 2013) и «народа сиделок» (Вовк, 2012). В эпоху раннего модерна равное социальное положение хозяев и прислуги было типичным явлением, но в результате элитаризации первых и пролетаризации вторых равенство их социального положения стало редким явлением, и сегодня работодатели и домработницы, как правило, находятся в отношениях «архетипической асимметрии» (Sarti, 2008, p. 89). Наше исследование показало, что постсоветские экономические преобразования внесли свои коррективы в этот процесс, повернув колесо истории домашнего труда вспять. Об этом свидетельствует феномен «обратной классовой мобильности» (Parreñas, 2015, p. 150) среди

украинок, занятых в ПДТ за рубежом. Он заключается в одновременном повышении их финансового статуса благодаря географической мобильности и понижении социального статуса в результате работы в непрестижных видах занятости. Эта тенденция свойственна не только постсоветским мигранткам, но и независимой женской миграции в целом (IOM, 2012). В результате домработницы нередко имеют более высокий уровень образования и на родине занимают более высокое социальное положение, чем их зарубежные работодатели (Sarti, 2008). Они обладают навыками и социальным капиталом, необходимыми для данного вида занятости, но оказываются в положении эксплуатируемых, поскольку их труд остается непризнанным, низкооплачиваемым и жестко контролируемым. В результате иерархичность и неравенство в трудовых отношениях сохраняются. Это подтверждает актуальность мнения о неправомерности рассмотрения женщин как гомогенной группы и игнорирования значения этнических, расовых, социальных, экономических и др. различий между ними (Ludvig, 2006; Lewis, 2006). Эти многомерные неравенства вынуждают мигранток преодолевать разнообразные социокультурные вызовы чужеродного окружения, с которыми им обычно не приходится сталкиваться дома. Однако женщины искусно справляются с ними, выстраивая стратегии и тактики сопротивления как «стратегии успеха» (Тюрюканова, 1996), позволяющие успешно адаптироваться к условиям жизни в принимающих странах.

Литература

- Акімов Д. Arrivederci Ucraina?... BUON GIORNO Italia... // Атлантична панорама. 2009. № 6 (25). С. 24–28.
- Боков В. *Институт услужения: притязание на прописку* // Социальная политика и социология. 2012. № 1. С. 75–83.
- Бредникова О., Ткач О. Дом для номады // Лабораториум. 2010. № 3. С. 72–95.
- Ваньке А. В. Семантика маскулинной телесности в пространстве социальных различий: автореф. дис. ... канд. соц. наук. М.: Ин-т социологии РАН, 2013.
- Варшавская Е. Я. Труд домашних работников в России и за рубежом // Современное общество и труд: сб. науч. статей / Отв. ред. Р. В. Карапетян. СПб.: Изд. центр экон. ф-та СПбУ, 2014. С. 170–179.
- Вовк І. «Народом доглядальниць» називають в Італії українських заробітчанонок // 33 канал. 2012. № 14. URL: <http://old.33kanal.com/12-14/4893-12-14-5> (дата обращения: 01.03.2016).
- Женщины-мигранты из стран СНГ в России / Под ред. Е. В. Тюрюкановой. М.: МАКС Пресс, 2011.
- Здравомыслова Е. Создание приватности как сферы заботы, любви и наемного труда: Введение // Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Роткирх, А. Темкиной. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в СПб, 2009. С. 7–32.
- Зурабишвили Т., Зурабишвили Т. Психологическая цена миграции женщин из грузинского посёлка Даба Тианети // Диаспоры. 2012. № 2. С. 6–24.
- Карачурина Л., Мкртчян Н. Домашние работники: Взгляд через призму обследования ЦМИ «Женщины-мигранты в России». Выступление на круглом столе «Продвижение международных стандартов и норм для защиты прав домашних работников в РФ». 03.10.2012. URL: <http://www.slideshare.net/Poletaev/ss-14578248> (дата обращения: 01.03.2016).
- Лакло Э. О популизме. Памяти Эрнесто Лакло (1935–2014). Закон целого в социальной теории // Гефтер. 18. 04.2014. URL: <http://gefter.ru/archive/12049> (дата обращения: 01.03.2016).
- Музыка В. Українці в Італії. Кілька років у минуле // Політика і час. Україна в міжнародних відносинах. 2006. № 2. С. 75–80.
- Парламентські слухання «Стан та проблеми правового і соціального статусу сучасної трудової міграції». Київ, 2004.
- Рейтинг стран мира по уровню образования // Центр гуманитарных технологий, 18.03.2015. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/education-index/education-index-info> (дата обращения: 01.03.2016).

Сафронова Е. Уборщицы Европы как иллюзия благополучия // Golos.ua. 08.11.2013. URL: http://ru.golos.ua/social_problem/13_11_06_uborschitsyi_evropyi_kak_illyuziya_blagopoluchiya (дата обращения: 01.03.2016).

Список стран по уровню грамотности. 2009. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/список_стран_по_уровню_грамотности (дата обращения: 01.03.2016).

Сохань И. Фаст-фуд как актуальная гастрономическая практика потребления // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14. № 5 (58). С. 260–269.

Ткач О. Профессионализация домашней уборки: очерчивая фронтиры // Антропология профессий, или посторонним вход разрешен / Под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М.: Вариант, 2011. С. 304–333.

Толстокорова А. Героини нашего времени: женская трудовая миграция из Украины // Диаспоры. 2012. № 1. С. 198–226.

Толстокорова А. Энигма, враг или амиго?: роль аттитюдного фактора в конструировании опыта зарубежного трудоустройства украинских трудовых мигрантов // ИНТЕРакция. ИНТЕРвью. ИНТЕРпретация. 2015. № 9. С. 36–58.

Толстокорова А. Полевые исследования гендерных аспектов трудовой миграции: этические и методологические вызовы // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2016. № 2 (116). С. 43–48.

Трудова міграція населення Тернопільської області: кількісні та географічні аспекти. Тернопіль: Лідер, 2002.

Тюрюканова Е. Миграция женщин из России: еще одна «стратегия успеха»? // Гендерные аспекты социальной трансформации. М.: ИСЭПН, 1996. С. 84–102.

Тюрюканова Е. Потенциал экономической миграции из России: гендерный аспект // Способы адаптации населения к новой социально-экономической ситуации в России. Вып. XI. М.: МОНФ, 1999. С. 86–98.

Тяжелая доля украинок в Италии. 26.04.2014. URL: <https://www.youtube.com/channel/UC1vGae-2Q3oT5MkhhfW8lwjg> (дата обращения: 01.03.2016).

Фуко М. Герменевтика субъекта (выдержки из лекций в Коллеж де Франс. 1981–1982 гг.) // Социо-Логос. 1991. Вып. 1. С. 84–156.

Химович О. Еміграційна активність жіночого населення в Україні // Вісник Львівського Унів-ту. Серія соціологія. 2008. Вип. 2. С. 362–366.

Эксперты: Ситуация с мигрантами напоминает «кастовый строй». 20.11.2013 // Информационное агентство «РосБизнесКонсалтинг». URL: <http://www.rbc.ru/economics/20/11/2013/890067.shtml> (дата обращения: 01.03.2016).

Andall J. *Gender, Migration and Domestic Service. The politics of black women in Italy*, Aldershot: Ashgate, 2000.

Anderson B. *Doing the Dirty Work? The Global Politics of Domestic Labour*. L., N.Y.: Zed Books, 2000.

Banfi L., Boccagni P. *Transnational Family Life and Female Migration in Italy: One or multiple patterns?* // *Gender, Generations and the Family in International Migration* / Ed. by A. Kraler, E. Kofman, M. Kohli, C. Schmoll. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2011. P. 287–312.

Beck-Gernsheim E. *The marriage route to migration of border artistes, transnational matchmaking and imported spouses* // *Nordic Journal of Migration Research*. 2011. Vol. 1. № 2. P. 60–68.

Bourdieu P. *La Distinction Critique Sociale du Jugement*. Paris: Minuit, 1979.

Bourdieu P. *The Forms of Capital* // *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education* / Ed. by J.G. Richardson. N.Y.: Greenwood, 1986. P. 241–258.

Browne I., Misra J. *The Intersection of Gender and Race in the Labor Market* // *Annual Review of Sociology*. 2003. Vol. 29. P. 487–513.

Búriková Z., Miller D. *Au Pair*. Cambridge: Polity Press, 2010.

Cox R. *Domestic Workers and au Pairs* // *Migration: The COMPAS Anthology* / Ed. by B. Anderson, M. Keith. Oxford: COMPAS, 2014. P. 51–52.

Cox R. The Au Pair Body: Sex Object, Sister or Student? // *European Journal of Women's Studies*. 2007. Vol. 14. № 3. P. 281–296.

D'Ottavio G. Shuttle Female Migration in an Enlarged Europe. 2006. URL: http://aa.ecn.cz/img_upload/3bfc4ddc48d13ae0415c78ceae108bf5/GDOttavioShuttle_Female_Migration_in_an_Enlarged_Europe.pdf (accessed: 01.03.2016).

Fertaly K. Khash, history and Armenian national identity: Reconsidering post-socialist gender, food practices and the domestic // *Identities: Global Studies in Culture and Power*. 2012. Vol. 19. № 1. P. 81–102.

Glenn E. N. From Servitude to Service Work: Historical Continuities in the Racial Division of Paid Reproductive Labour // *Journal of Women in Culture and Society*. 1992. Vol. 18. № 1. P. 436–459.

Hondagneu-Sotelo P. *Doméstica: Immigrant Workers Cleaning and Caring in the Shadows of Affluence*. Berkeley: University of California Press, 2001.

IOM. Crushed hopes: Underemployment and deskilling among skilled migrant women. Geneva: International Organization for Migration, 2012.

Iorio G. *Sociology of Love: The Agapic Dimension of Societal Life*. Wilmington: Vernon Press, 2014.

Kaurinkoski K. Gendered Migration Patterns and Experiences of Ukrainian Immigrants in Greece // *Spotlights on Russian and Balkan Slavic Cultural History. Studies on Language and Culture in Central and Eastern Europe* / Ed. by A. Ioannidou, C. Voss. Munich: Otto Sagner, 2009.

Klinenberg E. *Going Solo: The Extraordinary Rise and Surprising Appeal of Living Alone*. N.Y.: Penguin Press, 2012.

Lan P. *Global Cinderellas: Migrant Domestic Workers and Newly Rich Employers in Taiwan*. Durham, London: Duke UP, 2006.

Lazaridis G. Les Infirmières Exclusives and Migrant Quasi-Nurses in Greece // *European Journal of Women's Studies*. 2007. Vol. 14. № 3. P. 227–246.

Lenz R. Lady and the Maid: Racialised gender relations in Greek-Cypriot households // *The Cyprus Review*. 2001. Vol. 13. № 2. P. 75–92.

Lewis J. The decline of the male breadwinner model: implications for work and care // *Social Politics*. 2001. Vol. 8. № 2. P. 152–169.

Ludvig A. Differences between women? Intersecting voices in a female narrative // *European Journal of Women's Studies*. 2006. Vol. 13. № 3. P. 245–258.

Mahler S. Transnational Relationships: The Struggle to Communicate Across Borders // *Identities*. 2001. Vol. 7 (4). P. 583–619.

Mahler S., Pessar P. Gendered Geographies of Power: Analyzing Gender Across Transnational Spaces // *Identities: Global Studies in Culture and Power*. 2001. Vol. 7. № 4. P. 441–459.

Massey D. *Space, Place and Gender*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1994.

Mai N., King R. Love, Sexuality and Migration: Mapping the Issue(s) // *Mobilities*. 2009. № 4(3). P. 295–307.

Nickson D. P., Warhurst C., Cullen A. M., Watt A. Bringing in the Excluded? Aesthetic labour, skills and training in the «new» economy // *Journal of Education and Work*. 2003. Vol. 16. № 2. P. 185–203.

Parreñas R. *Illicit Flirtations: Labor, Migration, and Sex Trafficking in Tokyo*. Palo Alto, CA: Stanford University Press, 2011.

Parreñas R. *Servants of Globalization: Women, Migration, and Domestic Work*. Stanford, CA: Stanford University Press, 2015.

Rollins J. *Between Women: Domesticity and their Employers*. Philadelphia, Temple UP, 1985.

Ryan M. Standpoint Theory // *Encyclopedia of Social Theory*. Vol. 2 / Ed. by G. Ritzer. Thousand Oaks: SAGE, 2005.

Sarti R. The true servant. Self-definition of male domestics in an Italian city (Bologna, 17th-19th Centuries) // *The History of the Family*. 2005. № 10. P. 407–33.

Sassen S. Women's Burden: Counter-geographies of globalization and the feminization of survival // *Journal of International Affairs*. 2000. Vol. 53. № 2. P. 503–524.

Şimşek B. The Strategies that Foreign Women Domestic Workers Use to Overcome the Stereotypes They Face in Turkey // *Ethnologia Balkanica*. 2010. № 14. P. 71–85.

Stiell B., England K. Jamaican Domestic, Filipina Housekeepers and English Nannies: Representations of Toronto's Foreign Domestic Workers // *Gender, Migration and Domestic Service* / Ed. by J. H. Momsen. London: Routledge, 1999. P. 43–61.

Sollund R. The Essence of Food and Gender and the Embodiment of Migration // *Advances in Ecopolitics. Transnational Migration, Gender and Rights. Vol. 10* / Ed. by R. Sollund. Emerald Group Publishing Ltd, 2012. P. 77–98.

Tastsoglou E., Hadjiconstanti J. Never Outside the Labour Market, but Always Outsiders: Female Migrant Workers in Greece // *The Greek Review of Social Research*. 2003. P. 189–220.

Tausch A. Inequality, Migration, and «Smart» Survival Performance // *Social Evolution & History*. 2013. Vol. 12. № 2. P. 77–101.

Tolstokorova A. One Way Ticket?: International Labour Mobility of Ukrainian Women // *New Mobilities Regimes in Art and Social Sciences* / Ed. by S. Witzgall, G. Vogl, S. Kesselring. Aldershot: Ashgate, 2013. P. 91–100.

Tognetti Bordogna M. I Matrimoni Misti Tendenze e Dinamicità. 2004. URL: www.ale.fvg.it/immigrazione/temi/famiglia/tognetti.2004.pdf (accessed: 01.03.2016).

Van Hear N. Mixed Migration // *Migration. The COMPAS Ontology* / Ed. by B. Anderson, M. Keith. Oxford: COMPAS, 2014. P. 88.

Vassilikou C. Immigrant Women in Greece: A Biographical Study of Domestic Workers // *Gender, Equal Opportunities, Research*. 2007. № 1. P. 40–45.

Zervidou M. National Report: The Case of Cyprus. Integration of Female Migrant Domestic Workers: Strategies for Employment and Civic Participation. Nicosia: University of Nicosia Press; MIGS, 2008. P. 33–62.

Биография номера

Интервью с руководителем сети дистрибьютеров в компании сетевого маркетинга¹

Публикуемое интервью было проведено в региональном российском городе N с населением более 1 млн. жителей в рамках проекта «Межпоколенная социальная мобильность от XX века к XXI: четыре генерации российской истории» в ноябре 2015 г. Оно представляет собой интересный случай субъекта, не просто активно рефлексирующего по поводу своей социальной мобильности, ее движущих мотивов, барьеров и особенностей траектории, но делающего это в терминах «нового духа капитализма», в том виде, как его описывают Люк Болтански и Эв Капелло. Инна, 49-летняя руководитель сети дистрибьютеров в компании сетевого маркетинга, принимает и интериоризирует все вызовы неolibеральной экономической и социальной системы. Она выстраивает свой жизненный нарратив как историю успеха человека, привыкшего «работать над собой» (в терминах Мишеля Фуко).

В интервью представлена история превращения постсоветской женщины, социализированной в рамках обычного гендерного контракта «работающая мать», в самостоятельного экономического субъекта, частично преодолевающего гендерные и другие структурные барьеры, а частично к ним адаптирующегося. Инна создает и переосмысливает свою жизненную историю в терминах «истории заслуженного успеха», однако интервью позволяет увидеть и точки напряжения в ее биографии, и социальные процессы, формирующие ее именно таким образом. Описание ею работы в сетевом маркетинге позволяет увидеть определенные способы, с помощью которых коммерческая структура стремится воздействовать не столько на процесс организации труда, сколько на личность индивида, а точнее, на его способность воздействовать на самого себя.

Интервьюер: Мы проводим исследование, которое посвящено социальной мобильности. То есть нас просто интересует, как люди определенных поколений совершают свой выбор в жизни: находят работу, меняют работу, переезжают из города в город, может быть. Ну, то есть вот все, что связано с их жизненными изменениями, жизненной историей. Нужно это для того, чтобы понять, чем люди руководствуются: своими какими-то задачами жизненными, практическими соображениями. Это чисто академическое исследование. Нужно для вот понимания каких-то вещей. Все данные анонимны, использоваться не будут, нигде публиковаться. То есть такая аналитическая задача. Вот я Вас тоже хотела попросить рассказать свою жизненную историю от родительской семьи вот до сегодняшнего дня, начиная с Ваших родителей. Кто они, чем занимались? Может быть, даже бабушки, дедушки. Чтобы понять, так сказать, откуда Вы шли к сегодняшнему дню.

---

¹ Материал подготовлен в рамках проекта «Межпоколенная социальная мобильность от XX века к XXI: четыре генерации российской истории». Грант РНФ № 14-28-00217.

Респондент: Угу. То есть Вы задаете вопросы, я отвечаю?

[Сокращено].

И.: Ну, сначала, Вы сначала расскажите, что Вы, Вам кажется важным самой. И потом я доспрошу то, что мне хочется, захочется узнать еще. Лучше всего так.

Р.: Угу, ясно. Родители. Родителей на данный момент нет в живых, уже очень давно. Родители у меня: и мама, и папа — из села приехали в N. Здесь познакомились, поженились. Мама начинала от уборщицы в столовой и дошла до главного экспедитора объединения нескольких столовых. То есть у нее такой хороший путь. Отец тоже начинал обычным, если я не ошибаюсь, электриком и дошел тоже до директора объединения «Югозападнефть».

И.: Ух ты.

Р.: Да.

И. То есть он был директором «Югозападнефти»?

[Сокращено].

Р.: Да, угу. Да, все, что лучшее есть во мне, — это от моих родителей, я считаю. Потому что это правда. Мама умерла, когда ей был 51 год, отец, отец... (*неразборчиво*). На данный момент вот уже очень давно их нет. Сама я родилась в N, у меня еще есть два брата младших, угу. Ну что, школа. Училась всегда на отлично до 10 класса, ну, до 9-го, в 10-м у меня было четыре четверки. Потом хотела пойти в торговлю, как мама, но мама мне сказала: «Инна, у тебя не тот характер». И поэтому я пошла в педагогическое училище. Закончила. Работала до 16 лет по профессии с перерывом на декретный отпуск. Когда стало совсем тяжело, потому что ребенок пошел в 1-й класс и оказался совсем брошенной, а девочка она у меня такая очень продвинутая была, несколько школ. Надо было ее, в общем-то, вести, а не пропадать в две смены без няни на работе. Я ушла. Ушла в торговлю. В торговлю не сразу, где-то через полгода, года перерыв, я позанималась ребенком. Потом, конечно, с деньгами туго. Ушла в торговлю. В торговле я проработала 8 лет. Опасения мамы не сбылись, я сразу стала... Ну, я такой лидер по жизни, поэтому, в общем-то, что в детском саду все мероприятия, которые проводились: «Воспитатель года» или открытые занятия — я проводила, так и в торговле сразу меня заметили и, в общем-то, стали продвигать. Познакомилась тогда же с сетевым бизнесом. На данный момент я очень могу серьезно продвигаться в сетевом бизнесе. То есть я — крупный такой руководитель по построению клиентской сети. Я клиентов..., сеть клиентов строю очень быстро, продуктивно и компании приношу огромный товарооборот.

И.: Угу, угу. А сетевой бизнес какого рода?

Р.: На данный момент занимаюсь продуктами для здоровья, продвижение здорового питания. Наша, российская компания. ... Предыдущая была компания, она была связана строго с продуктами питания по сети. Но я там клиентскую базу за полтора года создала больше пяти тысяч человек по всей России. Но компания, так скажем, приказала долго жить из-за руководителя, который решил, что только он главный, а все другие никак. Не, не надо им ни платить, ни замечать. И вот новая компания. Человек, за которым я, вот вместе с которым я уже больше 6 лет, я за ним иду, он мой наставник. И вот за полгода доход от 50 до 70 тыс. рублей ежемесячно... (*неразборчиво*) денег, с которых я плачу налоги и так далее.

И.: А в чем заключаются Ваши, собственно, обязанности сейчас? Как-то содержание работы?

[Сокращено].

Р.: Ну, скажем так, конечный продукт моей деятельности — это создание продуктивных и самомотивированных команд лидеров. То есть я расту людей. Я их обучаю, я их обучаю как каким-то личностным качествам, потому что сама была отнюдь не вот прямо специалистом каким-то сразу в этой области. Конечно, надо учиться. Я их обучаю.

Я очень серьезно работаю с сетью потребителей. То есть все мероприятия, которые у нас проводятся в компании, направлены на то, чтобы потребителю было комфортно, ну, как «клиент всегда прав». Чтобы они получали должную информацию. Я занимаюсь просветительской деятельностью, потому что продукт... не оставляет желать лучшего, и смертность превышает, несмотря на то, что вроде бы она как-то повышается, повышается, у нас рождаемость. Но на данный момент пока только за счет притока мигрантов. То есть я считаю в своей жизни вот это необходимо делать, чтобы люди были более здоровыми, более счастливыми в конечном итоге. Потому что здоровье — это все. Есть здоровье — хочется работать, любить, жить. Нет здоровья — все думают люди только об этом.

И.: То есть у вас презентации проходят, да?

Р.: Презентации, звонки, встречи, семинары, поездки, поездки по стране, поездки по области.

[Сокращено].

И.: То есть Вы, в основном, занимаетесь уже тренингами дистрибьюторов, и Вам можно не делать продажи уже, да?

Р.: Ну, так как у нас продаж, как таковых, вообще нет, то есть для того чтоб мне получать там мои 50–60–70 тыс. рублей, мне достаточно... (*неразборчиво*). Для этого же не надо продавать. Да, есть компании, я согласна, в которых надо ежемесячные закупки делать, там, на 10, на 20, на 40 тысяч. У нас нет. Поэтому вся..., все мои усилия направлены только на то, чтобы расширить сеть.

И.: Угу. То есть Вы занимаетесь, собственно, кадрами. Ну, очень интересная работа.

Р.: Да, я согласна, очень интересно. Сама себе хозяйка, строю жизнь, как хочу. Да, и, конечно, проработав 16 лет в педагогике, 8 лет в торговле, практически не видя ни семьи, ни дочери, ни мужа толком, потому что пра... с 8 утра до 8 вечера, если я работала в торговле, то иногда и до 11 вечера. То здесь, конечно, очень много плюсов. Да, я сама выстраиваю свой день, я сама отдыхаю, сколько хочу, когда хочу. Ну, это я как бы так говорю. Но сейчас, на данный момент, я считаю, что старт компании, конечно, я работаю много.

И.: Угу. А это Ваша вторая сетевая компания? Или...

Р.: Ну, можно сказать, третья, можно сказать, третья. Но вторую, где я построила такую большую сеть, я ее не считаю как бы уж такой серьезной работой. Ну, полтора года, я считаю, — это маленький срок. Хотя, конечно, опыт я приобрела колоссальный. И связи с людьми я приобрела тоже большие. Но была первая компания, да. Там вот я свои первые шаги сделала. Там я дошла до чека, от 30 до 50 тысяч получала ежемесячно в течение 6 лет.

И.: Ага.

Р.: Ну вот да, так там получилось тоже не очень приятно.

И.: То есть Вы работали 6 лет в первой компании, полтора во второй.

Р.: Угу, угу.

И.: А Ваша позиция сейчас как называется?

Р.: Компания?

И.: Нет, позиция Ваша?

Р.: Позиция?

И.: Ну да.

Р.: Активная жизненная?

И.: Нет, нет, как сказать. До... должность, как это?

Р.: (*Смеется*). Должность?

И.: Угу.

Р.: Ну, должность — директор по развитию клиентской сети, если так можно сказать, должность, да.

И.: Угу, ну да, да.

Р.: Там у нас есть свои определенные корпоративные ранги.

И.: Ну да, они просто разные везде.

Р.: Да, везде разные. У нас свои тоже.

И.: ... Интересная очень такая область деятельности. Понятно. То есть это Ваша третья компания?

Р.: Да.

И.: А как Вы, вообще, в первый раз вот столкнулись, в первый раз решили заниматься сетевым бизнесом? Как это произошло? Кто-то посоветовал?

Р.: Угу. Первый раз — хороший вопрос, я часто рассказываю. Дочке у меня было около 6 лет, она у меня заболела. У меня болела год. Я измучилась. Я начала, научилась делать уколы. Я ей проколола два курса антибиотиков. То есть она у меня так сильно болела, кашляла так, что пришла соседка с этажа... этажом, нет, выше, Маша (мы на третьем жили, она на четвертом), и сказала: «Инна, так Ксюша у тебя кашляет. Чем ты ее лечишь?» А я уже измучилась. Я прямо плакала. Она у меня похудела, посинела, она у меня писала лекарствами уже. Заведующая говорит: «Я не знаю, — в поликлинике, — я не знаю уже, что с вами делать». Ну, и вот она... Я говорю: «Маш, я измучилась, вот так и так». «Я тебе принесла каталог, посмотри, может, что-то подберешь». Я посмотрела, девочка я очень умная (*вздыхает*). На тот момент, наверное, и второе уже образование у меня было. И выбрала три продукта. И стала их, в общем-то, ребенку давать. Посмотрела состав. Немножко медицинское образование на тот момент у меня было. И через три недели ребенок у меня был здоров и с тех пор практически не болел. Да, потом она проводила такую домашнюю презентацию дома у себя. А я работал в две смены в саду. Пришла со второй смены, говорю... И она приходит: «Маша, это, Инна, пойдём, послушаешь». Я говорю: «Маша, нет, ты что, посмотри на меня, я так устала!» «Инна, идем, поспишь в кресле». Они меня усадили в кресло. В общем-то, зарегистрироваться никаких проблем, получать с небольшой скидкой. И вот так я подписалась сразу же. Что я теряю-то? Ничего. Продукты на тот момент уже попробовала. Меня пригласили на школу в офисе, ну, обычная школа. Таких там, может быть, 5–7 человек собиралось. Как-то приехал вышестоящий наставник. И, конечно, я вот тогда поняла, думаю, люди с другого какого-то мира. Я, как загнанная лошадка, вот бегаю-бегаю по этому кругу, получаю свои там, даже не помню, сколько я в саду на тот момент получала, но какие-то копейки. И потихоньку стала. Я не стала заниматься, потихоньку как потребитель брала-брала. И как-то само собой вот у меня... (*неразборчиво*) пошли, я пошла расти.

И.: Угу. То есть Вы еще тогда работали в садике?

Р.: Да, да.

И.: Давайте по порядку. Работали в садике, потом работали в торговле, в смысле, в такой обычной торговле?

Р.: Да, обычной торговле, на рынке работала, стояла 6 лет на рынке, потом в магазине 2 года.

И.: Угу. И параллельно вот...

Р.: Да, и параллельно.

И.: Или, или Вы просто покупали еще сначала?

Р.: Просто покупала, была потребителем, просто, ничего не строила.

И.: Да, а... в какой момент?

Р.: Закончила, закончила университет, наш госуниверситет закончила. И после того, как закончила, наверное, еще года полтора проработала. И как только доход мой вышел уже на 40 тыс. рублей, я из магазина ушла.

И.: Угу.

Р.: И вот на данный момент больше, наверное, уже 5 лет, даже больше, наверное, да, около 6 лет я свободный предприниматель.

И.: А...

Р.: Открыто ИП у меня.

И.: Угу. А как получилось, что вот из потребителя начали работать? Очень интересный всегда для меня момент. Ну, многие просто покупают там для себя косметику, просто вот...

Р.: Да.

И.: А потом начинают работать. Вот тут очень интересно, как у Вас получилось.

Р.: Ну, наверное, вот это вот всегда стремление... Нет, наверное, будем плясать от обратного.

И.: Угу.

Р.: Девочка, которая меня туда, так скажем, привела...

И.: Соседка вот эта?

Р.: Да. Я не работаю, а она поднимается, поднимается, поднимается. И вот последний год, когда я работала в магазине, она приезжает ко мне и говорит: «Инна, и бонусы у меня уже больше там 73 тысяч. И машину я себе купила, и это купила. Ну вот у тебя за этот последний год что изменилось?». Вот, наверное, вот такие, как-то серьезно задумалась я тогда о жизни, что изменилось. Ну да, там образование я получила второе, серьезное. Это как бы, ну, ничего, ничего мне это образование само по себе не дало. Я съездила на съезд. Она мне сама подарила билет, я съездила на съезд, посмотрела размах компании. И после приезда стала серьезно работать... То есть это мое осознанное, серьезное... размышление о жизни и принятое решение. Как только принимается решение, конечно, сразу нашлись люди, которые тоже захотели со мной серьезно работать, и так далее.

И.: То есть Вы просто увидели, что это такая как бы работа, которая...

Р.: Возможность, да, возможность, если ты видишь, что некоторые в этом преуспевают, который свободный во времени, у которых совсем другие отношения начальник и подчиненный. Там же нет таких отношений.

И.: Нет, все... *(неразборчиво)* зависит.

Р.: Совершенно, да. Никто меня не может уволить, никто меня, на меня не может кричать, как, например, в саду. Заведующая собирала нас каждый тихий час и кричала на нас по два часа. Конечно, это, это было... До сих пор, видите, сколько лет прошло, я это помню. И вот то, что я могу, не могу с людьми разговаривать, так как у меня большая команда, да, на данный момент, ну и, в принципе, и предыдущие компании же были, очень много людей сплоченных, команда, которой ты управляешь. Я на них не могу воздействовать с позиции «я — начальник, ты — дурак», и выстраивание вот этих, таких отношений, когда нужно быть очень гибкой, очень порядочной, очень честной в отношениях, чтобы люди захотели за тобой идти. И как... и это ведет к тому, что я постоянно сама себя улучшаю. Конечно, эта сверхдеятельность меня очень привлекает.

И.: Угу. То есть Вам нравится?

Р.: Нравится. Я вообще считаю, самые честные отношения на данный момент среди, в плане построения карьеры. Здесь никто не поднимется по блату, здесь никого не поднимут, что ты, там, сыночек директора. Ты сама, сама. Как это сама? Вот посмотрим, что ты, как из себя представляешь. Причем все условия для подъема у всех одинаковые. Вот мы стартовали полгода все вместе, на данный момент я первый человек пока из N. Условия-то были равные, пожалуйста, поднимайтесь, растите, работайте.

И.: То есть это, это новый проект, да?

Р.: Да, полгода всего в N.

И.: Угу.

Р.: Проект сам Санкт-Петербург. То есть у нас вот семинар, вот готовлю я огромный на 400 человек, в ДК «Заря» будет в субботу. То есть это тоже моя, так скажем, обязанность, если я хочу наращивать свой бизнес. Встречаем мы и производителя, огромный производитель из Санкт-Петербурга, директор по науке приезжает. Президент он наш. Поэтому я, наверное, так и иду за этим человеком, потому что вот на данный момент это его компания, за ним я иду, я Вам говорила вначале, более 6 лет. Он наш, N-ский. То есть я прекрасно вижу, что продукция, как он пьет, его жена беременная, сейчас абсолютно здоровый ребенок, его мама. А другим компаниям как-то вот, ну, не то, что я им не доверяю, а они внушают мне меньше как бы, такой вот, как это сказать, меньше доверия.

И.: Ну, если человека знаете. Говорите, что Вы 6 лет с ним знакомы, а компании только полгода?

Р.: Да.

И.: В смысле, а Вы, он раньше в другой компании работал?

Р.: Да, да. Ну вот в третьей компании мы вместе.

И.: А, вы все время переходили вместе?

Р.: Да, он всегда был вышестоящим наставником.

И.: Мм..., понятно.

Р.: Не моим лично, там несколько у нас было прослоечек. На данный момент он мой непосредственный наставник.

И.: То есть Вы, как бы сказать, ориентировались на его решение, ну, какая компания лучше?

Р.: Да, ориентировалась. Человек, который для меня образец морали, порядочности, честности. Человек, который умеет зарабатывать около 2 млн рублей ежемесячно законных денег, который поднялся из беднейшей просто семьи. Его мама на данный момент у меня в структуре, всю жизнь проработала в аптеке, обычный аптекарь-фармацевт. Папа инженер тоже обычный на заводе. А человек вот так сам себя сделал. Для меня он вот настоящий руководитель.

И.: А Вы с ним познакомились в первой компании, да?

Р.: Да, да.

И.: Интересно очень.

Р.: Конечно, интересно.

И.: Понятно. Может быть, еще потом что-нибудь про компанию спрощу. Давайте немножко раскрыть... пройдем по биографии.

Р.: Угу.

И.: Значит, до этого вы работали сначала на рынке, потом в магазине?

Р.: Да.

И.: В одном?

Р.: Ну, можно сказать, наверное, не в одном. Потому что я ушла с рынка, когда на рынке закрыли точку. Я ушла в магазинчик как бы вот... (*неразборчиво*) рыночный, ну вот один хозяин. А потом перешла в большой там магазин «Источник», рядышком, прямо в соседнем отделе. Ну, можно сказать, наверное, что в одном, можно сказать, что не в одном.

И.: Угу, понятно. В торговлю. Ну, Вы сказали, что, в принципе, Вам это интересно было с детства, вот эта вот работа с людьми такая, как в торговле.

Р.: Угу.

И.: Вы говорили, что еще Вас мама отговорила.

Р.: Да, да. Я хотела поступать в торговый, я туда даже поступила. Она сказала: «Доча, забирай документы».

И.: А, вот так вот?

Р.: Да. Ну, я могу сказать, что я, несмотря на то, что я отлично училась, всегда была таким очень, наверное, это комплекс у детей, которые хорошо всегда себя ведут, примерно, из-за малейшего замечания могу переживать, плакать. Все, я мотаю себе, мотала себе по нескольку дней. И один вот так искоса взгляд, и я буду переживать, что ж я сделала. Не дай бог, если меня покритикуют, то я из штанов выпрыгну, сделаю в 33 раза больше, хотя уж куда уж больше-то, и так всегда была отличницей. Ну вот, не плюс, это с таким качеством в торговлю не надо идти.

И.: Угу.

Р.: Но, тем не менее, пошла. Пошла и преуспела. Именно там я получила такое. У меня подруга была, она мне говорила: «Инна, тебе надо в торговлю, тебе надо закалить характер». И именно в торговле приобрела необходимые качества, которые мне сейчас помогают. Я могу все что угодно продать.

И.: Вы все время работали, как говорят, на фронтлайне, прямо вот на продаже, или потом на административной позиции какой-то?

Р.: Только продажи. Нет, я, конечно, про... я параллельно вела всегда бухгалтерию. То есть мне всегда, так на нас навешают, навешают, на продавцов. И в этом тоже стала разбираться.

И.: Угу.

Р.: Но чтобы уйти чисто вот заниматься... административной работой — нет, такого не было. Только продажи.

И.: Понятно. А в садик Вы устроились просто после училища? В одном только садике работали?

Р.: Я работала до декрета в одном садике, да. Потом в декрете побыла 3 года и вышла в тот же самый сад. Но так как надо было ездить, а ребенка, мне сказали, я же воспитатель, выбирай любой сад, конечно, я выбрала около дома. Ну и, сами представьте, так еще совпало, что я, когда вышла после декрета в первый сад, там был капитальный ремонт. И как такового, не знаю, когда там не предвиделось, когда там будет открываться он. То есть вот так немножко затянулось. И я просто подошла к заведующей, говорю: «Валентина Николаевна, я буду увольняться». Она говорит: «Ну, я тебя понимаю, конечно, с ребенком в детском саду около дома — это, конечно, много плюсов». И я ушла в другой. И проработала там вот до школы, ну вот до второго уже класса дочери.

И.: Вам нравилось там работать?

Р.: Мне до сих пор детский сад снится.

И.: А, то есть очень нравилось, да?

Р.: Да, торговля не снится, сетевой не снится, а детский сад мне снится. Да, работа, работа мне очень нравилась. У меня никогда не было особых конфликтов с руководством, оно меня всегда как-то любило. Заведующая всегда тюкала ни за что, есть, ни за что, такое было. Ну, вот такая у нас была заведующая такая. А с родителями вообще просто идеальные отношения, с теплотой вспоминаю, что у меня, в общем-то, каждый выпуск был — отличные родители, великолепные дети. Я бы никогда не ушла, если бы так вот совсем унизили педагогов, и копейка к копейке, что на них нельзя прожить. А работать так, что я приходила после работы, ребенок бежит мне показывать, там, тетрадки, дневники. Я говорю: «Ксения, вот не подходи ко мне полчаса, дай я посижу в уголочке, не хочу разговаривать». Уставала очень, платили копейки. Конечно, это обидно.

И.: Угу, понятно. Скажите, а в какой момент Вы решили... получить второе образование?

Р.: Второе образование — я еще работала в саду, тогда уже начала. Я всегда хотела, так как сразу сорвалось у меня с торговой вот этой вот, с торговым образованием, как бы училась всегда хорошо, как-то мне всегда было от этого не очень спокойно, что я все-таки не получила высшее образование.

И.: А, то есть второе — Вы в высшее поступали, не в техникум?

Р.: Второе — да, госуниверситет у меня.

И.: Нет, я имею в виду, вот в торговый. Вы сдали экзамены. Это было какое учебное заведение, откуда пришлось...

Р.: Торговый техникум.

[Сокращено].

И.: Потом по совету мамы?

Р.: Да, я прямо забрала документы и ушла в педагогическое училище.

И.: Да, а потом...

Р.: Как раз открыли только педагогов с музыкальным образованием. А так как у меня музыкальное образование, в общем, так получилось, что туда попали все девочки, которые сорвались или не поступили в институт. То есть мы все такие были, до сих пор общаемся, встречаемся, такая немножко. И плюс у нас еще было фоно.

И.: Угу.

Р.: То есть такая немножко особая была группа.

И.: Угу, понятно. И потом просто захотели получить высшее образование?

Р.: Да, подруга подсказала: «Инн, пойдем. Можно закончить за 2,5 года». Как раз тогда ввели.

И.: Какой факультет Вы заканчивали?

Р.: Соцфак.

И.: Коллега фактически. Понравилось Вам там учиться?

Р.: Не то слово. До сих пор все знания, все построения моих презентаций, все выступления, я все черпаю, до сих пор помню преподавателей. Я все черпаю оттуда. Систематизированные знания, ясная голова, четкое мышление, хорошая речь. И все только оттуда. Училась с огромным наслаждением. Хотя тогда я работала и на рынке, и плюс еще я тогда полтора года работала в кафе, потому что с деньгами было совсем плохо. И училась, представьте, как можно было учиться, и все-таки я закончила с красным дипломом, единственная на всем курсе. Похоронила маму, потом отца. Поздний ребенок, образование. Я благодарна очень подруге, которая меня так за компанию с собой позвала.

И.: Угу. А Вы работали одновременно в кафе и в магазине?

Р.: Да, одновременно. Рынок, кафе. И диплом защищала и заканчивала. 2,5 же быстро прошло, последний год. И плюс еще вот тогда у меня начался уже параллельно немножко сетевой бизнес.

И.: А как же Вы успевали?

Р.: Сейчас вспоминаю те годы, не знаю, как я, ну вот как я успевала, это было, конечно, очень тяжело.

И.: То есть Вы как-то работали день там, день там, или Вы каждый день?

Р.: Как я работала? Я работала две недели на рынке, потом выходила на 3, на 4 дня в кафе. И 3–4 дня у меня был выходной, вот так, такая какая-то схема. Мы работали с сестрой с двоюродной. Поэтому в этом отношении нам полегче было.

И.: А когда две недели, да, это без выходных?

Р.: Да.

И.: Понятно.

Р.: Ну, на рынке полегче было, потому что там мы работали до 6. С 9 где-то до 6. А в кафе, конечно, там круто, там с 8 до 11.

И.: С утра до вечера?

Р.: Ну да. Зато я поддержала семью, я смогла, в общем-то, и выучиться, училась же я платно. И на тот момент кормила почти шестерых, свою семью. Плюс папины похороны, тоже это было серьезное испытание.

И.: А какая у Вас своя семья?

Р.: Семья. Первый брак у меня длился недолго. Хотя мы встречались 3 года, потом пожил полтора года, и в пух и прах, вообще. Я даже не очень люблю вспоминать свой первый брак. Такой не очень приятный.

И.: Ошибки молодости, то, что называется.

Р.: Да, ошибки молодости. Расстались мы так плохо. Второй брак, где вот у меня родилась дочь, мы прожили вместе 11 лет. Тоже расстались. На данный момент было 6 лет, вот как с женщиной. Мужчина совсем из другой жизни, о которой я всегда мечтала, очень хороший.

И.: То есть у Вас есть друг?

Р.: Да, вместе живем. Ну, 6 лет, я считаю, что это достаточно долго. У дочки своя семья.

И.: Замужем уже?

Р.: Да.

И.: Вы кормили 6 человек, 6 человек — это кто?

Р.: Ну, на тот момент я вот как раз ушла от мужа, когда папу похоронили. И брат, даже два брата, один брат с нами жил больше двух лет, два младших брата, жена брата, ну и мы с дочкой. И так получилось, что еще и бывшему своему супругу такой немножко помогала. Ну, в итоге, получается 6.

И.: То есть Вы жили, так сказать, под родительской крышей... *(неразборчиво)*?

Р.: Под родительской, да.

И.: Это после того, как расстались с мужем, или Вы так и жили?

Р.: Да, после того, как рассталась.

И.: Понятно. И Вам приходилось помогать братьям?

Р.: Угу.

И.: Они, у них были какие-то проблемы, или просто мало зарабатывали?

Р.: Ой *(вздыхает)*. Средний который брат у нас просто нигде не работал, на тот момент тоже развелся с женой и ушел в пьянки, прямо говорю.

И.: Переживал?

Р.: Да. Младший брат учился. Учился, там с работой не очень пока у него. Но потом наладилось, конечно, да. Стали жить отдельно. И все, и когда я с дочкой стала жить вдвоем, а потом одна, я поняла, что значит... Ой *(вздыхает)*, слава богу, думаю иногда, что я одна на данный момент. Ну, в том смысле, что мне на надо никому вот так сильно помогать.

И.: Не, ну да, помогать-то, в общем-то, здоровым мужикам и еще их семье.

Р.: Я согласна, конечно, с Вами.

И.: Нелегко.

Р.: Ну, вот когда так вот все наваливается, иногда теряются какие-то правильные представления, что надо, что не надо. Наверное, у меня не было сил вот так сражаться, какие-то выяснять отношения, читать проповеди. Потому что я приходила, уходила рано, приходила поздно.

И.: А они и рады.

Р.: Угу.

И.: То есть вы вели совместное хозяйство?

Р.: Ну, нет, хозяйство-то у меня особо времени не было вести. Ну, как бы вот просто я знала, что продукты — это моя обязанность.

И.: Вы закупали на всю эту большую семью?

Р.: Да, приезжал младший брат на машине, полностью затаривали практически. Ну, я думаю, что половина моих доходов уходила на это.

И.: А-а-а. Чем занимается Ваш гражданский супруг?

Р.: Ремонтом.

И.: А дочка?

Р.: Дочка у меня закончила училище культуры по классу дизайна, поступила в академию. А работает в модном магазине. Она у меня такая немножко, даже странно, как так получилось, такая творческая девочка. Ей очень нравятся мотоциклы, все вот эти вот гонки, шлемы. И она пошла. Объявили вакансию. То есть она как-то этим увлеклась. И объявили вакансию в мотомагазине. Было очень много претендентов. Одна она девочка. Ее взяли.

И.: Она гоняет на мотоциклах сама?

Р.: Ездит, но не хорошо ездит. В смысле, еще не стабильно. Любит... По-другому скажу. Пока не сдала на права. Учится, но не сдала. Немного ездит, если там где-то, ну, безопасно. А так сама нет, чтоб по городу. Мальчик такой же, работает с ней вместе. Познакомились там, вот сейчас живут вместе.

И.: Автмотоспорт, интересно, для девочки, действительно, необычный такой.

Р.: Да, причем директор посмотрел, как она работает 2–3 месяца, уволил всех, оставил ее одну. Да, и она и сайт ведет, на данный момент, правда, вот берут они стажеров. И вот будущего ее спутника жизни тоже взяли, ну и оставили. Вот они сейчас там вдвоем. Так интересно.

И.: Угу. Скажите, а Вы где-то еще учились, ну вот помимо тренингов, которые проходили в сетевых структурах, университета? Вы говорили, что играете. Вы в детстве в музыкальную школу ходили, да?

Р.: Не закончила, 5 классов, не закончила, два класса не дотянула, музыкальная школа. Ну что я занималась? Занималась немного танцами бальными, да. Наверное, эта мечта потом воплотилась в дочери, в 5 лет отвела на бальные танцы, она у меня 6 лет занималась бальными танцами. Ну что еще? Так вот, наверное, особо... Как только попала в сетевую индустрию, у нас же есть очень много людей, которые профессионалы в этой сфере. Они периодически приезжают в N, мы у них проходим обучение. Или ездим куда-то. Вот ездили на съезд, там они 2–3 дня нас учат. Ну, параллельно, например, с получением диплома я прошла, как же там эти, эти курсы называются, в общем, я могу открыть, может быть, Вам это тоже знакомо, открыть центр по профилактике наркомании. То есть я обладаю знаниями, чтобы вот этот центр скомпоновать, как там выстроить отношения и так далее. То есть у меня есть диплом и такой.

И.: А, такой какой-то... (*неразборчиво*). Интересно.

Р.: Да, там прямо почти уже диплом мы сдали. И вот нас увели. Кто хотел, бесплатно причем, пожалуйста, проходите этот курс. С Америки у нас приезжали, нам читали лекции. То есть он такой довольно-таки насыщенный был.

И.: Это просто Вам было интересно? Или это с работой как-то связано?

Р.: Да нет, просто было интересно.

И.: А сколько часов в день Вам приходится работать?

Р.: От того, как я выстрою свой день.

И.: Угу.

Р.: Если у меня, у меня дни бывают очень насыщенные, могу уехать в 8 утра, приехать в 11 вечера. А в основном, если брать, суммировать все, разделить, ну, я думаю, что часов, наверное, 5–6.

И.: Это где-то встречи какие-то, инструктаж работников, да?

Р.: Да. Встречи, у нас очень много разных мероприятий как для лидеров, которые строят структуру, так и для потребителей. И основная работа, конечно, в этом заключается. И я как руководитель, моя первая роль, первая такая роль, чему я отдаю основное рабочее время, — это повышение профессионализма людей, которые занимаются этим серьезно. Потому что у меня уже достаточно много людей, которые перестали

работать где-то на работе по найму и работают только вот, живут на доход только от построения сети.

И.: У них патент индивидуального предпринимателя в основном, да?

Р.: Да, да. Как только мы выходим на приход, ну, там, в размере 20 тыс. рублей в месяц, открывается ИП, мы деньги получаем на расчетный счет, платим налоги и так далее.

И.: Понятно. И растет ваша сеть, так я понимаю?

Р.: Конечно, растет, в этом и заключается, чтобы наращивать, наращивать. Особенно в первый год. Выйти на доход, там, в 500–600 тыс. рублей в месяц. Чтобы цели, которые у меня есть в жизни, осуществить. Подняться людям, самое главное. Потому что если поднимаются люди, твое первое, второе, третье поколение, автоматически я поднимаюсь. То есть основное время вкладывается в людей, которые работают на себя.

И.: А вот Вы сказали: «чтобы достичь цели». А какая у Вас цель?

Р.: Ну, целей, целей много на самом деле. Я хочу путешествовать.

И.: Ага.

Р.: Так как я много всю жизнь работала. И даже знакомые, когда меня встречают и говорят: «Инна, ты опять на двух работах? *(неразборчиво)*... за что я благодарна сетевому — за то, что я стала очень много ездить. Москва, Санкт-Петербург, там, Нижний Новгород, Саратов, Воронеж. То есть только, только в сетевом я стала ездить. Сама я... съездила на море, например, вот только с родителями, когда мне было, там, в районе 12 лет. И потом с дочерью мы поехали, с подругой, с ее сыном. То есть сама я не могла себе этого позволить. Хочу путешествовать, хочу загородный дом, очень хочу жить не в городе, а в тихом, спокойном месте, прямо моя такая большая мечта.

И.: А где? Под N, или необязательно?

Р.: Да, под N то есть. Да, но если бы на какой-нибудь на шестой, на девятой просеке, это было бы вообще замечательно. Но я посмотрела цены, думаю: «Инна, выходи на доход, а потом смотри». Сначала какой-нибудь такой небольшой домик, чтобы выезжать. Ну, и в перспективе хочу какой-нибудь коттедж.

И.: А вот в структуре вашей есть какой-то статус, которого Вы хотите достичь как цель?

Р.: Да, у нас есть статус вице-президента. Хочу, до него еще шагать и шагать.

И.: Понятно. Но Вы его видите уже как горизонт?

Р.: Конечно. У нас структура, карьерная лестница такая хорошая. Она понятная. «И вот, Инна, создавай товарооборот такой — у тебя будет столько-то денег, создавай такой-то товарооборот — у тебя будет столько-то денег».

И.: Вы хотите стать вице-президентом?

Р.: Да, или помощи, например. Ну, я мыслю по-другому. Помогите вот четверым людям, которые у тебя есть в первом уровне, создать такой-то товарооборот — ты автоматически выйдешь на такой.

И.: Помощь — это, собственно, консультации, да? То есть людей надо научить...

Р.: Да.

И.: ... делать продажи, да?

Р.: Да. Опять, не продажи. Не продажи, хотя продажи — это тоже хорошее. Ну, тренинги по продажам — это как у меня образование, которое меня научило тоже, в общем-то, проводить. Как бизнес-тренер я тоже работаю. И тренинги по продажам я, конечно, провожу. И как мотивировать себя по продажам, я тоже, в общем-то, знаю, особенно свою структуру. Но, в основном, так растить себя, чтоб вокруг, чтоб к тебе люди сами пришли. На начальном этапе, когда приходят люди в систему, они очень много вкладывают усилий в то, чтобы привлечь к себе людей. А как выйти на такой уровень, когда люди сами тебе уже звонят и, ну, якобы случайно встречаются и так далее, которые сами приходит к тебе в структуру, вот этому людей, конечно, надо, менять саму сначала, саму

себя. Я сама себя каждый день за шкуру: «Инна, хочешь вокруг себя много людей? Надо учиться».

И.: Учиться приходится и сейчас?

Р.: Конечно, ежедневно. Я ни дня не пройду, чтобы книги, специальные книги, специальные знания, специальные вещи. Например, наставник, который очень умный у нас, который постоянно обучает. Административный директор, который, вообще, учил весь N, Казахстан и так далее, — у него учусь. Собираю людей, чтобы они у него учились. То есть обучение, без этого никак не подняться.

И.: То есть приходится все время какую-то литературу читать, да? посещать что-то?

Р.: Угу. Ну, это не то, что приходится, а это радость. Я знаю: «Инн, надо быть интересной». Как магнитом для людей стать? Надо учиться, постоянно какие-то знания. Если я занимаюсь, например, здоровым питанием, я знаю, что все о ГМО, я знаю все о ГМО-компонентах, я знаю, что, какая у нас картина на данный момент в России с ГМО-продуктами. Знаю, какая, например, в Африке, знаю, для чего создавались ГМО-продукты, чем это заканчивается. Я как бы проштудировала и Интернет, у меня есть в структуре врачи, которые дают мне материалы исследований. Например, в меде нашем, медуниверситете, и так далее. Я должна во всем этом разбираться. Если я занимаюсь косметикой — у нас есть линия небольшая косметики, — я в этом должна разбираться.

И.: То есть у вас косметика, здоровое питание и БАД-ы, да?

Р.: Да.

И.: А что за сеть, если не секрет?

Р.: Компания как называется?

И.: Ага

Р.: «Натуропатика». Ну, так, натура по-русски называем. А так «Натуропатика», потому что мы сразу и в Прибалтике, в Украине. Украина очень хорошо работает, несмотря на всю их, в общем-то, такую нестабильную ситуацию. Кыргызстан. То есть мы сразу открылись в нескольких. Ну, сразу, значит, надо какое-то международное название. Компания Санкт-Петербургская.

[Сокращено].

И.: Угу. Скажите, пожалуйста, Вы сейчас довольны своими доходами?

Р.: Хороший вопрос...

И.: Угу.

Р.: Если учитывать, что полтора года до этого я вот поднимала другую компанию, и компания осталась мне должна больше 200 тыс., то есть понятно, что я немножко финансово в яме была вот те полтора года. И здесь пока наращивала. Потому что за первые, там, 5 дней у меня был доход около 10 тыс. там, потом 13, то есть тоже не вот шиковала. Последние вот 4 месяца у меня там в районе 30. Ну, до иногда 60. Ну, если, там, учесть, что там разные есть программы, можно там еще небольшие премии получать, где-то до 70. То это, конечно, на данный момент все идет на подлатывание дыр. Если говорить честно, конечно, недовольна я. И стараюсь расширяться изо всех сил. То есть я прикладываю очень серьезные усилия для того, чтобы вперед, вперед, повисить, повисить доход.

И.: Ну, то есть Вы в развитии таком сейчас?

Р.: Да, постоянно. Постоянно планы, то есть планы со структурой, прописать их, прописать шаги. Осуществлять эти шаги и осуществлять, скажем так, очень мягкий контроль. Это, это постоянно надо делать, если хочешь, чтобы доход твой... К Новому году я запланировала 100 тыс., я к этому иду.

И.: Угу. Хорошо, что работа позволяет вот ставить такие конкретные планы.

Р.: Никаких, да, никаких потолков, никаких ограничителей. Все предельно ясно. Ставьте планы, делайте все для их осуществления. «Смотри в конце недели, Инна».

Анализируй, что ты сделал, что ты не сделал, как у тебя товарооборот вырос. Все сразу каждый день обновляется, каждую секунду в Интернете всегда я вижу. То есть мне не надо вести бухгалтерию, мне не надо там переживать за товар. Мне не надо нанимать продавцов и так далее. Очень много плюсов. И то, что я... вижу каждый день статистику, для меня, конечно... Ну, скажем так, в предыдущей компании статистика у меня была — например, месяц закрыли, я еще не знаю, какая она у меня на данный момент. А если учесть, что у меня и другие города есть, то это было, я уже не могу ничего изменить. А здесь я могу знать: «ага, эта неделя, Инна, у тебя прошла не очень продуктивно». Какая она, слабое звено. Давай, наращивай.

И.: То есть у Вас так постоянно интерфейс удобный, что все видно?

Р.: Да, все очень удобно, все сразу в Интернете.

И.: Угу. Вот скажите, лет через 5 где Вы себя видите?

Р.: Ну, я, если Вы у меня спрашиваете, как сетевик я, конечно, могу Вам сказать, что планы, там, на 10, на 5, на 10 лет, они у меня, ну, не сказать что так жестко расписаны, но квартира... картину, конечно, я себе рисую.

И.: Не, я по жизни, конечно, спрашиваю.

Р.: Да, человек предполагает, а бог располагает. Ну, на доход, я думаю, что при таком, при таком темпе работы, при такой амбициозности, при таком честном отношении к делу, конечно, доход, пока мой доход — вот так в районе миллиона. Если у меня есть наставник, который умеет больше 2 млн в месяц зарабатывать, меня спокойно этому учит, причем совершенно бесплатно, конечно, я эти деньги буду получать. Конечно, я куплю себе дом. Конечно, я буду путешествовать, куда я хочу. Если уж на данный момент все, чего я... *(сбой записи)*, сильно добиваюсь. Ну, а там как господь разрешит, поможет, так далее.

И.: Скажите, а вот, может, были в Вашей жизни какие-то вот такие вот самые важные ключевые события, после которых все пошло по-другому? Или, скажем, пошло бы по-другому, если бы они не случились, какие-то такие узловые точки?

[Сокращено].

Р.: Угу. Ну, наверное, вот самое первое, что приходит на ум, — это, конечно, смерть родителей. Поменяло мою, и мамина особенно, мне было 29 лет. Тогда очень страшное время было. То, что я сразу после этого заболела и болела в течение 7 лет. Гипертония, бессонница, депрессия, я вообще не спала год, так все неожиданно. Да, проблемы со здоровьем были очень серьезные, с позвоночником. Тогда я как-то только выживала, наверное.

И.: Так сильно переживали?

Р.: Да, так сильно. И так получилось, что и папа, и брат младший, ему было тоже, в 8 классе, совсем маленький, — все остались на мне. Отец заболел. Наверное, вот тогда да, как-то думала, что если бы мама была жива... Дочери было всего 3 года. Свекровь тогда похоронила мужа и занялась своей личной жизнью. Ей было тоже не до моего ребенка, как-то вот так. То есть я думала о том, что если бы мама была жива, все было бы по-другому. Она мне очень серьезно помогала всегда. Ну, какие поворотные события? Я думаю, то, что без образования. Когда я возвращаюсь, я поддерживаю отношения годами, десятилетиями. То есть я дружу, там, с одноклассницами, с однокурсницами. Когда я прихожу в сад, где я до декрета работала, после декрета, я вижу, что люди, которые там остались, сейчас получают по выслуге 2800, и как их жизнь не изменилась совершенно, и те же самые разговоры. Я понимаю, что, если бы я осталась без образования, я была бы такой же. Я не говорю, что это плохо, я говорю, что это так, как есть, на самом деле. Ну, это правда. Это не отменяет моей любви и трогательного отношения к педагогам, я их очень трепетно люблю. Да. Ну, и если бы я не пересилила себя и тоже не ушла... Я уходила из торговли очень тяжело, у меня в... *(сбой записи)* от педагогики всегда были

супердиректора-мужчины, которые тряслись просто надо мной, которые..., с которыми я общаюсь иногда до сих пор. И уходила я вот из последнего магазина очень тяжело, прямо директор не отпускал: «Инна, не уходи. Куда ты уходишь? Там никакой стабильности, ну что ж ты так вот. Здесь, ну, пускай там, там у тебя уже, там, 30–40, ну, пускай здесь, там, 10–12, но они стабильные». В общем, это было очень тяжело.

[Сокращено].

И.: Да, страшно.

Р.: Ни грамма не пожалела об этом.

И.: Страшно, конечно. Потому что все мы привыкли, что вот куда-то надо ходить, на какую-то работу. Когда зависишь сам от себя, с одной стороны, прекрасно, с другой — страшновато, конечно.

Р.: Да, ну, потом компания перестала существовать. Но я-то, знания-то мои остались при мне. Видите, вот та компания, которой полтора года, там так серьезно поднялась сразу. И когда здесь третий раз, конечно, было очень поначалу не комфортно. И я даже вышла немножечко на работу опять к сестре, да. У нее магазинчик, в магазине она работала, ей нужна была сменщица. А тут у меня такая финансовая яма, мне не хотят платить. И я вышла несколько месяцев, убежала бегом, бегом, бегом, нет, нет. И думаю: «Инна, у тебя знания». То есть меня завези в любой город чужой без всяких даже связей, и там построю сеть. Эти знания же со мной, они же никуда не деваются. Тем более, человек открыл компанию, которому я верю. А те руководители у нас были не сетевые, то есть они не занимались сетевым бизнесом. Поэтому у них немножечко такая, наверное, звездная болезнь. А здесь человек, который сам 20 лет в сетевом. Конечно, это сыграло свою роль. Поэтому, ну вот, наверное, что случилось бы, что не случилось, поворотные моменты такие.

[Сокращено].

И.: А Вы как-то сравниваете свою жизнь с жизнью родителей?

Р.: С жизнью родителей (*задумалась*). Ну, если учесть, что родители у меня прожили очень счастливо, любили друг друга до последнего дня, то, конечно, здесь я со своими, уже третьим, третьим мужчиной как-то в сравнение с ними никак не вхожу. Ну, то, что я взяла, я знаю, какие качества я взяла от мамы, какие от отца, то, наверное, можно сказать, что да, в чем-то похожа и сравниваю.

И.: Если так сказать, все-таки чья жизнь лучше была: Ваша или родителей, если можно так сказать?

Р.: Ну, так я не могу сказать (*сбой записи*) ...

И.: С другими людьми Вы себя сравниваете? Вот Вы говорили, которые остались в педагогике. Может быть, там с кем-то еще?

Р.: Нет, наверное, так жизнь меня приучила ни с кем не сравнивать себя, ни на кого снизу вверх не смотреть, ни на кого, ни в коем случае сверху вниз. У каждого своя дорога, у каждого свои жизни. Сравниваю себя только с той, я знаю свои отрицательные качества, как-то вот всегда сравниваю. Здесь вот да, ты более стала..., здесь лучше, здесь лучше, здесь пока вот такая же осталась, давай вот как-то надо собой работать. Сравниваю себя с собой. Хотя иногда бывает искушение, бывает. Но я, наверное, с течением времени к этому спокойно отношусь.

И.: Угу. А Вы считаете себя успешным человеком?

Р.: Да, считаю.

[Сокращено].

Р.: Ну, наверное, потому что было много этапов в моей жизни, после которых такая стагнация, стагнация шла. Но я находила в себе силы подниматься, подниматься. На данный момент иногда просыпаюсь и думаю: господи, какая я счастливая, несмотря на то, что, конечно, очень много надо всего сделать, и, в общем-то, не все так, конечно,

проблемы разные бывают. И голова иногда болит от того, что всего много накопилось. Но, тем не менее, поднимаюсь.

И.: То есть... что Вам больше всего нравится в своей жизни сейчас? Говорите, что просыпаетесь с таким радостным чувством. Такая вещь, можно позавидовать. Это связано с чем? Любовь, работа?

Р.: Это связано, это связано, наверное, что я так со своей, наверное, душой работаю, работаю, что так научилась ценить то, что имею, так научилась ценить людей вокруг себя, так научилась ценить то, что у меня, там, например, все хорошо со здоровьем. То есть чувство благодарности за все, что имею. А я с этим научилась работать (*улыбается*). Потому что если в прошлое посмотреть, малейшие поначалу, там, какие-то неприятности выбивали из колеи. Ну, наверное, из-за того, что было очень много вот таких жизненных испытаний, и я научилась себя держать в руках, что теперь... Я даже знаю, когда это началось. Когда меня боялись спрашивать: «Инь, как у тебя дела?», потому что у меня какие-то страшные были новости одна за другой. Ну, вот после похорон мамы, например, после похорон отца, там и развод, и болезни, все что хочешь, что я говорила: «Для меня отсутствие плохих новостей — уже хорошие новости». И вот, наверное, с этого момента началось. Благодарность просто за хорошие, спокойные дни. А когда ты понимаешь, что со временем ты уже доросла до того, что ты создавать можешь волну успеха не только для себя, но и для людей вокруг... Когда ты, да, когда ты можешь... Например, я великолепный оратор. Я со сцены могу говорить, как в презентации, там, один в один, так и с тысячным залом, и выполнить свою задачу при публичных выступлениях, когда люди просто с теплыми глазами становятся. Сидели совсем другие, меняются. Это, конечно, тоже приучило меня к тому, что я стала благодарной, благодарной за малейшие, за малейшие какие-то хорошие вещи.

И.: Угу. Своими отношениями Вы довольны, со своим другом?

Р.: Да, довольна, довольна. Разное случается... Нет вот так совсем идеальных. Ну, этот, это мужчина, который... Изменилась я — изменились мужчины вокруг меня. Поэтому и наставник, который как-то он меня разглядел и вот так за собой ведет уже долго. Хотя не скажу, что столько у него много людей с того времени сохранилось, но и не скажу, что мало. Он мне всегда об этом говорил. Говорит так, что люди только у нас будут и отпускать, если они уходят, надо отпускать их спокойно, достойно. У каждого из нас дорога своя, не надо привязываться сильно к людям. В смысле том, что вот отдираешь потом от души их. Вот поэтому мужчина, с которым я сейчас, — самое лучшее, что у меня было в жизни. И заботится, и любит.

И.: Это здорово.

[Сокращено].

Р.: Да, он, например, любит смотреть телевизор, я его, в принципе, не смотрю. Я вот ушла на кухню, час-два сижу. Школу составила какую-то или обложилась книгами, какое-то обучение продвинула. Или залезла в Интернет и там выискала все, например, там, про косметику, которой мы занимаемся. Профессионально провожу мастер-классы, тоже в компании научилась. Абсолютно профессиональный косметолог стала.

И.: Здорово.

Р.: Научила всю свою команду. Они у меня проводят мастер-классы так, что никто не отличит, что они не профессионалы.

И.: Здорово, спасибо. Очень приятно было с Вами пообщаться.

Р.: Мне тоже с Вами приятно было.

Размышления над книгой

The Urry's global mobilities concept: some comments and considerations

Oleg Yanitsky*

The article offers some critical comments on well-known global mobility concepts developed by John Urry. Firstly, the article outlines the four key points of this concept including the analysis of other possible forms of mobility. Secondly, the article sets forth and analyses some dialectical contradictions of the above concept. Thirdly, it assesses the ways and forms of the possible transformations of social sciences generated by the global mobility phenomenon. Fourthly, the article reveals and critically evaluates the actual changes and the forthcoming difficulties of the decision-making process, especially on an international level. Fifthly, the article outlines a set of other challenges to social theorists generated by the global mobilities phenomenon. Sixthly, the article analyses aspects of man in the mobile and computerized world. Lastly, it considers the relationships between the mobile world and its a fixed natural and social environment.

Keywords complexity, decision-making, dialectics, dialogue, environment, mobilities, social sciences, time

On the concept of global mobility

One preliminary note: Since there is so much literature on the mobility in the global age, I have restricted my analysis to the ideas summed up in the Urry's book «Mobilities» (Urry, 2008) and by few others. I realize that in doing so I may miss something important within this all-embracing theme of theorizing and field-research but such «focused analysis» is the only way to concentrate on the key aspects of the mobilities phenomenon. Nevertheless, I should mention some works which are directly related to the issue in question. In my view, the shortest list of them is the following: (Adey, 2006; Bauman, 2000, 2001, 2003, 2007, 2011; Knorr, Cetina, 2005; Kravchenko, 2015; North, 1990; Urry, 2000, 2002, 2003, 2004, 2008; Wallerstein, 1996; Yanitsky, 2009, 2010, 2010a).

J. Urry stated that the entire world has become «movable» (Urry, 2008, p. 4–6). People, information, materials, drugs, guns, alcohol, counterfeit and even pirated products are now on the move «This movement of people and objects is hugely significant for the global environment with transport accounting for one-third of total carbon dioxide emissions». «Many other «environmental» consequences follow from the growth of mass mobilities: reduced air quality; increased noise, smell and visual intrusion; ozone depletion; social fragmentation; and many medical consequences of «accidental» deaths and injuries, asthma and obesity». In addition, «virtual communications and mobile telephony is calling into being new ways of interacting and communicating within and across societies, especially with some less-

---

* Yanitsky Oleg, Doctor of Sciences, Professor, Chief Researcher at the Institute of Sociology RAS. oleg.yanitsky@yandex.ru.

developed societies jumping directly to mobile rather than landline telephony and computing» (Urry, 2008, p. 5).

As concerns for the scientific roots of his concept, Urry argues that 'In developing analysis of hybrid systems and their uncertain futures I mobilize some ideas from the complexity sciences. These have been used to examine especially the non-linear properties of systems as they move unpredictably and irreversibly away from point of equilibrium. Overall, I see mobility systems as a subset of powerful, interdependent knowledge-based systems that organized production, consumption, travel and communications round the world. These systems, almost all software-based, ensure and make it seem unexceptional that products can be purchased, meetings will happen, components will arrive at the factory, plains will be waiting, messages will get through, money will arrive and so on. These systems make repetitive or iterative actions possible and mostly happen without much cognitive thought. They produce regular and repetitive «spaces of anticipation» distributing economies, peoples, activities across the world» (Urry, 2008, p. 273). Here I would like to recall the very simple maxima: to consume means to destroy, as once Z. Bauman noted.

Urry distinguished four kinds of mobility. First, mobility means that something «moves or is capable of movement, as with the iconic mobile (portable) phone but also with the mobile person, home, hospital, kitchen, etc» (Urry, 2008, p. 7). Second, «there is the sense of mobile as a *mob*, a rabble or an unruly crowd. The mob is seen as disorderly precisely because it is mobile, not fully fixed within boundaries and therefore needs to be tracked and socially regulated». Third, «there is a sense of mobility deployed in mainstream sociology/social science. This is upward or downward social mobility». Fourthly, «there is mobility in the longer term sense of migration or other kinds of semi-permanent geographical movement» (Urry, 2008, p. 8).

This article is written in the form of dialogue with some critical remarks of my own. I have done it consciously because I saw a worrying trend in modern sociology: an overwhelming majority of authors have only mentioned (enumerated) the works of other authors on this topic but they very seldom entered into polemics with them.

Dialectical contradictions of the mobility concept

My first point would be the following: firstly, a world as a hybrid system cannot be uncertain, non-linear and inherently contradictory and simultaneously workable and productive. It is a *contradictio in adjecto*. The real world in which we live is full of risks, accidents, local and regional wars, refugees, homeless and deaths. It is not accidental that Urry tried to avoid the problem of global risks (or more correctly, all-embracing risks) limiting his analysis to an issue of safe «aeromobility» (Urry, 2008, p. 139–149). He introduced the notion of «disorganized capitalism» but has applied it again to the issue of safe air-communication. Second, the ultimate goal of global stakeholders is not to «harmonize» global social order but to organize a governed chaos and by means of it have access to cheap labour power or to limited natural resources. Third, no one among these stakeholders is concerned about the by-products of such forced actions, be it contaminated soil and air or the «wastes peoples» (Z. Bauman). Four, the recovery time of natural and human ecosystems is much longer than the next onslaught on these systems. Five, Urry liked to refer to physics but there are biological sciences as well. He stated that stability in the world ecosystem depends on the diversity of its numerous subsystems. Current overall growth mobility leads towards the opposite direction. Six and most importantly, the Urry's concept (paradigm) of overall mobilities implicitly implicates that the world is a self-governed system. Does it mean that any international organizations like the UN and its numerous divisions are not necessary? Seven, Urry totally eliminated the notion of conflict from his mobile world concept.

But this is not all: there are many other kinds of mobility. First, mobility is understood to be the various forms of exchange between man and nature as well as within the socio-bio-technical

system created by man. Second, there is a sense of social metabolism as such, i.e. an endless process of exchange of information, goods as well as of 'strikes' between persons, social groups, states and their alliances, etc. Third, a rather complicated process of exchange between the real and the virtual world exists. Four, what is about the mobility of social institutions and the comparison of their mobility with the mobilities of other agents of the global world? Five, Urry considered the above four kinds of mobility referring to particular actors (persons, mobs, science, etc.) and said nothing about the very machinery of the global world's mobility as such and its feedback on the sociobiotechnical system and its inhabitants. Six, the other side of the same coin is the changing proportion between «good» and «bad» (for people and nature) produced by the growth of all-embracing mobility. Seven, and may be the most important: it is now obvious that the whole system of decision-making (the monitoring, gathering of relevant information and its processing, compiling expert groups, etc.) is now far behind other kinds of mobilities. How do we overcome this gap? As one can observe, the current trend would be to computerize the process; a process which has already begun, but who will be the developer of «soft» — this is a key question.

Eight, Urry was right speaking about «war machines» (Urry, 2008, p. 95). But this problem cannot be restricted by the question of their emergence and placement. The mobility of people, resources, information, troops, etc. makes the social world more and more vulnerable and therefore a more sophisticated means of defense has been developed. As a result, an arms race is intensified. Nine, another important notion within the Urry's concept is a «network capital» (Urry, 2008, p. 194–203). Its main components are as follows: «the economic, the physical, the organizational, and the temporal» (Urry, 2008, p. 194). But modern networks are *socially constructed systems*. They have been constructed by the global stakeholders and in their interests. If one looks «bottom-up» that is from the viewpoint of the least-developed countries, he/she will see the insurmountable barrier between the creators of these networks and its users in these countries. The poorer countries cannot directly be included into the modern global network. Ten, the more people who become mobile, the less attention will be paid to nature protection. Moreover, the majority of people have already been uprooted, economically, socially and culturally. The notion of the Motherland is losing its sense. This notion has been replaced by the economic term: reasonable living conditions according to his/her living standards. The care for nature has become a kind of tax. If you pay taxes you are free from the responsibility of looking after nature. Eleven, what is to be done with those who are still absolutely illiterate and immobile? Or with those who are accustomed to living on relief or on humanitarian aid? Or, finally, with those who are computer illiterate for religious reasons? Twelve, «when things go wrong in systems where the flows of materials are quick and complex, then the consequences can be unpredictable, difficult to control, and likely to ramify unpredictably throughout the system» (Perrow 1999; Law 2006). When something goes wrong it goes wrong very quickly. A complex system with such rapid flows, normal accidents are always waiting to happen as they did in the case with beasts, micro-organisms, people, money, trucks and feed moving around in ways that are complex and often too fast for intervention. The barriers holding the flow back were unreliable.

Mobility transforms social sciences

Urry stated that 'mobilities transform social sciences. «Mobilities make it different. They are not merely to be added to static or structural analysis. They require a wholesale revision of the ways in which social phenomena have been historically examined» (Urry, 2008, p. 44). «And what the mobilities paradigm emphasizes is that the objects that are ready to hand are highly varied, providing different affordances, especially many variably enabling or presupposing movement» (Urry, 2008, p. 45). Urry named this shift as a move to «post-human epoch»: «We have

never been simply «human»» (Urry, 2008, p. 45). Urry referred to Knorr Cetina's statement that «the biological sciences are encouraging the move away from the ideas of the Enlightenment towards an idea of individual perfectibility and enhancement, a shift from? humans to a perfect life» (Urry, 2008, p. 46). Urry referred to Latour's idea that «social relations are never only fixed or located in place but are, to very varying degree, s constituted through «circulating entities»» (Urry, 2008, p. 46). Up to now, the social sciences presume a «metaphysics of presence» as Urry called it. But recently there are «multiple forms of «imagined presence» occurring through objects, people, information and images travelling, carrying connections across, and into, multiple other social spaces... Presence is thus intermittent, achieved, performed and always interdependent with other processes of connection and communication» (Urry, 2008, p. 47). Thus, *the interdependent mobilities produce social life*. Urry distinguished five main types of mobility: the corporeal travel of people for work, leisure, migration, etc., the physical movement of objects, the imaginative travel, the virtual travel, and the communicative travel through person-to-person messages. «This new paradigm... emphasizes the complex assemblage between these different mobilities that may make and contingently maintain social connections across varied and multiply distances» (Urry, 2008, p. 48). Here Urry follows the B. Latour's idea that all social relations are constituted through circulated entities.

But there is the other side of the coin. According to my calculations, about one half of the world population is immobile and fixed to a specific place. Even in Russia about two thirds of its inhabitants are fixed to a particular locality or, at best, commute between their permanent home and place of work, usually to the capital or big cities. Yes, they watch TV and have I-phones but this does not mean that they participate in the multisided mobile world. Russian sociologists call them resource-less people because mobility is an important social resource. Such inequality is not a product of exploitation but the result of huge spatial dimensions of our country. Internet communication is an indispensable prerequisite of the modernizing process but the internet cannot totally replace face-to-face interactions. Besides, if local residents become commuters it leads to the sense of loss of the Motherland, and this is dangerous for both, their place of permanent residence and the place of their part-time or free-lance work. I am not sure that local ties should be forcefully replaced by the invasion of the internet communication and all-embracing mobility. The mass of uprooted people with no place of permanent residence is a threat for both natural and social ecosystems. As we see now in the EU, the mass invasion of migrant flow brings nothing but instability and growing institutional conflicts between the member states as well as between newcomers and the indigenous population. I believe that the majority of the world population is in need of peace, shelter and education amongst other resources in order to exist.

Finally, Urry spoke in support of a convergence of social and natural sciences. The emergent organizations are the key phenomenon (trend, shift). As Urry stated, the «*Gulbenkian Commission on Restructuring of Social Sciences* argues that we should dissolve the boundaries between «natural» and «social» science through seeing both characterized by «complexity» (Urry, 2008, p. 26). Analysis «based on the dynamics of non-equilibria, with its emphasis on multiple futures, bifurcation and choice, historical dependence, and...intrinsic and inherent uncertainty should be the «model for *all* social sciences» (Wallerstein, 1999, p. 61). Natural scientists call the complex systems *metastable* ones whereas I call them 'temporally stable' or inherently unstable (movable).

Decision-making in a mobile world

First of all, some words about the essence of ongoing changes. There is a gap between the increasing speed of the mobility of events, goods, information, people, etc. and the decreasing pace of decision-making and processes of their implementation is well explained by the

laws (principles, regularities) of capital accumulation. Such in-between period, i.e. between the ceasing fire, truce and the beginning of restoration/rehabilitation processes, is a field for economic and political bargaining. That is why I consider any increase of the speed of global mobility as a potential global risk or as a movement towards an even more risky world.

Recently, there has been a substantial shift in the decision-making process. At the end of and after the WWII, global and sub-continental decisions like those made at the Yalta Conference (1945) have had a long-term effect. The decisions made at Yalta, despite the Cold war, have been more or less maintained despite the ever-growing competition of the two superpowers. At that time, minor forces and superpower satellites had acted with caution. In the modern world there are neither superpowers nor «*simple systems*» at all. There are super-complex systems compiled from the diversity of elements. Thus, if the world is a 'hybrid' of interaction of super-complex and mobile systems, the decision-making process must be of a «hybrid» and mobile character.

Consequently, the above process cannot be «final». These days any decision-making is a long process. Recently, this process is the only one phase of an endless process of social metabolism and not of «interactions» only. This means that a whole institute of decision-making should be reconsidered and restructured. If we look again at the Minsk-agreements and their implementation or at the Syria-decision-making processes, we will see that they have already *endless* and *metabolic* character. Later on, these processes might be re-named but their continuing and *metabolic* character remains the same. More than that, as we can see, any modern making process is not linear. On the contrary, it is full of stops, bifurcations and feedbacks (reversal movements). Finally, any global decision-making process has acquired an endless character. It means, in turn, that *the institute of permanent decision-making has emerged*, as each social institution has begun to produce its own rules of games (ethics, norms, codes, etc.) and to impose them on the real political process.

All this returns us to the idea that the above process as interdisciplinary and problem-oriented. But it is not all. An *all-embracing risk society means the all-time decision-making society*. There is another contradiction: the mobility of information, people, goods, etc. is speeding up like a spiral whereas the traditional model — monitoring-information processing-decision-making-implementation-control — remains the same. It is obvious that it must be modernized, but in which way? Who is capable of offering a new decision-making model? And who will be the «leader»? Logically, it seems that it should be a «concert» but the current experience of collective decision-making shows that it is far behind from the real speed and complexity of current historical process (wars and conflicts of interests). However, secrecy is a serious impediment to this way. Would a mega computer be needed to do all of this? But in whose hands will be the process of soft-making? The task is aggravated by the fact that today any mobility may be politically constructed. How in this case the IT-decision-making machine could reveal such man-made mobility. It seems that it is a vicious circle.

Challenges to social theorists

There is an ongoing relationship between movable actors and mobile environment. All processes in the world have become movable. This shift urges the turn to «a different way of thinking through the character of economic, social and political relationships. Such a turn is spreading in and through the social sciences, mobilizing analyses that have been historically static, fixed and concerned with predominantly spatial «social structures»» (Urry, 2009, p. 479). The necessity of taking into account the results of various disciplines led Urry to conclusion that «*The mobility turn is post-disciplinary*» one (Urry, 2008, p. 6), that is, the multidisciplinary. This statement is rather important but insufficient. Earlier, I said that every environment has its own carrying capacity. This statement is true to a relatively stable environment, first of all natural.

But today both the notions — the actor and its environment — are rather relative because they are both social actors. The more any «environment» consists of movable people, things, information processes, etc. the more actors turn into an «environment» and vice versa. Indeed, those who are looking «top-down» consider those who are somewhere below as an «environment». And for local people, municipalities, infrastructures, etc. those who are at the top are seen as their environment because they not only real actors but those who are establishing the rules of the games.

Man in the mobile and computerized world

There are positive and negative effects of this. On the one hand, an individual is potentially included in a global world, i.e. it is all accessible to him, his/her communicative opportunities enormously expand. His/her opportunities for spatial mobility are growing every day. It is said that the world is in your hands. On the other hand, actually it is not a real access because it requires a variety of resources. But if an individual has them it is not sufficient because the above *mobile world has its own social order*. And the main producer of the rules of this order is the media. It imposes a lot of norms of «proper» behaviour on an individual's will. Gradually, it turns out that the virtual world is much narrower than material one. Even more than that, a more or less harmonious picture of a 'real' world shaped by family, school and devoted friends is sharply replaced by a virtual picture which is collage-like and therefore of a inherently partial and contradictory character. Too little information is as harmful as too much. Then the individual is forced to become subjected to the proper TV-pictures «imprinted» in his or her consciousness. As a result, the individual feels that they are in a race to achieve an illusory wellbeing. Of course, it is not a matter of global stakeholders. And it is the Trojan horse of the virtual civilization: all control levers are in the hands of these stakeholders. In the frames of the IT-civilization the gap between the young and the old is widening every day since the former are more mobile, mentally and spatially, more sensitive to any novelties and radical ideas and less exposed to traditions and rules of the past; they are more inclined to action rather than to reflection. The direct contact with a diversity of qualities of nature (visual impressions, smell, sounds, etc.) is replaced by a one-to-one contact with a TV picture accompanied by artificially constructed sounds.

There are other important issues of man-social environment relations, namely the right of spatial mobility. Urry refers to the UN Universal Declaration of Human Rights which stated three kinds of such rights: «to leave any country, including one's own; to return to one's country; and to have freedom of movement and residence within the borders of each state» (Urry, 2008, p. 205). Similar EU objectives are declared in the Maastricht Treaty and in the Amsterdam Treaty (Urry, 2008, p. 205). It is obvious now that these declarations are only words. The EU and the US as well as other countries, have a lot of particular restrictions for such «universal» spatial mobility. The current migrant crisis in the US gives numerous examples of the reconstruction of such mobility ranging from multisided forms of «selection» to building walls against migrant flow.

What about a natural and man-made environment?

First, as one can see from the whole text of Urry's book, the environment and its «mobilities» are not the focal point of his analysis. Once again, the author is a follower of the man — nature dichotomy, and therefore analyses some particular areas of hybrid mobilities (for example, taerial communication). The environmental problems of such extra-complex entities as the socio-biotechnical systems do not interest the author. Second, the guiding idea of the text that the world is (or sooner or later will become) totally mobile is an overstatement. To my mind, the very idea of total mobility is wrong, if it has no point of departure and destination. The author

cited D. North (1990) who stated that the institutions can produce a long term irreversibility that is: «both more predictable and more difficult to reverse» (Urry, 2008, p. 278) but has not followed this methodological principle. Third, the earth environment is double-sided, it is place-fixed and at the same time mobile, spatially and in the form of man-nature and man-man metabolisms. As we can observe the violation of this «mobility-stability» balance has already led to global risks (for example, to global warming). Four, all mobile actors are strictly bound to their place-fixed infrastructures (roads, and oil pipelines, airports, railway stations, harbors, etc.). Of course, in time these infrastructures could be resettled or even abandoned. But it does not change the common rule: the interdependence of place-less and place-fixed processes. Five, the natural environment has its own regularities of change or/and replacement. But the more this environment becomes man-made the more it will be subjected to social rules of mobility. This rule is correct for any cultivated setting ranging from individual gardens to giant fields for grain farming. Six, actually all kinds of mobile devices are not universal but destined to particular geographical and climatic zones. It is one more restriction of all-embracing mobility. Seven and seems the most important, all major global and regional natural ecosystems such as oceans, seas, rivers, forests, etc. are indispensable producers and supporters of life on our planet. The very existence of them for a long time has made human history possible. Therefore, there is a principled difference between «may be» and «must be». Eight, the land-fixed infrastructures such as roads, railways, harbours, stocks as well as any kind of power plants, hospitals, museums, sport, and recreation facilities, local and biosphere reserves, etc. might be virtually accessible but not spatially movable. Ten, the global metabolism that is the turnover of substances and energy in the biosphere is permanently occurring, but it is a constant turnover which changes very slowly. Thus, for people it is a rather stable global system. Finally, the forced speeding-up of any mobility which is permanently produced by such an institution is harmful for mankind because it means that man is always in a hurried state and therefore has less time to think and to reflect.

Conclusion with discussion

First, the mobilities concept developed by Urry undoubtedly represents a substantial input in the world sociology. Urry bases his concept on developing the analysis of systems and their futures which are simultaneously mobile, «hybrid» and super-complex. He emphasises that this mobile and super-complex movement of people and objects is hugely significant for the global environment. But later on, he pays very little attention to this impact. Nevertheless, it is only one side of the problem because if there is «only mobility» it means chaos, the Brownian motion. Therefore, the other essential feature of modern society is the existence of various immobile structures such as values, norms, rules, beliefs, etc. It is true, they are also mobile but they are changing at a much slower pace. The contradiction of these immobile structures means the absence of culture as an indispensable prerequisite of the existence of any organism.

Second, Urry has stated that the entire world has become «movable», and distinguished four main kinds of the mobility phenomenon. In my view, it is important but not sufficient because there are numerous kinds and forms of mobility. There is the man-nature metabolism as well as the social metabolism as such, changing proportions between the «good» and «bad» production, between real and virtual worlds, an issue of changing forms of dialogue between man and machine, between the speeding up of social processes and the rather slow processes of decision-making, etc. And one more very significant question: does this mobility have any limits, and if so, which ones are they?

Third, in my interpretation, the concept in question is based on the presumption of overall and steady growing mobility and therefore on the all-embracing market concept which permanently generates various forms of mobility. Implicitly, it means that this mobility represents

a «good» for the humanity. But nobody has asked the billions of people round the world if they want this all-embracing mobility? Are they well-informed about its current and future consequences? And what would be the price which these billions ready to pay for being submissive to this mobile world?

Four, what is almost completely missing in the above concept is the issue of struggle in its various forms: a dialogue, competition, conflict and war. It means in turn, that this concept has missed one of the key drivers of any forms of mobility. Or in other words, the concept of the actors of this movement has been missed. This issue returns us to the previous point. Namely, there are a set of questions, say, the speed of mobility? It is with which one exactly? If it is concerned with speed — what are its limits? Or is it occurring about the effect of 25th sequence?

Five, natural and social systems have genetically and historically shaped the speed of life processes. As human history has shown, any attempts at artificially speeding up biological and social transformations often led to negative results. I do not know why Urry has kept «natural» and socially constructed transformations (social movements, revolts, revolutions, genetic engineering) of long-term as well as from short-term analyses. But it is obvious that such generally accepted forms of ceasing fire and easing social and political tension are the discussions that are necessarily meant to slow-down the overall mobility processes.

Six, it is unfortunate that Urry has not paid much attention to the environmental problems in the mobile world. The problems of such extra-complex entities as the socio-biotechnical systems are beyond the author's focal point of interest. I realize that Urry strived first of all to substantiate and explicate the mobilities phenomenon. Nevertheless, Urry could not avoid the existence of such global giant spatially-fixed ecosystems as oceans, seas, forests, rivers, deserts, etc. which are indispensable producers and supporters of life on our planet. He could not also avoid the analysis of various economic and political systems such as states their unions and alliances, and a variety of international organizations. The matter is that these systems are not the «spaces» covered by airplanes but *these systems are actors* as well. The global metabolism, that is the turnover of substances and energy in the biosphere, is regularly occurring, but for people it is a rather stable global system.

Seven, it is rather indicative that the genre of theorizing as critical analysis has almost disappeared from western sociology. There are many and various research streams and schools but without critical comparisons and discussions. Sometimes it seems to me that some sociologists are afraid of «critical social science»! (Sayer, 2009). Does it mean that western sociology is only 'mobile' but not reflective as it was in the past? And one more general question: has our sociological community has been transformed into the society of «loners»? If it is true, it is one more achievement of modern capitalism and its all-embracing marketization process (Burawoy, 2015).

Funding: the paper is the result of the project «Complex research and compiling interdisciplinary model of socio-ecological metabolism of modern Russian city», grant No 15–06–00158, supported by the Russian fund for fundamental research.

References

- Adey P. If Mobility is Everything Then it is Nothing: Towards a Relational Politics of (Im)mobilities // *Mobilities*. 2006. № 1. P. 75–94.
- Bauman Z. *Liquid Modernity*. Cambridge: Polity Press, 2000.
- Bauman Z. On Glocalization: Or Glibalization for Some, Localization for Others // *The Bauman Reader* / Ed. by P. Beilharz. Malden, Mass.: Blackwell Publishers Inc., 2001. P. 298–311.
- Bauman Z. *Liquid Love: On the Fragility of Human Bonds*. Cambridge: Polity Press, 2003.
- Bauman Z. *Liquid Fear*. Cambridge: Polity, 2007.
- Bauman Z. *Liquid Times. Living in an Age of Uncertainty*. Cambridge: Polity Press, 2009.

- Bauman Z. Culture in a Liquid Modern World. Cambridge: Polity Press, 2011.
- Burawoy M. Facing an Unequal World // *Current Sociology*. 2015. № 63 (1). P. 5–34.
- Knorr Cetina K. The rise of a culture life // *EMBO REPORTS*. 2005. № 6. P. 76–80.
- Kravchenko S. Sotsiologicheskoye Znanie cherez Prizmy «Strely Vremeni». Vostrebovannost' Gumanisticheskogo Povorota [Sociological knowledge through the prism of 'Time Arrow'. The need of a humanistic Turn]. Moskva: MGIMO: Universitet, 2015.
- North D. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. New York: Berghahn, 1990.
- Sayer A. Who's Afraid of Critical Social Science? // *Current Sociology*. 2009. № 57 (6). P. 767–786.
- Urry J. *Sociology beyond Societies*. London: Routledge, 2000.
- Urry J. *Mobilities*. Cambridge: Polity Press, 2007.
- Urry J. Mobility and Proximity // *Sociology*. 2002. № 36. P. 255–274.
- Urry J. *Global Complexity*. Cambridge: Polity, 2003.
- Urry J. Small Worlds and the new «Social Phisycs» // *Global Networks*. 2004. № 4. P. 109–130.
- Urry J. *Mobilities and Social Theory* // *The New Blackwell Companion to Social Theory* / Ed. by B. Turner. Malden, Oxford: Wiley-Blackwell, 2009. P. 477–495.
- Wallerstein I. *Open the Social Sciences*. Report of Gulbenkian Commission on the Restructuring of Social Sciences. Stanford: Stanford University Press, 1996.
- Yanitsky O. The Shift of Environmental Debates in Russia // *Current Sociology*. 2009. № 57 (6). P. 747–766.
- Yanitsky O. *Russian Environmentalism. The Yanitsky Reader*. Moscow: TAUS, 2010.
- Yanitsky, O. Russia's Changing World: Resources, Networks, Localities // *Social Sciences. A Quarterly Journal of the Russian Academy of Sciences*. 2010a. № 4 (41). P. 103–122.

Обзоры конференций

Международная трансдисциплинарная конференция «Doing the Body in the 21st Century». Питтсбург, Университет Питтсбурга, 31 марта — 2 апреля 2016 г.

Евгения Гольман*

31 марта — 2 апреля в Питтсбурге состоялась международная конференция «Doing the Body in the 21st century», собравшая специалистов в самых различных областях исследования телесности. Организаторами конференции выступили академические руководители и преподаватели образовательной программы «Gender, Sexuality, and Women's Studies Program» Университета Питтсбурга, США.

Отличительной чертой этой конференции был ярко выраженный трансдисциплинарный характер: она привлекла внимание не только представителей социальных наук, включая социологов, антропологов, политологов, исследователей культуры («cultural studies»), искусствоведов и других, но и художников, танцоров, перформансистов, политических и социальных активистов. Этим обусловлено и разнообразие тематических секций, большую часть которых было просто невозможно посетить по причине насыщенного расписания. За три дня работы конференции (один из которых — день открытия — и вовсе можно опустить, так как он отличился лишь торжественной церемонией и одним панельным заседанием) прошло 49 секций, 9 встреч с авторами монографий, 5 панельных заседаний с выступлениями ключевых спикеров, 1 перформанс, выделенный в отдельную сессию.

Название «doing the body», заигрывая с уже ставшей классической концепцией «doing gender» и открыто отсылая к социально-конструктивистской парадигме, предопределило основную исследовательскую перспективу докладов — ориентацию на целостное изучение воплощенного («embodied») субъекта действия в пространстве дисциплинарных дискурсов и нормативных ожиданий. Тем символичнее, что работу конференции открыла лекция профессора Энн Цветкович (Ann Cvetkovich, University of Texas at Austin) «The Sovereignty of the Senses», посвященная аффекту и перформансу как новым формам солидарности. В своем выступлении Цветкович отстаивала расширение понятия «суверенитета» от сферы политического к сфере личного в значении «освобождение чувств и тела от контроля разума».

Оригинальным решением организаторов конференции было выделить отдельные заседания под встречи с авторами относительно недавно изданных монографий по теме body studies. Фрагменты монографий предварительно распространялись среди участников, что стимулировало оживленные дискуссии. Мне удалось посетить две встречи, посвященные книгам Эринн Мэйси де Казановы (Erynn Masi de Casanova, University of

---

* Гольман Евгения, кандидат социологических наук, преподаватель кафедры общей социологии, департамент социологии, факультет социальных наук НИУ ВШЭ. eve.golman@list.ru, e.golman@hse.ru.

Cincinnati) «Buttoned Up: Clothing, Conformity, and White-Collar Masculinity» (Cornell University Press, 2015) и Рейчел Хёрст (Rachel Hurst, St. Francis Xavier University) «Surface Imaginations: Cosmetic Surgery, Photography, and Skin» (McGill-Queen's University Press, 2015). Обе встречи начались с представления автора и краткого рассказа о повестке книги, основном содержании и дизайне исследования, за этим следовало оживленное обсуждение. Так, Эринн Мейси де Казанова представила результаты исследования взаимосвязи одежды и маскулинности «белых воротничков». Оно выявило восприятие дресс-кода последними в качестве униформы и телесного воплощения конформизма в рамках корпоративной культуры. Однако униформа позиционируется как справедливая расплата за статусные привилегии. Оригинальная находка исследования заключалась в том, что мужчины продемонстрировали высокий уровень обеспокоенности и недовольства своим телом, сопоставимый с тем, который демонстрируют результаты исследований образа тела у женщин. Вторая встреча, с автором Рейчел Хёрст, была посвящена роли пластической хирургии в работе с идентичностью («identity work»). В своей книге Хёрст отталкивается от психоаналитической перспективы, пересматривая интерпретации хирургических вмешательств в тело, получающих все большую распространенность в мире, в особенности среди женщин. В повседневной жизни мы привыкли руководствоваться верой в то, что наш разум, сознательное, контролирует тело, однако поверхность («surface») тела, по мнению исследовательницы, структурируется исключительно логикой бессознательного. Работая с этой поверхностью, косметические операции прорабатывают весь комплекс отношений тела и психики. Хёрст противопоставляет телу и его поверхности фотографию как идеальную поверхность, задающую границы восприятия.

Формат встреч с авторами постепенно сменился выступлениями докладчиков. Если попытаться обобщить все многообразие секций и дискуссий, то можно выделить следующие тематические направления: технологические модификации и пост-тела («post life bodies»), репродуктивные технологии и их дилеммы, сексуальность и стили жизни, образы тела и проживание инвалидности, тела в политическом и экономическом пространствах, телесная социализация и танец, телесность как основание для сплоченности и активизма, тело в искусстве и тело как искусство. Отдельная секция была посвящена постсоветскому пространству — «Post-Soviet bodies: construction of precarious and vulnerable bodies under a normative gaze», на которой Катарина Видлак (Katharina Wiedlack, University of Vienna), Маша Нойфельд (Dresden University of Technology), Леся Пагулич (Georgia State University) и Татьяна Щурко (Center of European Studies, Belarus) затронули самые различные аспекты актуальной политики тела в России, Украине и Республике Беларусь. Спектр докладов был посвящен образу русских тел в кинематографическом искусстве (на примере фильма «Порок на экспорт» Давида Кроненберга), потреблению алкоголя и национальному телу России, дискурсу консервативных и правых групп в Украине — конструированию «опасных» («precarious») тел, дискурсу женского здоровья и репродуктивного тела в Беларуси.

Не имея возможности остановиться подробно на каждой секции, которую мне удалось посетить, я затрону две темы, проходившие красной нитью на протяжении всей конференции, — проблема преодоления негативного восприятия и дискриминации индивидов, не соответствующих стандартам привлекательности, и проблема технологического развития, его влияния на переосмысление отношений тело/разум, будущего человечества. Первая тема наиболее полно была раскрыта на сессии «Positive framing of overweight bodies». Стефани Снидер (Stefanie Snider, Arkansas State University), Лора Пратт с Андреа Болдуин (Laura Pratt and Andrea Baldwin, Auburn University) и Элисон Литтл (Allison Little, University of Pittsburgh) затронули историю и резонанс боди-позитивного движения в медиа, а также возможности фет-активизма («fat activism») в онлайн и офлайн-среде. Так, Стефани Снидер в докладе «No more beauty, let's try the beast: embracing

Рис. 1. Мишель Мёрфи визуализирует невидимое глазу «химическое насилие» и концепцию «альтержизнь» работой художницы, Ph.D. Элизабет Ла Пенсе (Elizabeth LaPensée) «Of the People Who Sing for Water» (2014). Фото автора

ugliness in contemporary fat visual representations» на примере популярных рекламных компаний показала феномен бютификации полных тел, эксплуатирующих идеологию боди-позитива для максимизации прибыли. По мнению исследовательницы, продуктивным способом сопротивления негативным стереотипам по отношению к полным людям является не подстройка под конвенциональные представления о привлекательности, а оппозиция им с помощью сатирического воспроизводства канонов уродства, как это делают в своих работах фотографы Лора Агулар (Laura Aguilar) и Ииу Сусираджа (Iiu Susiraja). Лора Пратт и Андреа Болдуин в своем докладе «Beyond the beauty myth to the corset of conditionalities: the marginalization of the fat woman's body in the age of body positivity» сделали краткий обзор истории телесной эстетики, взяв за основу метод генеалогии Мишеля Фуко. Для анализа кампаний Dove «За естественную красоту» и Special K «What will you gain when you lose» (последняя обыгрывает то, что каждый грамм на шкале весов связан с приятными впечатлениями, которых женщинам не стоит стыдиться) исследовательницы обратились к понятию «корсет условностей» («corset of conditionalities»). «Корсет условностей», будучи изобретением современного капитализма, вбирает в себя дискурс феминистского освобождения и позитивного отношения к телу, но при этом продолжает воспроизводить бинарную классификацию норма/отклонение и оказывать дисциплинирующий эффект на полных женщин. Элисон Литтл, в свою очередь, в докладе «Hamplanet, landwhales, and feminists: the fatosphere and anti-fatosphere» представила результаты нетнографии на просторах крупнейшего онлайн-форума Reddit и показала

динамику распространения реакционистских настроений среди молодежи по отношению к полным людям. Во время дискуссии после докладов был поднят вопрос, насколько корректно использовать прилагательные «fat» и «overweight» по отношению к полным людям. Все докладчицы сошлись на том, что в современной активистской повестке «fat» является нейтральным и наиболее приемлемым термином, в то время как «overweight» медиализует и нормализует индивидов. И если вес индивида больше чьего-либо веса, то чьего? «Over whose weight?» Кто определяет норму? В результате обсуждения критике подверглось и название секции, закрепленное за ней организаторами.

Проблематика последствий технологического развития для биологических процессов живых существ и связанных с этим перспективных форм социальной сплоченности наиболее ярко была раскрыта в блестящем выступлении профессора Мишель Мёрфи (Michelle Murphy, University of Toronto) «Alterlife in the ongoing aftermath of industrial chemicals». Мёрфи, будучи признанным специалистом в области STS, предложила концепцию «alterlife» для изучения живых существ современности, поскольку ни один человек, ни одно животное не избежали биологических изменений в результате индустриализации, искусственно произведенных человечеством химикатов. «Химическое насилие», осуществляемое по отношению к телам вне зависимости от их желания, приводит к изменению эндокринной системы и формированию так называемого «постиндустриального метаболизма». Это имеет негативные последствия для здоровья человека, в первую очередь для его нервной системы. На примере полихлорированных бифенилов (ПХБ) Мёрфи показала то, как наиболее регулируемые законодательством западных стран химикаты являются одновременно абсолютно неконтролируемой угрозой для жизни на планете. Концепция «альтержизни» актуализирует наше присутствие в мире «здесь и сейчас» и создает основание для новой формы сплоченности людей всех национальностей и рас, гендера, сексуальности, дохода и образования. Выступление Мёрфи завершило конференцию на последнем пленарном заседании и оставило в воздухе пессимистичный, но в то же время и, в некотором роде, оптимистичный настрой. Несмотря на все многообразие секций и докладов, единство и различие телесного и социального опыта составили главную связующую тему всей конференции.

Новые проблемы в исследованиях социальной мобильности. Российско-польская конференция. Варшава, Варшавский университет, 11–12 апреля 2016 г.¹

Надежда Васильева*

11–14 апреля 2016 г. состоялась поездка студентов и преподавателей Социологического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук в Варшаву в рамках Российско-польской конференции, организованной Институтом социологии Варшавского университета. В ходе научной встречи российские и польские социологи представили результаты своих исследований. Кроме научной составляющей поездка включала несколько культурных мероприятий: познавательную экскурсию по Варшаве, а также увлекательные прогулки по Познани и ее окрестностям.

В аэропорту российскую делегацию встретила сотрудница Института социологии Варшавского университета и проводила в гостиницу, где нас приветствовал профессор, декан факультета философии и социологии Варшавского университета Кшиштоф Косела. Профессор Косела был крайне гостеприимен и лично провел для нас несколько пеших прогулок, а также способствовал нашему прекрасному времяпрепровождению в Польше в течение последующих дней. Свободный русский язык профессора, его глубокие знания истории Варшавы и готовность ими делиться, а также необычайный искренний энтузиазм в общении с коллегами и теплота приема во многом определили дружелюбный и продуктивный тон конференции и всей поездки в целом.

В первый день было запланировано выступление коллег с польской стороны в Центре изучения общественного мнения CBOS (Centrum Badań Opinii Społecznej). Профессор Мирослава Грабовска, директор CBOS, представила доклад «Результаты опросов, посвященных изучению польско-российских отношений», в котором затронула важные темы межнациональных отношений и возможные причины их изменений. Кшиштоф Косела выступил с докладом «Результаты исследования, ставшего первым шагом российско-польского сотрудничества», в котором рассказал о совместном проекте, начатом им еще в 1998 г. вместе с Владимиром Ядовым и посвященном сравнению социальных идентичностей поляков и русских. Этот проект стал началом как продуктивного научного сотрудничества, так и дружеских отношений, которые поддерживаются и по сей день между польскими и российскими социологами. В дискуссии после докладов был поднят ряд методологических вопросов, давший обеим сторонам пищу для размышлений.

Второй день конференции был полностью посвящен российской проблематике. Российские социологи выступили перед преподавателями и студентами Варшавского университета, представив свои доклады на английском языке. Российская делегация

---

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Межпоколенная социальная мобильность от XX века к XXI: четыре поколения российской истории». Грант РНФ 14–28–00217.

* Васильева Надежда, магистрант социологического факультета ГАУГН. dafna-hope@mail.ru.

состояла из преподавателей и студентов Социологического факультета ГАУГН, часть из которых презентовала исследование «Межпоколенная социальная мобильность от XX века к XXI: четыре поколения российской истории».

Александрина Ваньке выступила с докладом «Symbolic Social Mobility of Working-Class Men in Russia» («Символическая социальная мобильность мужчин — рабочего класса в России»), в основу которого легли результаты ее совместной работы с Ириной Тартаковской. В своем выступлении она сконцентрировалась на изменении мужественности представителей рабочего класса в контексте символической и экономической девальвации их социального статуса после распада Советского Союза. В советское время мужчины-рабочие могли воспроизводить паттерны так называемой гегемонной маскулинности, поскольку их символический статус был достаточно высок. Но в переходный период 1990-х годов — в момент распада прежних экономических структур — мужчинам-рабочим пришлось искать новые стратегии выживания и формирования своей маскулинности в условиях ограниченных ресурсов.

На данный момент в России сосуществуют традиционный маскулинный тип рабочего-государственника и новый тип мужественности рабочего-активиста, который отличается от классической модели независимым и инициативным поведением. Новая маскулинность рабочих формируется в условиях нелиберального гендерного порядка, которому свойственны высокая ценность индивидуализма, активное потребление и значительное инвестирование во внешний облик. За счет экономических вложений во внешность и телесный капитал молодые мужчины-рабочие стремятся символически повысить свой статус, однако это дается им с трудом.

Елизавета Полухина сделала доклад «The Meaning of Dwelling From a Social Mobility Perspective» («Значение жилищных условий с точки зрения социальной мобильности»). Она проследила связь между местом жительства и социальным статусом, представив результаты предварительного анализа нескольких кейсов — жилищной мобильности шести информантов, проживающих в Екатеринбурге. Обобщение данных биографической интервью позволило выявить три типа информантов и описать стратегии их жилищной мобильности, которые соотносятся с разными стилями жизни.

Первая группа, так называемых «просвещенных мужчин», отличается высоким культурным капиталом — специальным образованием, — и демонстрирует восходящую профессиональную мобильность и стабильный доход. Представители группы проживают в собственных комфортабельных квартирах в центре города, полученных от родителей, и пользуются всеми преимуществами такого жилья.

Вторая группа — женщины с ограниченным доходом, занимающиеся ручным трудом, которые проживают в квартирах, полученных от заводов и фабрик еще в советские времена их родителями или бабушками и дедушками. Они не имеют планов на жизнь и живут достаточно «пассивно». Несмотря на то, что их жилье расположено в центре города, они не пользуются преимуществами района и мало вовлечены в городскую жизнь.

Третья группа — мужчины, которые переехали в Екатеринбург из маленьких городов, чтобы получить образование. Они имеют стабильный высокий доход и совершили восходящую профессиональную мобильность, сумев удачно адаптироваться к смене экономики в 1990-е годы. У них имеется богатая история переездов. На данный момент они проживают в хороших, самостоятельно приобретенных квартирах, удобных для них и их семей.

Выделенные три типа образа жизни и жилищных условий по-разному соотносятся с перспективами социальной мобильности. В первом и третьем случаях со знаком плюс, а во втором — со знаком минус. Для первого типа полученная от родителей квартира удовлетворяет потребности информанта и является удачным наследованием семейного капитала. В третьем типе самостоятельно приобретенная под конкретные нужды

и способствующая дальнейшему развитию квартира является объективным индикатором восходящей мобильности. Во втором типе унаследованные жилищные условия крайне ограничены, а у женщин отсутствует возможность приобрести дополнительные экономический, культурный или социальный капиталы.

В целом можно сказать, что жилищные условия являются индикатором социального положения, и индивиды, которые обладают определенными капиталами (или намерением их получать), демонстрируют активную мобильность по этому показателю, а у индивидов, изначально ограниченных в ресурсах, мобильность отсутствует.

Анна Стрельникова представила доклад «Mobility and Status Inconsistency» («Мобильность и статусная неконсистентность»). В докладе была поднята проблема пространственных проекций социальной мобильности в контексте стратификационных исследований. Ситуации переездов в биографических интервью рассматривались как индикаторы статусной неконсистентности. Была сформулирована гипотеза о том, что пространственная («горизонтальная») мобильность в реальности всегда содержит в себе вертикальный вектор (восходящий или нисходящий). Переезд, как пример горизонтальной мобильности, указывает на неконсистентность ситуации в прошлом, которая приведет к выкристаллизовыванию статуса в будущем.

Исследование биографических интервью показало, что траектории географической мобильности могут служить источником данных о социальной мобильности и основанием для ее субъективной оценки. Описывая географические перемещения, информанты демонстрируют также общую логику принятия жизненных решений и указывают ключевые позиции. На основании этого можно выявить ситуации статусной неконсистентности. Географическая мобильность становится ключевым фактором, который аккумулирует и структурирует жизненный опыт информанта, как в персональной истории, так и в истории семьи. Вопросы о географических перемещениях позволяют реконструировать прошлое в терминах телесности и пространства, помогают прояснить чувствительные темы (например, эксклюзию, неравенство) и установить субъективное восприятие мобильности.

Надежда Васильева презентовала доклад «Circumstances and Factors of Upward Social Mobility of Senior Women in Russia» («Обстоятельства и факторы восходящей социальной мобильности женщин старшего возраста в России»). Опираясь на теорию гендерных режимов, она на основании 12 биографических интервью с женщинами от 45 до 50 лет попыталась выявить условия, в которых эти женщины смогли продемонстрировать восходящую профессиональную мобильность. Анализ выявил две группы факторов:

- макроуровень: структурные факторы (смена типа экономики, смена гендерных режимов рынка труда и семьи);
- микроуровень: личные факторы (потеря кормильца семьи, взросление детей).

В результате различных причин, как экономического кризиса, так и личных событий, произошла потеря мужчины-кормильца, или утрата женщиной этой роли, что вынудило женщину выйти на рынок труда. А масштабные пертурбации на рынке труда предоставили ей возможность сделать это благодаря появившимся новым позициям и возникновению благоприятных условий для карьерного роста. Кроме того, если в начале наличие детей выступало сдерживающим фактором для профессиональной мобильности женщин, то по мере того, как дети подрастали, женщины получали свободы к социальному перемещению и обладали большим количеством свободного времени.

Анализ интервью также показал, что никто из женщин, построивших успешную карьеру, не проявлял при этом карьерных амбиций. Но в интервью обнаружилось два других мотива, сыгравших значительную роль для осуществления восходящей мобильности: это неформальные связи и личный интерес к сфере, в которой была построена карьера женщины.

Елена Шатрова также представила доклад по тематике социальной мобильности: «Factors Hindering Youth Social Mobility in Modern Russian Society» («Факторы, препятствующие социальной мобильности молодежи в современном российском обществе»). Она рассмотрела традиционные каналы мобильности — армию, церковь, школу, семью и собственность — и сделала вывод о том, что такие факторы, как отсутствие среднего класса, неестественный ход социальной мобильности и отсутствие у большинства людей желания менять что-либо в собственной жизни, препятствуют восходящей социальной мобильности.

Кроме того, на конференции выступили Екатерина Арутюнова с результатами проекта по изучению межэтнического согласия как ресурса для консолидации российского общества, Валентина Шилова с докладом о коммуникативном неравенстве, Юлия Епихина с результатами исследования образовательного неравенства, Карина Гринева с докладом о ресоциализации профессиональных спортсменов, Ксения Гусейнова с исследованием методики электронного респондента и Джессика Волкова с докладом о способах россиян проводить летний отпуск.

Теплая атмосфера мероприятия символически отражала активные двусторонние отношения между российским и польским университетами, а также обеспечила продуктивность с точки зрения более глубокого раскрытия тематик докладов и была полезной для дальнейшего развития проблематики. На обсуждении докладов был поднят ряд интересных вопросов. Например, варшавских коллег удивило большое внимание, уделенное в российском проекте жилищной мобильности, в то время как в Польше этот аспект обычно не рассматривается так пристально. Эта разница в восприятии показательна и происходит из исторических условий решений жилищного вопроса в масштабе страны. Также в ходе дискуссии был поднят вопрос о взаимосвязи мобильности на индивидуальном и групповом уровнях и возможности изучения этих двух видов социальных перемещений. С одной стороны, дискуссия показала инновативность проекта по мобильности, с другой стороны, продемонстрировала следование канону исследований социальной мобильности, что было заметно по используемому понятийному аппарату и разнообразию теоретических рамок исследования.

В целом можно сказать, что качественная часть исследования «Межпоколенная социальная мобильность от XX века к XXI: четыре поколения российской истории» — собранные биографические интервью в разных городах России — представляет собой очень богатый материал, что позволяет исследователям выбирать для своего анализа различные аспекты: мобильность субъективную и объективную, символическую, географическую, жилищную, профессиональную и др. и приходиться на основе полевых эмпирических материалов к интересным выводам. Потенциал собранных данных не ограничивается представленными тематическими направлениями, но выступления на российско-польской конференции в Варшаве продемонстрировали методологическую и содержательную ценность проекта, результаты которого были высоко оценены за рубежом.

**Дискуссии социологов о настоящем России.
XVII Апрельская международная научная конференция
по проблемам развития экономики и общества.
Москва, Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»,
19–22 апреля 2016 г.¹**

Павел Сушко*

19–22 апреля 2016 г. в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» состоялась XVII Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. Данное научное мероприятие традиционно славится академическим подходом к осмыслению ключевых проблем современной России. В этом году ведущие практики и теоретики отечественной и мировой науки, опираясь на собственные исследования и разработки, анализировали текущие социальные проблемы в контексте структурных трансформаций российского общества.

В частности, состоянию и динамике социальной структуры была посвящена одна из пленарных сессий конференции, на которой представили свои доклады такие ведущие отечественные исследователи, как Л. Д. Гудков («Парадоксы изучения социальной структуры в России») и Н. Е. Тихонова («Российское общество: «проклятье» социальной однородности или движение к классовой дифференциации?»), а среди спикеров следует отметить выступления О. И. Шкаратана, Л. Б. Косовой, В. В. Радаева и др.

С проблем изучения социальной структуры начал свое выступление Л. Д. Гудков. Он выделил два ключевых направления, над которыми работают российские социологи: первое связано с определением параметров бедности и, соответственно, сущности социального неравенства; второе касается формирования среднего класса, выступающего основой социальной стабильности. Отдавая дань сложившимся подходам при изучении тех или иных стратификационных систем (уровень дохода, образование, занятость, место жительства и т. д.), исследователь особое место отводит статусной самоидентификации с тем или иным слоем.

Однако, как отмечает автор, перед учеными возникает принципиальный вопрос интерпретации результатов исследований, которые он связывает с размытостью и нечеткостью контуров социальных групп в России. При этом он отмечает, что, согласно опросу Левада-Центра, около 85% опрошенных россиян относят себя к среднему классу. Вполне понятно, что получение таких данных вытекает из определенного методологического подхода. Другие авторы приводят цифру фактически вдвое меньшую указанной выше. Л. Д. Гудков обосновывает полученный им показатель на основе понятия

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержки РГНФ, грант № 14–03–00306а «Наемные работники в современном российском обществе: дифференциация и динамика развития».

* Сушко Павел, кандидат социологических наук, научный сотрудник ИС РАН, специалист по научно-исследовательской деятельности социологического факультета ГАУГН. sushkope@mail.ru.

Рис. 1. Пленарная сессия «Состояние и динамика социальной структуры». 21 апреля 2016 г.
Фото автора

«серединности», то есть ориентации индивидов на то, чтобы быть, как все. Понятие «серединности» поднимает еще ряд важных проблем, связанных с отсутствием консолидированных политических интересов, аморфностью классовых позиций, патерналистскими моделями поведения и т.д. Так или иначе, по словам Л. Д. Гудкова, такая ориентация на самовозвышение, выражающаяся в формуле «быть не хуже, чем все, но быть немного лучше, чем совсем плохо», размывает социальную структуру и блокирует потенциал развития общества.

Однако такая позиция вызывает некоторые вопросы. Нам представляется не совсем удачным выбор понятия «серединности». То, что стоит за ним (как раскрывает этот термин автор), по сути означает нежелание респондентов выделяться из социального окружения. Может быть, лучше говорить, в рамках приведенного автором объяснения, не о «серединности», а о конформизме индивидов, старающихся скрыть свои подлинные намерения идентифицировать себя с теми социальными группами, с которыми они чувствуют свою социальную близость.

Представляется спорной и мысль о том, что формула «быть не хуже, чем все, но быть немного лучше, чем совсем плохо» размывает социальную структуру и блокирует потенциал общественного развития. Самоидентификация со средним классом есть симптом модерна и вряд ли может размывать социальную структуру и блокировать восходящее развитие социума. Скорее таким ограничителем выступает конформизм, стремление быть как все. Это симптом слабо дифференцированного общества, находящегося, или «топчущегося», у входа в модерн. Изложенные замечания не ставят под вопрос сам подход Л. Д. Гудкова, основанный на субъективных критериях социальной стратификации. Выделение социальных групп не только по социально-экономическим, но и по идентификационным признакам представляется весьма перспективным подходом и наследует

ту линию развития в западной социологии, которая концентрируется на анализе понятия «субъективного класса».

Контрастом к подходу Л. Д. Гудкова выступает позиция Н. Е. Тихоновой, для которой важнее объективные критерии выделения социальных групп. В своем докладе она отметила, что в современном российском обществе находит все большее понимание рост его социальной неоднородности, несмотря на то, что значительная часть населения (это главным образом люди пенсионного возраста) не может смириться с ростом социальной дифференциации. По мнению Н. Е. Тихоновой, многие видят в углублении социальной дифференциации условие обеспечения стабильности как на индивидуальном, так и на государственном уровне.

Н. Е. Тихонова считает, что рассматривать современную социально-стратификационную модель российского общества нельзя вне исторического контекста. Анализируя идею о неоэтакратическом обществе (одним из сторонников которой является профессор О. И. Шкаратан, согласно которому российское общество — это сословно-слоевое общество), Н. Е. Тихонова частично оспаривает этот тезис, полагая, что классы в современном российском обществе все же есть. По ее мнению, о наличии классов свидетельствует принадлежность индивида к определенному месту в системе экономических отношений, в которой он функционирует. Классы связаны с различиями в экономическом положении групп и их неравенством во владении различными дефицитными ресурсами, приносящими доход.

Н. Е. Тихонова отметила, что представители разных классов очень сильно различаются по жизненным шансам в разных областях. Это особенно касается квалифицированной части населения, у которой эти шансы ухудшаются из года в год, а в кризис уменьшаются опережающими темпами по сравнению с остальным населением. Такие тенденции, по мнению Н. Е. Тихоновой, могут реанимировать идеи уравнительности и дистрибутивной экономики, когда меритократические принципы уходят на задний план, человеческий капитал перестает играть свою определяющую роль в социальном росте индивида, а властный ресурс начинает доминировать над остальными. Это способствует формированию общественной системы с отсутствием принципов конкурентности, что совершенно не устраивает высокодоходные слои населения и подталкивает их к эмиграции.

На первый взгляд, подход Н. Е. Тихоновой не вызывает возражений. Социальное неравенство очевидно для всех, и оно нагляднее всего выражается в социально-экономической сфере. Однако перенос понимания классов в экономическую плоскость представляется односторонним по ряду причин. Во-первых, экономическое объяснение феномена класса является узким. Оно исходит из преобладающей роли экономического капитала в процессе классовобразования и недооценивает роль в этом процессе других (неэкономических) форм капитала.

Во-вторых, говоря о наличии классов в российском обществе, следует иметь в виду общий контекст, в котором они функционируют. По нашему мнению, им является неоэтакратическое общество, исторически присущее России. В таком обществе основополагающим ресурсом является административно-политический капитал, значение которого при обсуждении вопросов социальной стратификации игнорировать никак нельзя.

Возникает вопрос: могут ли существовать классы в этакратическом обществе? Или в них возможна только сословно-слоевая структура? Это спорный вопрос, и он требует отдельного состоятельного обсуждения. Н. Е. Тихонова склоняется к тому, что классы скорее должны исключать этакратизм. На наш взгляд, это не всегда так происходит, даже если классы рассматривать как неравные между собой экономические группировки. Современное российское общество — сложный феномен. Оно многоукладно, и в нем живут самые разные социальные общности, в том числе классового типа.

В-третьих, сама Н. Е. Тихонова признает, что формируется закрытая социальная система с доминированием властного ресурса. А это лишь подтверждает оценку тех, кто считает российское общество неэтакратическим. Это не означает, что в таком обществе нет места классовому анализу. Это означает, что такой анализ должен считаться с другими подходами. Если Н. Е. Тихонова не разделяет взгляд на российское общество как неэтакратическое, то означает ли это, что она принимает представление о нем, как рыночно-капиталистическом обществе? Ясного ответа у нее не просматривается, но перспектива классового подхода в трактовке Н. Е. Тихоновой вписывается в логику положительного ответа на поставленный вопрос.

О. И. Шкаратан не согласился с доводами Н. Е. Тихоновой, ставящими под сомнение этакратический характер современного российского общества. Его корни он усматривает еще в том времени, когда Древняя Русь находилась под татаро-монгольским игом. По мнению российского ученого, именно социальная система Золотой Орды стала источником этакратической организации русского общества. Можно спорить по вопросу о том, была ли именно ордынская структура власти источником российского этакратизма, но ходу мыслей О. И. Шкаратана присуще стремление исторически обосновывать формулируемый им постулат.

Следует отметить и выступление Л. Б. Косовой, где была предпринята попытка найти тот образ, который мог бы адекватно передать суть социальной структуры современного российского общества. Она использовала образ пирамиды для определения природы социальной структуры современной России. Все выступавшие сошлись на том, что в современном российском обществе отсутствует институционализация социального протеста.

Как бы там ни было, говоря о социально-классовой структуре современного российского общества, мы должны учитывать тот факт, что в отечественной социологической литературе так и не сложилось устоявшегося мнения о том, к какому типу общества относится современный российский социум. Однако при рассмотрении вопросов социальной стратификации исследователь должен избегать идеологизированных суждений и учитывать тот факт, что российское общество характеризуется статусной рассогласованностью, описать которую традиционными классовыми схемами не всегда возможно. Необходимо принимать во внимание гендерные, этнические, территориальные, поселенческие, социально-культурные и потребительские различия. Именно учет этих показателей позволит уйти от одностороннего социологического анализа и выделить специфические микро-стратегии, реализуемые различными группами населения.

Таким образом, представленные доклады позволили с разных сторон взглянуть на протекающие в российском обществе трансформационные процессы социальной структуры, оценить положение различных социальных групп и слоев на стратификационной шкале, осмыслить ключевые проблемы и тенденции общественной жизни, во многом определяющие общий вектор развития нашей страны.

Авторы номера

Екатерина Бессчётнова

магистр социологии, выпускница факультета социальных наук НИУ ВШЭ. Научные интересы: социология запаха, социология телесности и гендера, социология эмоций, социология организаций, качественные методы социологического исследования.

Надежда Васильева

магистрант социологического факультета ГАУГН. Научные интересы: квир-исследования, гендерная социология, социология общественных движений, социология памяти, социальная мобильность.

Евгения Гольман

кандидат социологических наук, преподаватель департамента социологии факультета социальных наук НИУ ВШЭ. Научные интересы: социология тела, гендерные исследования, визуальная социология, качественные методы в социологии.

Анатолий Жвйтиашвили

кандидат исторических наук, ведущий научный ИС РАН. Научные интересы: классовая структура, проблемы социальной стратификации, классовые схемы в западной социологии, новые социальные движения, прекаризация.

Петр Иванов

магистр социологии, младший научный сотрудник Высшей школы урбанистики им. А. А. Высоковского. Научные интересы: городские исследования, Чикагская школа, социальная география, социология пространства.

Павел Сушко

кандидат социологических наук, научный сотрудник ИС РАН, специалист по научно-исследовательской деятельности ГАУГН. Научные интересы: социология молодежи, социология села, социальная мобильность, миграция.

Алиса Толстокорова

кандидат филологических наук, доцент, независимый исследователь. Научные интересы: гендерные аспекты украинской миграции, академическая миграция, транснациональные семьи мигрантов.

Олег Яницкий

доктор философских наук, главный научный сотрудник ИС РАН. Научные интересы: экосоциология, экологическое движение, биографические исследования, эпистемология социального исследования.

Abstracts and key words

Urban dwellers and production of urban space (on the example of Russian cities)

Pert Ivanov

In this article, I represent a concept, based on several studies performed in 2013–2015, that describes social structures of production of space with emphasis on the role of urban dwellers within these structures. In order to construct this concept, I perform several tasks, like distinction between citizens and urban dwellers, description of urban dwellers' patterns of spatial behavior and participation in production of space and description of six key structures of alienation of urban dwellers from structures of production of space. In the final part of this article, I propose a bunch of research questions that form further research agenda for urban studies in Russia focused on production of space, urban dwellers and urban activists.

Key words: urban sociology, production of space, urban dwellers, metaresearch, alienation, urban activism, crisis thinking

Instable employment and social inequality: Western case

Anatoly Zhvitiashvili

The focus of the article is on analysis of new type of employment and its influence on growth of social inequality in postindustrial society. This employment is termed by «precarization» or instable employment. In means is instable employment. It is caused by globalization, reduction of employment in rural and industrial areas, rise of based on services and IT-technologies economy, labor individualization, upheavals in business strategies and so on. Instable employment becomes a source of poorly secured and cheaper labor force. The main forms of instable employment are part-time jobs, casual employment, based on zero-hour contract employment, temporary employment with different level of social security. Sociologists coincide that precariat is featured by no guaranteed employment, instable social benefits, status discord, shriveling professional identity. According to author' opinion, precariat is a set of heterogeneous social groups, but not a class and which are allocated in similar way within labor market.

Key words: employment, hired labor, precarization, part-time jobs, casual employment, based on zero-hour contract employment, temporary employment, precariat, social inequality

Social connotations of smell

Ekaterina Besschetnova

This article is devoted to the social values of the odor, which is studied by the example of the perception of odors in the socio-professional environment office workers. The article reveals the immediate reproduction and emphasis on social differences, including gender, in the communicative interactions of office workers and self-creation of their gender identity and status through the olfactory (smell) consumption. Odor is not only a physiological, but also a socio-historical cultural phenomenon, which makes it possible to understand the position of a sociologist at the theoretical level in the demarcation of the borders of the biological and sociological. In addition, the odor is an integral part of everyday life. The life of individuals in today's society is strongly regulated: it takes place in contexts where even the odor is a highly regulative value (the odor is applied with the knowledge of where and how we should smell). Thus, the work is aimed at understanding the functioning of the individual, which, though free to do whatever he wants, even should smell regulatory. The odor in this work is regarded as one of the obvious, but not enough verbalized, and in consequence one of ambiguous markers of cultural, gender and kind of ethnic identity. Due to the floating nature of social identity, indirect data needed to "sniff" social preferences and differences.

Key words: sociology of odors, olfactory consumption, social distinctions

«Ukrainian Golden Fish»: Strategies of resistance to inequality and domination in the relationship between migrant women domestics and their employers

Alissa Tolstokorova

The main goal of the paper is to identify strategies and tactics of resistance used by Ukrainian migrant women-domestics aiming to counteract social inequality, hierarchy and domination on the part of their employers. The paper draws from the results of field research. It identifies the specificity of paid domestic labour as a traditional «female work». The following strategies and tactics of resistance of women-domestic have been identified: tactics of silent resistance; «Freken Bokk strategy»; «care marriage» strategy; strategy «from hostel life to «so-lo-living»». The paper introduces the concepts of «reverse social hierarchy», «Lopakhin inferiority complex», «Hulliver syndrome».

Key words: Ukraine, labour migration, female domestics, employers, inequality, domination, reverse social hierarchy, Lopakhin inferiority complex, Hulliver syndrome.

The Urry's global mobilities concept: some comments and considerations

Oleg Yanitsky

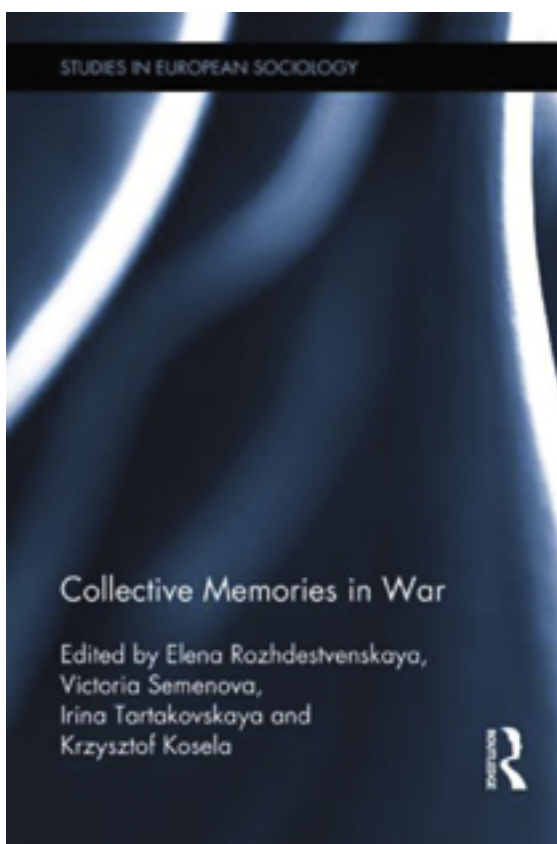
The article offers some critical comments on well-known global mobility concepts developed by John Urry. Firstly, the article outlines the four key points of this concept including the analysis of other possible forms of mobility. Secondly, the article sets forth and analyses some

dialectical contradictions of the above concept. Thirdly, it assesses the ways and forms of the possible transformations of social sciences generated by the global mobility phenomenon. Fourthly, the article reveals and critically evaluates the actual changes and the forthcoming difficulties of the decision-making process, especially on an international level. Fifthly, the article outlines a set of other challenges to social theorists generated by the global mobilities phenomenon. Sixthly, the article analyses aspects of man in the mobile and computerized world. Lastly, it considers the relationships between the mobile world and its a fixed natural and social environment.

Keywords complexity, decision-making, dialectics, dialogue, environment, mobilities, social sciences, time

Книги на рецензирование

Collective Memories in War / Ed. by Elena Rozhdestvenskaya, Victoria Semenova, Irina Tartakovskaya, Krzysztof Kosela. London: Routledge, Taylor & Francis Ltd, 2016. Pp. 196. ISBN 978-1-1389-3548-8.

About the Book. This edited collection offers an empirical exploration of social memory in the context of politics, war, identity and culture. With a substantive focus on Eastern Europe, it employs the methodologies of visual studies, content and discourse analysis, in-depth interviews and surveys to substantiate how memory narratives are composed and rewritten in changing ideological and political contexts. The book examines various historical events, including the Russian-Afghan war of 1979–89 and World War II, and considers public and local rituals, monuments and museums, textbook accounts, gender and the body. As such it provides a rich picture of post-socialist memory construction and function based in interdisciplinary memory studies.

Требования к рукописям, подаваемым в журнал

1. К рассмотрению принимаются неопубликованные ранее статьи.
2. На первой странице — полное название статьи. ФИО, места работы, ученые степени, звания, должности и адреса электронной почты авторов на русском и английском языках.
3. Аннотация — краткое резюме содержания статьи (не более 150 слов) и ключевые слова (5–7 слов) на русском и английском языках.
4. Если статья подготовлена при финансовой поддержке фонда/организации, то это следует указать в первой сноске внизу страницы.
5. Текст статьи должен быть набран шрифтом Times New Roman, 12 кеглем, 1,5 интервалом. Он должен содержать разделы и подразделы.
6. Сноски делаются постранично арабскими цифрами.
7. Цитаты интервью берутся в кавычки и выделяются курсивом. Диалог между интервьюером и респондентом оформляется без кавычек. В круглых скобках указываются социальные характеристики респондента и дата проведения интервью.

Примеры:

«Здесь мы жили, Черемушки. Здесь работа дядина, я знала, что она на севере. Ну вот, собственно, и все. Больше я ничего в Москве не знала» (ж., 52).

Интервьюер: Почему сегодня Вы пришли к Вечному огню?

Респондент: Решили прогуляться с дочерью, в Александровский сад зайти, показать ей памятник, а все перекрыто.

И.: Как Вы празднуете День народного единства?

Р.: Весело и с песнями! (ж., 32 года, технолог швейного производства, среднее техническое образование, 4.11.2013).

8. Ссылки внутри текста оформляются в круглых скобках. Внутри пишется фамилия автора, год и номер страницы. Между номерами нескольких страниц ставится тире «—». Примеры: (Сорокин, 2004, с. 107–108), (Habermas, 1992, p. 1).
9. Список цитируемой литературы помещается в конце статьи в разделе «Литература». Источники, не упоминаемые в статье, в список литературы не включаются.
10. Список литературы оформляется в соответствии со стандартом.

Статья в периодическом издании:

Голофаст В.Б. Многообразие биографических повествований // Социологический журнал. 1995. № 1. С. 71–89.

Amin A. Collective Culture and Urban Public Space // City: Analysis of Urban Trends, Culture, Theory, Policy, Action. 2008. № 1 (12). P. 5–24.

Статья в сборнике или монографии:

Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / под ред. П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пуимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999. С. 17–50.

Thorne S.E. The Implications of Disciplinary Agenda on Quality Criteria for Qualitative Research // The Nature of Qualitative Evidence / Ed. by J.M. Morse, J.M. Swanson, A.J. Kuzel. Thousand Oaks, CA: Sage, 2001. P. 141–159.

Книга:

Кабаков И.И. 60–70-е... Записки о неофициальной жизни в Москве. М.: Новое литературное обозрение, 2008.

Flick U. An Introduction to Qualitative Research. London, Thousand Oaks, New Delhi: Sage Publications, 2006.

Источник в Интернете:

Россия греется у вечного огня. Обсуждение на форуме. Электронная версия. URL: http://clubs.ya.ru/4611686018427394590/replies.xml?item_no=204093 (дата обращения: 08.04.2014).

Вечный огонь в Александровском Саду проверяют каждый месяц // Москва-24. 2013. 30 августа. URL: <http://www.m24.ru/videos/27506?attempt=1> (дата обращения: 08.04.2014).

ИНТЕР № 1 (2002)

Письмо редакторов

Теоретические дискурсы и дискуссии

Майкл Рустин. Размышления по поводу поворота к биографиям в социальных науках

Индивид и общество

Ян Коетцы. Жизнь на периферии: потребность в промежуточных шагах на пути радикальной трансформации общества

Полевые исследования

Елена Ярская-Смирнова. Социальные изменения и мобилизация ресурсов: жизненные истории российских инвалидов

Алла Чирикова. Женщина-директор в деловой и частной жизни

Исследовательская рефлексия

Валерий Голофаст. Повседневность в социокультурных изменениях

Из классического наследия. Памяти П. Бурдьё

Пьер Бурдьё. Биографическая иллюзия

Визуальная социология

Елена Мещеркина. Субъектив камеры

Биография номера

Елена Мещеркина. Как стать баронессой

Конференции и рецензии на книги

Игорь Масалков. Шутценбергер А.А. Синдром предков. Трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциогаммы

Лиана Ипатова, Сергей Кухтерин. Ежегодные курсы в Центре социологического образования (Институт социологии РАН, Москва)

Интернет новости

Игорь Масалков. Ресурсы по качественным исследованиям (КИ) в интернете

Авторы номера

ИНТЕР № 2–3 (2004)

Письмо редакторов

Теоретические дискурсы и дискуссии

Брайн Роберте. Конструирование индивидуальных мифов

Ирина Сандомирская. Родина в советских и постсоветских дискурсивных практиках

Александр Малинkin. Женские награды в России: исследование по социологии наградного дела

Индивид и общество

Дан Бар-Он, Сэми Адван. Возможен ли общий учебник истории для палестинцев и израильтян?

Олег Яницкий. Риск-солидарности: российская версия

Полевые исследования

Дидье ле Галль, Шарлоттле Ван. Сексуальный дебют в современной Франции

Елена Омельченко. Размытое начало: гомодебют в контексте сексуального сценар

Биография номера

Елена Мещеркина. «...Я была домашним, дворовым ребенком»

Визуальная социология

Елена Мещеркина. Фотография из семейного альбома

Рецензии

Сергей Ушакин. Познавая в сравнении: о евростандартах, мужчинах и истории Барбара Эванс Клементе, Ребекка Фридман и Дэн Хили (ред.). Российские мужчины в истории и культуре

Елена Рождественская. Рефлексия отца-философа М. Эпштейн. Отцовство. Метафизический дневник

Авторы номера

ИНТЕР № 4 (2007)

Письмо редакторов

Теоретические дискурсы и дискуссии

Петр Штомпка. Введение в визуальную социологию

Розвита Брекнер. Изображенное тело. Методика анализа фотографии

Оксана Запорожец. Визуальная социология: контуры подхода

Индивид и общество

Елена Лебедева, при участии Елены Греминой. Конструирование социального документа в практике документального театра (театр.doc)

Михаил Рожанский. Дневник советской девушки

Полевые исследования

Дмитрий Попов. Российская интеллигенция как образ: визуальные послания разных времен

Ольга Ткач. В поисках родословной: изобретение традиции?

Биография номера

Ксавье ЛеРой. Автобиография танцора: «Продукт обстоятельств»

Комментарий Елены Рождественской. Биография как телесный нарратив

Визуальная социология

Фотография Сергея Максимишина «Чечня», комментарий Елены Рождественской

Авторы номера

ИНТЕР № 5 (2009)

Письмо редакторов

Теоретические дискурсы

Ольга Никитина-ден Бестен. «Детство» в социальных науках: новые смыслы и новые подходы

Olga N. Nikitina-den Besten. What's new in the New Social Studies of Childhood?

Полевые исследования

Иван Забаев. Образ ребенка у жителей российских мегаполисов. По материалам биографических интервью с россиянами репродуктивного возраста

Gerhard Jost. Parental Loss during Childhood — Biographical Research Based on the Qualitative Paradigm (Потеря родителя в детстве — Биографическое исследование на основе качественной парадигмы)

Алевтина Корнеева, Анна Стрельникова. Детдомовцы и воспитанники патроната на пороге взрослой жизни

Ольга Громашева. Чем и как накормить дитя? Восприятие матерями рисков питания

Методологическая рефлексия

Мишель Вивьорка. Понятие интервенции в социологии, психологии и клинической социологии. Предисловие к книге «Международная клиническая социология»

Игорь Масалков. Клиническая социология как пространство интервенции

Визуальная социология

Елена Рождественская. Визуализация детства в городском пространстве. Готтфрид Хелнвайн

Рецензии

Елена Рождественская. Рецензия на коллективную монографию «Здоровье и доверие: гендерный подход к репродуктивной медицине» (под ред. Здравомысловой Е., Темкиной А.)

Конференции

Виктория Семенова. Новые пути в биографических исследованиях. Конференция «Биография и перформанс». Краков, декабрь 2009

ИНТЕР № 6 (2011)

Письмо редакторов

Теоретические дискурсы и дискуссии

Michał Łuczewski, Paulina Bednarz-Łuczewska. Memory cultures and politics of history. A plea for Polish-Russian cooperation

Serguei Oushakine. 'I have no idea how to make myself useful': Chechen War veterans on the State that betrayed

Елена Рождественская, Виктория Семенова. Социальная память как объект социологического изучения

Коллективная память в национальных контекстах: Россия-Польша

Илона Голембевска. 17 января 1945 года в Варшаве: представление событий в польских школьных учебниках по истории

Эва Кристина Селлава-Колбовска. Тяжелый груз воспоминаний и неудобные «места памяти». Исследование коллективной и культурной памяти о событиях 17 января 1945 года в Варшаве

Войцех Полец. Культурная память в качестве определяющего отношения поляков к россиянам

Mikhail Chernysh. Historical trauma and memory: the case of the Afghan war

Роман Абрамов. «Советский чердак» российской блогосферы: анализ ностальгических виртуальных сообществ

Визуализация памяти

Елена Рождественская, Ирина Тартаковская. Пространство памяти в «Афганском» музее: попытки договориться с прошлым

Анна Стрельникова. Коллективная память в городском пространстве: места памяти об Афганской войне

Новые ракурсы рассмотрения памяти: опыт молодых

Наталья Мاستикова. Фрагментарность памяти об Афгане у последующих поколений: результаты фокус-групп со студентами

Ирина Ксенофонтова. Виртуализация мемориальных практик: интернет-сайт как «книга памяти»

ИНТЕР № 7 (2014)

Письмо редакторов

Полевые исследования: анализ виртуальных сообществ

Анна Стрельникова, Елизавета Полухина. «...Что такое повсеместное дарение? Это максимальное доверие друг к другу»: особенности социального порядка в виртуальных сообществах дарообмена

Елена Рождественская, Виктория Семенова. Киберэтнография виртуального сообщества: анализ туристского форума

Александрина Ваньке, Ирина Ксенофонтова, Ирина Тартаковская. Интернет-коммуникации как средство и условие политической мобилизации в России (на примере движения «За честные выборы»)

Elisabeth Schilling. Transnational Biography: Reassessment of personal biographical experiences in internet forums among Russian migrants in Germany

Михаил Черныш. Сетевая среда религиозных исканий

Теоретические дискурсы и дискуссии

Елизавета Полухина. Онлайн-наблюдение как метод сбора данных

Иван Климов. Размышления о методологии Online-Offline Phenomena Studies: к дискуссии на симпозиуме «Пути России — 2014»

Полина Колозариди. Чем онлайн отличается от оффлайна и какой теоретический смысл есть в этом различии

Визуальная социология

Елена Рождественская. АВАТАР: визуализация идентичности в сети

Первые шаги

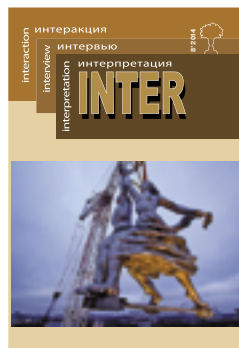
Ксения Федина. «Виртуальная Родина»: пространство национальной идентичности в социальных сетях (на примере детей мигрантов из Армении и Азербайджана)

Исследовательские центры

Иван Климов. Приоритеты исследовательской программы Центра изучения Интернета и общества РЭШ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА И АННОТАЦИИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

ИНТЕР № 8 (2014)

Теоретические дискурсы и дискуссии

Виктория Семенова. Стратегия комбинации качественного и количественного подходов при изучении поколений

Елена Рождественская. Надежность качественных методов и качество данных

Анна Стрельникова. Перемещения в пространственных координатах: больше, чем географическая мобильность

Полевые исследования: политики памяти в современной России

Александрина Ваньке, Елизавета Полухина. Вечный огонь в Александровском саду как публичное место памяти

Анна Стрельникова. Памятник без музея, музей без памятника: непростая биография «Рабочего и колхозницы»

Ирина Тартаковская, Екатерина Тарновская. «Одной правды нет»: визуализация политики памяти в историческом музее

Роман Абрамов, Евгений Терентьев. Символическое пространство культуры памяти: два топонимических кейса

Визуальная социология

Елена Рождественская, Ирина Тартаковская, Елизавета Полухина, Виктория Семенова. Мемориал Синти и Рома: групповая аналитическая дискуссия

Первые шаги

Надежда Васильева. Символика памятника Ф.Э. Дзержинскому в современном публичном дискурсе

Рецензии

Наталья Веселкова. Приглашение всмотреться: две обложки книги Алейды Ассман. Рецензия на: А. Ассман. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014

Авторы номера

ИНТЕР № 9 (2015)

Письмо редакторов

Теоретические дискурсы и дискуссии

Наталья Савельева. Между свободой и подчинением: «техники себя» в работах Мишеля Фуко

Ekaterina Kovaleva, Marina Spirina. Representation of the female body in modern yoga: theoretical and methodological approach

Ольга Савинская. «Образовательное пространство детского сада»: концептуализация понятия и методика конструирования его измерений

Полевые исследования

Алиса Толстокорова. Энигма, враг или амиго?: роль аттitudного фактора в конструировании опыта зарубежного трудоустройства украинских трудовых мигрантов

Anastasia Poylova. The role of the entrepreneur's family in choosing a career path

Елена Онегина, Полина Остроухова. «Обретение красоты» в женских нарративах

Визуальная социология

Анна Санина. Визуальная политическая ирония в Рунете: кейс сообщества «Potsreotizm»

Обзоры конференций

Александрина Ваньке. Новая повестка дня в исследованиях телесности. Международный симпозиум «Дискурсы тела/политики тела и действие». Вена, Венский университет, 5–7 февраля 2015 г.

Виктория Семенова. Международная конференция «Biographies of Belonging». Амстердам, Амстердамский свободный университет, 10–11 марта 2015 г.

Ирина Тартаковская. Международная конференция «Политическое — это личное: режимы гендера, здоровья и заботы». Санкт-Петербург, Европейский университет в Санкт-Петербурге, 16–17 апреля 2015 г.

Авторы номера

Abstracts and key words

Журнал можно приобрести в редакции или заказать по пересылке.

Адрес редакции:

117259 Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5

Тел.: (499) 128-86-18

Факс: (495) 719-07-40

e-mail: rusica@isras.ru

Все права на материалы, опубликованные в журнале, принадлежат редакции и авторам. Публикации журнала не могут быть воспроизведены в любой форме без разрешения редакции.

Журнал зарегистрирован Министерством Российской Федерации по делам печати, радиовещания и средств массовых коммуникаций (регистрационный номер ПИ № 77-9679)

ISSN 2307-2075

Учредители:

Институт социологии РАН

Российское общество социологов

Над номером работали:

Выпускающий редактор *Александрина Ваньке*

Корректор *Виктория Камышан*

Оригинал-макет *Виталий Кудымов*

Подписано в печать 27.07.2016. Формат 70×100 ¹/₁₆.

Гарнитура «Pragmatica». Печать офсетная.

Тираж   экз. Заказ №   .